

ЕВГЕНИЙ БОРОВИКОВ

ДИЛЕММА
ДИКОБРАЗОВ
КНИГА I

СЛЕПОЙ КОТЁНОК

Евгений Боровиков

Слепой котёнок

«Автор»

2026

Боровиков Е.

Слепой котёнок / Е. Боровиков — «Автор», 2026

СССР, Большое село Южного Урала, 1965 год. Что делать девятилетнему ребёнку, у которого и так вся жизнь - череда приключений и неприятностей, а тут ещё с ним начинают происходить странные вещи, о которых никому нельзя рассказывать?

© Боровиков Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Евгений Боровиков

Слепой котёнок

Глава

ДИЛЕММА ДИКОБРАЗОВ.

КНИГА 1. СЛЕПОЙ КОТЁНОК.

*Посвящается
моей половинке Ларисе
(без которой я бы никогда не решился)
лучшим друзьям Игорю и Вике
неугомонному и наглому Симону,
который всегда со мной.*

Пролог

14 сентября 1970 года, Марокко

Старик стоял на коленях уже несколько часов, продолжая неистово молиться. Юный бог приходил в его фруктовый сад, широко раскинувший ряды ухоженных деревьев по благодатной долине Тадла, не каждый день, а зачастую и не каждую неделю, и только в сезон созревания плодов. Но Хассан Абди всегда был рад его приходу, искренне считая, что на него самого, на его землю и на его семью падает тень благословения от силы Его.

Маленький алтарь, что Хассан соорудил под Его любимым деревом, никогда не пустовал: финики и инжир в глиняном горшочке, спелые гранаты, истекающие соком при малейшей попытке разломить их, апельсины и лимоны в корзине, заботливо укрытой тяжёлой белой тканью, фисташки в пиале и, конечно же, мандарины, которые юный бог любил больше всего. Старик заботливо обновлял дары каждый день, меняя фрукты на свежие, а когда ему нездоровилось, всегда посылал одного из правнуков, спокойного и тихого черноглазого Насима, позаботиться о святом месте. Родные давно смирились с причудами патриарха, беззлобно шутя между собой над главой многочисленной семьи Абди, но всегда делали это, только убедившись, что старика нет рядом, потому как спины многих из них помнили удары тяжёлого посоха Хассана. Выточенный из кривоватой ветки мандаринового дерева руками самого старика, посох незамедлительно шёл в дело, когда Хассан хоть краем уха слышал пересуды об алтаре, разложенных фруктах и странном мальчике, непонятно как пробирающемся в сад и морочащем старику голову.

Иногда Он оставлял что-нибудь на алтаре в ответ, забрав подношения. Его дары были необычными, а иногда даже странными: никогда не виденные Хассаном за его долгую жизнь фрукты и ягоды, очень вкусные маленькие орехи в коричневой твёрдой скорлупе, ядовито-зелёного или тёмного цвета сладкий лимонад в стеклянных бутылках. Особенно любил старик крупную, с ноготь величиной, кислую и терпкую чёрную ягоду, что иногда появлялась на алтаре к исходу лета. Однажды это и вовсе была плитка шоколада с изображением голубоглазого младенца в платке на обёртке. Шоколад Хассан отдал правнукам, а упаковку спрятал у себя в вещах. Пророк говорил, что в День Воскресения жестокой каре подвергнутся те, кто создаёт образы, но рука не поднялась выкинуть или сжечь бумагу с необычным притягатель-

ным рисунком. Иногда Хассан, сидя поздней ночью у костра, доставал эту обёртку и долго рассматривал: казалось, в колеблющихся отсветах пламени младенец так внимательно смотрит на него, что взгляд голубых глаз проникает до самых глубин изрядно зачерствевшей за прожитые десятилетия души. Чтобы загладить свой грех, приходилось потом молиться до самого рассвета, но патриарх был так стар, что ночное бдение для него было скорее обыденностью, нежели испытанием.

Бывало, что юный бог, закатав рукава своей странной одежды, садился на ковёр, разложенный в тени мандаринового дерева, рядом со стариком, и что-то рассказывал на незнакомом, грубовато звучащем языке, который никак нельзя было назвать певучим и ласкающим слух. В ответ Хассан неторопливо говорил о своей семье, о любимом саде, обо всём том, что увидел и узнал за долгую жизнь. Да, Хассан Абди никогда не покидал пределы долины Тадла, но воспоминаний у него накопилось достаточно, и всегда было что рассказать: первая увлечённость молодой девчонкой из соседней деревни, свадьба, рождение старшего сына, да много чего. И хотя собеседники не понимали друг друга, старику казалось правильным поделиться своей историей в ответ на Его историю. Они пили из маленьких стаканчиков атай – мятный чай, что так хорош в жару, ели бастилу или бриуаты, которые так вкусно готовила его средняя дочка Амина, и говорили каждый о своём. И им было хорошо и спокойно. Члены семьи иногда видели их сквозь просветы в ровных рядах цитрусовых деревьев, но никогда не подходили – патриарх строго запрещал беспокоить Его.

Но сегодня всё было не так. Тяжкое испытание пришло в дом семьи Абди, и старик с самого рассвета стоял на коленях возле алтаря, вознося молитвы и призывая на помощь юного бога, веря и надеясь, что Он услышит и придёт. И если Он потребует жизнь за жизнь, то старик без колебаний был готов к ахирату, концу пути и началу загробного существования правоверного мусульманина. Хассан закончил очередную молитву, достал свой старый кинжал куммию и неторопливо, с достоинством и выдержкой провёл бритвенно-острым, чуть загнутым к концу лезвием по ладони. Богам нужны жертвы, ведь так? Струйка крови полилась на алтарь, а старик смотрел, как густые алые капли красят светлый камень. Вскоре седая склонённая голова повернулась чуть влево. Ветра сегодня не было, и в тишине сада хорошо был слышен звук приближающихся шагов. Он пришёл.

Глава 1.

6 мая 1965 года, Берёзовка

Зинаида Павловна Синичкина нависала надо мной, словно ледокол «Ленин» над ледяным торосом. В одной из книжек, что валялись у нас дома ровным слоем на большинстве горизонтальных поверхностей моей половины комнаты, я видел картинку с этим могучим кораблём, продирающимся сквозь льды Арктики. Было очень похоже. Я сжимал в опущенных руках тонкий учебник по русскому языку за третий класс, делал покаянное лицо и внимательно следил за обстановкой вокруг, собираясь максимально быстро отскочить в случае попытки рукоприкладства в свой адрес.

Наш классный руководитель, Лидия Ивановна, сидела за учительским столом, склонив голову немного набок, и постукивала кончиком остро заточенного карандаша по стопке тетрадок. В центре класса вольготно расположились «Монтеки» и «Капулетти» этого четверга. Намечалась большая весенняя уборка, поэтому все парты и стулья были сдвинуты к стенам и окнам, образуя в центре помещения свободную площадку. Напротив меня стоял мой одноклассник Сашка Синичкин, чей распухший нос сейчас походил на крупную перезрелую фиолетовую сливу, а под глазами уже начали наливаться тёмные круги. Его огромная мамка, шири-

ной почти в дверной проём класса, цепко держала Сашку за плечо, потряхивая сыном, словно нашкодившим щенком, при декламации каждой обвинительной фразы в мой адрес. Старший Синичкин, высокий и лысоватый тракторист Владимир, которого все на селе называли не иначе как «Вова-трансформатор» за регулярное разгульное гудение после получки, сидел на парте у стены, хмурился и недовольно жевал нижнюю губу – вместо обеденного «забивания козла» с мужиками он был выдернут в школу по абсолютно незначительному, на его взгляд, поводу: ну подрались пацаны и подрались, обычное же дело.

Мама с отчимом стояли за моей спиной, выслушивая громогласную сторону обвинения, поэтому в данный момент времени я их не видел. Зато прекрасно слышал громкое недовольное сопение Артурчика и затылком чувствовал неотвратимое приближение карающей длани своей любящей, но строгой родительницы. Надо было срочно как-то выкручиваться из сложившейся ситуации.

Зинаида-ледокол сверлила меня маленькими злобными глазками, широко расставив ноги-тумбы, уперев огромный окорок руки в могучий бок, и, раскачивая из стороны в сторону другим окороком растрёпанного Сашку, ревела пароходным гудком на весь класс:

– Не верю, что ты изувечил сыночку этой тонкой книжицей! Ему же половину лица разнесло. Признавайся – ударил стулом или ногой! Покажи, покажи мне, как ты это сделал!

Я удивлённо воззрился на неё и резко, без замаха, саданул Сашку ребром учебника по носу снизу вверх, ровно как и в первый раз, на уроке. Со всей дури заехал, изо всех своих невеликих силёнок. Оппонент взвыл так, что меня слегка оглушило звуковой волной, и шлёпнулся на зад, закрыв лицо ладонями.

– Вот прям так и ударил, Зинаида Пална, видели? – Синичкину, казалось, «обнял дед Кондратий», как любила говаривать моя бабка. В классе повисла тишина, только крупная майская муха гулко билась об оконное стекло, да Сашка подвывал на одной ноте.

Зинаида, наконец, отмерла и замахнулась на меня своим розовым окороком, сделав такое страшное лицо, что им легко можно было напугать до мокрых штанов роту гитлеровцев в штыковой атаке. Привыкшая тягать огромные кастрюли в столовой при совхозе, Зинаида вполне могла, например, взять меня за шкирку одной рукой, раскрутить над головой и перекинуть через школьный забор. Я понял, что если не увернусь, от меня и мокрого места не останется, поэтому со всей поспешностью отскочил в сторону и незамедлительно перешёл в наступление:

– За то, что ваш сын сегодня сказал при всём классе про мою маму, я каждый день буду бить его, пока весь не посинеет. А ведь повторял он ваши слова, Зинаида Пална!

– Та-а-ак, а ну-ка, Витя, что там было сказано Александром? Дословно! – мама, напряжённая, словно пружина, шагнула так, чтобы встать между Зинаидой и мной, прикрывая меня от покрасневшей разъярённой фурии. Мужчины подобрались, Трансформатор поднялся со своего места, по привычке отряхивая брюки – не такие уж у нас грязные парты. Лидия Ивановна привстала, явно готовясь как-то разрядить ситуацию.

– Он говорил так: «А моя мамка сказала, что твоя мамка – главнейшая шалава на селе». – чётко продекламировал я, передразнивая тонкий и гнусавый голосок одноклассника.

Завертелось. Хищной тигрицей, одним прыжком мама подскочила к Зинаиде и вцепилась той в волосы. Видели когда-нибудь кошку, которая защищает котят от здоровенной собаки, бесстрашно бросаясь прямо на оскаленную пасть? Мама, хоть и была на голову выше Синичкиной, но в весовой категории явно сильно проигрывала, поэтому, когда Зинаида начала метаться от боли по классу, маму просто мотало за ней. Выглядело это так, будто ковбой на рдео пытается удержаться на обезумевшей лошади, кое-как вцепившись руками в поводья.

Вова-трансформатор, сжав кулаки, бросился вперёд, но был оперативно остановлен Артурчиком. Воспользовавшись ситуацией, я с разбега вскочил на парту у окна и оглядел поле боя. Синичкина уже стряхнула с себя мамку, но явно проигрывала в рукопашной, короткими руками с трудом отбивая ловкие оплеухи моей родительницы. Мужчины же, каждый прихватив

своего оппонента за лацкан пиджака, свободной рукой портили лицо противника со всем прилежанием. Классная так и застыла с открытым ртом, явно растерявшись. Сашка самозабвенно ныл, сидя на полу посреди развернувшегося Бородино, и размазывал кровь и сопли по лицу.

– Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лёд и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом,
И скоро стали неразлучны!

Я громко декламировал стихотворение, перекрикивая шум драки. Возымело действие: женский дуэт распался на отдельные, злобно зыркающие друг на друга растрёпанные составляющие. Главы семейств так и застыли с занесёнными для удара кулаками, ошарашенно глядя на меня.

– Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция! Ура, товарищи! – выкрикнув лозунг, почерпнутый на осенней демонстрации трудящихся, в которой я участвовал вместе с родителями прошлой осенью, я выпрыгнул в раскрытое окно, благо наш класс располагался на первом этаже здания школы. Одним местом чую, надо тикать, пока всем не до меня. Лучше подожду родителей за забором. Сзади раздался крик наконец-то пришедшей в себя Лидии Ивановны:

– Немедленно прекратите это безобразие, или я вызову милицию! Вы не на базаре, в конце-то концов, а в учебном заведении! Бело-о-ов, а ну, вернись в класс!
Нашла дурака.

Глава 2.

6 мая 1965 года, Берёзовка

В ожидании родителей я уселся на гранитный валун, с незапамятных времён лежавший недалеко от большого дуба, росшего напротив входа на территорию школы. Когда-то строители поленились вывезти эту здоровенную каменюку после окончания возведения двухэтажного школьного здания, так она и прижилась под деревом, уже уйдя в землю на пару ладоней. Гранит был приятно прохладным в этот тёплый майский день. Сердце постепенно успокаивалось, а взмокший от пота лоб быстро высох под порывами лёгкого ветерка. Поёрзав на валуне и прикинув, что мать с Артурчиком вряд ли скоро освободятся после того знатного переполоха, который устроили все действующие лица недавнего представления, я начал наблюдение за потоком солнечного света, медленно крадущимся к припаркованному в тени здания директорскому «Запорожцу».

Солнце, как охотящаяся на осторожную птичку кошка, по паре сантиметров в минуту приближалось к благородно-красному «запору», а мои мысли вольготно разбежались по бескрайнему полю научных и не очень экспериментов, которые я готовился провести над собой. Кто другой на моём месте сейчас бы мучился и страдал, ожидая неизбежную и серьёзную кару за сегодняшние проделки, но я давно перестал бояться по пустякам. Дед по матери, Мирон Матвейч, накрепко вдолбил в мою маленькую голову народную поговорку: «Сам заварил, сам и расхлёбывай». Все известные мне наказания я давно испробовал на собственной шкуре и

находил более утомительными, нежели страшными. Было даже слегка любопытно, как сегодня выкрутятся родители в попытке подыскать для меня что-то новенькое.

Странности со мной начались с год назад, правда, поначалу их никто не замечал, даже я сам. Однажды тёплой летней ночью, когда к селу медленно подползала ворчливая гроза, моя старшая сестра Наталья решила поугагать перед сном «мелочь пузатую» привезёнными из пионерлагеря страшными историями. Наташке тогда было тринадцать, средней сестре Таньке десять, а мне восемь. Близнецам Ваньке и Петьке было по три годика, и их, в силу малолетства, на вечер ужастиков не позвали. Рассказчица, накинув для пушшего эффекта на голову мамкин платок и светя себе на лицо снизу вверх утянутым у отчима электрическим фонариком, страшным-престрашным хриплым голосом рассказывала нам с Танькой про Гроб на колёсиках, про Чёрные башмачки и всякое такое. Надо сказать, что получалось у неё здорово, мурашки маршировали по моей спине стройными колоннами, участвуя в своей мурашкинской демонстрации и развернув маленькие транспаранты с надписью «Нам страшно!».

На истории про Летающий Глаз, который парит над селом по ночам и следит, чтобы дети не гуляли по тёмным улицам, а если кого-нибудь увидит, то стреляет в него электричеством из зрачка и от ребёнка остаётся только дымящаяся обувь, в самый захватывающий момент рассказа в дерево на соседнем с нашим участке ударила молния. Я на секунду ослеп, оглох и испугался так, как никогда до этого, заорав во все свои восьмилетние лёгкие. Мне показалось, что в это мгновение я взорвался изнутри. Со всех сторон раздался треск и звон, на голову что-то посыпалось. На мои вопли и визг девчонок прибежали родители: свет в комнате не включался, мама кричала, сёстры вторили ей, а отчим, для разнообразия, ругался нехорошими словами. Странная фраза – разве можно ругаться хорошими словами? Танька и я разревелись, нам вторили из соседней комнаты испугавшиеся тарарама близнецы.

Когда суета хоть немного улеглась и мама принесла керосинку, выяснилось, что в помещении разбились или потрескались все хрупкие или стеклянные предметы: оконное стекло осыпалось во двор, осколки лампочки устлали мою кровать, большое зеркало в углу покрылось паутиной трещин, а фонарик в руках Наташки остался без стёклышка и наотрез отказывался работать. При этом у соседей, на участке которых и находилось то злополучное дерево, чья верхушка осыпалась мелкой щепой по всему двору, треснуло пополам только одно оконное стекло.

Хотя, казалось, что мы не были виноваты в случившемся, всё равно получили на орехи всей командой: Наташке и Таньке на две недели запретили гулять на улице, мне надавали по заднице ремнём и всех озаботили повышенной дозой работ по хозяйству. Наташке так вообще прилетело больше всех, поскольку позаимствованный ею фонарик, как оказалось, был подотчётным у отчима на работе. Она надулась на всех и некоторое время изображала холодную и неприступную Миледи из Трёх Мушкетеров, пока не получила от мамки мокрой тряпкой по лицу и не перестала выкобениваться.

Осенью того же года произошёл ещё один непонятный случай. Мы с пацанами полезли за яблоками в совхозный сад, где наелись от пуза, побегали всласть от сторожевой овчарки Динки, а самый неповоротливый, круглолицый и румяный Федька Кулагин с соседней улицы отхватил крупной солью из ружья сторожа пониже спины. На следующий день отцов всех незадачливых воришек, в том числе и Артурчика, вызвали в сельсовет и как следует пропесочили на тему воспитания подрастающего поколения. А когда отчим с перекошенным лицом ввалился в дом, на ходу сдёргивая с брюк ремень, я успел забежать в свою комнату и вцепился изо всех сил в дверную ручку, пытаясь хоть на пару секунд отсрочить неизбежный воспитательный момент. Артурчик подбежал к двери и дёрнул на себя – дверь не открылась. Дёрнул сильнее – дверь

даже не шелохнулась. Дёрнул со всей дури, вкладывая весь свой вес: раз, другой, третий – и улетел на пол, сжимая в руках вырванную с мясом ручку. Я приоткрыл дверь и недоумённо смотрел на распластанного отчима, сжимающего в одной руке ремень, а в другой дверную ручку, а он непонимающе таращился на меня снизу вверх. Естественно, дело закончилось тем, что ещё два дня я ел стоя, но чесал затылок и кричал Артурчик тогда до самого вечера.

А вскоре после Нового года и моего девятого дня рождения мы с Толькой Ковровым и Мишкой Гончаренко втайне от родителей убежали на Крутую Горку кататься на санках. Есть в паре километров от нашего села такой здоровенный и очень крутой холм, относящийся к южноуральскому предгорью, как объясняли нам на уроке природоведения. Поскольку Крутая Горка вся заросла лесом, взрослые настрого запрещали детворе бегать туда кататься, но когда это подобные запреты кого-либо останавливали? Любая зима не обходилась без сломанных ног, рук и разбитых носов, а уж количество изничтоженных санок не поддавалось исчислению.

Мишка и Толька – это мои одноклассники и лучшие друзья, и мы неразлучны уже третий год. Знакомство наше состоялось в первом классе, в первый же учебный день. Сначала я на перемене нечаянно оттоптал ногу Мишке, мы немного потолкались, затем расквасили друг другу носы, а потом уже и познакомились. А после уроков ошалевший от науки Мишка, несясь с выпученными от счастья глазами по коридору навстречу долгожданной свободе, снёс плечом серьёзного мальчика Анатолия. Новое знакомство завершилось двумя симметричными фингалами и торжественным рукопожатием. С тех пор мы трое – не разлей вода.

В общем, тем зимним днём Мишка подбил нас уйти с наскучившего и относительно плоского спуска для мелюзги и попробовать скатиться с самой вершины холма – ведь мы уже почти взрослые, всего год каждому до юбилея остался. Сказано – сделано: за четверть часа мы, пыхтя как три уставших ежа и волоча за собой санки с тщательно отшлифованными широкими деревянными полозьями, доползли до вершины. С высоты открывался захватывающий дух вид на Берёзовку, наше родное село, широко раскинувшееся по долине, и белую ленту речки Бобровки вдалеке. А под ногами на добрый километр простирался заросший деревьями крутой склон, при одном взгляде на который колени начинали предательски дрожать.

Мы долго спорили, кому выпадет честь первым испытать новый спуск. Боялись-то все трое, но старались не подавать виду, опасаясь быть высмеянными за трусость. В конце концов, я вытребовал у Тольки его шапку-ушанку, поглубже натянул её на свою бестолковку, гордо крикнул в зимнюю пустоту «Поехали», подражая Гагарину, и покатился со склона вниз.

Первые метров пятьдесят было не так уж и страшно, а потом моя скорость, казалось, приблизилась к первой космической. Меня накрепко сковало страхом – по-хорошему, надо было переворачиваться вместе с санками и тормозить в ближайший пухлый сугроб, но я мужественно пытался управлять этим полётом в неизвестность, перебирая по снегу конечностями, ведь космонавты не должны бояться! Сначала слетел валенок с левой ноги, а затем и я с намеченного маршрута. Последнее, что запомнилось – летящий прямо на меня огромный ствол сосны, слегка припорошённый снежком. Рот открылся было в крике, но внезапно наполнился снегом, казалось, аж до самого желудка. Кое-как отплевавшись, я вынырнул из сугроба и огляделся.

В десяти метрах вверх по склону от того места, где я барахтался в снегу, вокруг ствола дерева были разбросаны куски моих санок. Морщась от ощущения начинающего промокать на ноге шерстяного носка, я побрёл осматривать место крушения. И не поверил своим глазам: колея от полозьев, прекрасно видная на идеальной снежной поверхности склона, упиралась прямо в ствол, на котором остались выщербины от столкновения. По спине пробежал озноб, и я добрую минуту непонимающе смотрел на открывшуюся картину, разом забыв про холод, страх перед кожаным ремнём со звездой на бляхе и мокрую ногу. Никаких сомнений не было – я должен был разбиться о сосну, возможно, насмерть. Сзади слышались голоса: это парни, не рискуя съехать вслед за мной, пробирались сквозь редколесье. Не до конца осознавая свои

действия, я схватил самый большой обломок санок и быстро разбросал снег вокруг, стараясь зачем-то скрыть следы того, чему не было никакого разумного объяснения.

– Витька, как здоровски ты полетел вниз, прям ух! – Мишка аж захлёбывался от распившего его возбуждения, немного подпрыгивая на месте.

– Ага, Витёк, ты прямо как Гагарин в космос усвистал, быстро-быстро, а потом бабах, и тишина. Мы кричим тебе, а ты молчишь, не отвечаешь, ну мы и побежали за тобой, ты как, сильно побился, болит чего? – тараторил рядом с ним Толька.

– Парни, я в порядке, но есть проблема. – Я поднял из снега левую ногу.

– Так, быстро бежим вниз, там мы тебя доведём до дома. Останавливаться нельзя, помозишь ногу и её отпилят, как у дядьки моего прошлой зимой, – деловито высказался Мишка. Его дяде и правда с год назад отняли ногу – в новогодние праздники тот шёл пьяный с одного застолья на другое, и заснул прямо перед чьей-то дверью. Хорошо, что вскоре об него споткнулся в темноте кто-то из гостей. Я посмотрел в сторону вершины холма – искать валенок на склоне было бессмысленной затеей, тем более что в голове не отложилось точное место, где тот слетел.

Как сбежали вниз с Крутой Горки, помню плохо. Я тогда ещё не пришёл в себя после стремительного спуска и неожиданного спасения. Но дорогу до села запомнил навсегда. Я ехал на Мишкиных санках, то растирая начинающую неметь ногу, то закутывая её в Толькину цигейковую шубу, которую друг отдал мне. Вечерний мороз прихватывал нос и щёки, начинал обкусывать конечности. Парни, шумно сопя, тянули вдвоём санки по свежему снегу, проваливаясь местами по колено. В тот раз я отделался покрасневшей от лёгкого обморожения ногой, облупившимся кончиком носа, разбитыми санками и потерянным валенком. Дома, конечно же, получил по полной программе – крики, ремень и тёмный угол. Лишение прогулок получилось само собой, ибо запасных валенок у меня не было. Поэтому, пока отчим не достал через две недели новую пару, я успел прочитать всего Конан Дойля, который нашёл в школьной библиотеке. Вместе с гениальным Холмсом и смелым Ватсоном днём я распутывал детективные загадки, а по вечерам делал под тусклой лампочкой переданные одноклассниками домашние задания.

Именно тогда я впервые задумался о необычности происходящего со мной. Побитые в грозу стёкла и зеркало, дверь без замка и засова, которую не смог открыть сильный взрослый мужчина, а теперь и разбитые санки с одной стороны дерева, и снежный дельфин Витя Белов с другой. Не так давно я вычитал в одной детской книге, написанной доходчивым и понятным школьникам языком, про научный подход. Там было сказано, что основой для получения учёными данных являются наблюдения и эксперименты. Это когда они сначала просто смотрят на всё вокруг и проводят опыты. Потом для объяснения наблюдаемых фактов выдвигаются гипотезы и строятся теории, на основании которых формулируются выводы и предположения. На этом этапе учёные просто придумывают объяснения – почему происходит именно так. Но придумать мало, надо потом проверить экспериментально, и не один раз, чтобы подтвердить верность полученных выводов и собрать новые факты для последующих исследований.

Я, как заправский учёный, разложил на столе несколько чистых листов и пару острозаточенных карандашей и принялся записывать всё, что мог вспомнить необычного за свою недолгую сознательную жизнь. Потом, походя с важным видом из угла в угол, я решительно повычёркивал из списка случаи, которые можно было отнести к необычным весьма условно. Например, как я на спор с первого раза попал снежком в соседскую собаку с добрых двадцати метров, одарив проигравшего Мишку десятью щелбанами, или как упёр из чьего-то огорода на соседней улице полные карманы крупных слив, а они все до единой оказались червивыми.

В конце концов на листке бумаги остались три строчки, написанные моим корявым почерком. Пятёрки по русскому языку мне не видать никогда в жизни. Зачастую я сам был не в состоянии прочитать недавно написанное своей же рукой, и никакие прописи мне не помогали. Да и не старался я, если честно, считая все эти упражнения в каллиграфии бесполезной тратой времени. Три пункта списка гласили: бабах в грозу, бабах в лесу и трах-тарарах Артурчику – в книжках все уважающие себя шпионы шифруют свои записи, чтобы враги не догадались.

Подойдя к окну, я состроил высокомерную гримасу, задрал подбородок кверху, и, сделав максимально сложное лицо, принялся обозревать открывшийся моему взору вид. Посреди расчищенного от снега внутреннего двора Полкан, наш молодой сторожевой пёс, увлечённо копал очередную яму. На днях Артурчик, возвращаясь вечером с работы домой, в темноте наступил в такой вот собачий раскоп и вывихнул ногу. Но даже отбитая фанерной снегоуборочной лопатой пушистая задница не остановила археологические работы этого пустобрёха.

– Товарищи, рассмотрим же факты! – растягивая слова, низким голосом проговорил я и сбился, глупо захихикав. Закончив веселиться, взаправду призадумался, пытаюсь найти общую закономерность во всех трёх случаях. Время суток каждый раз разное: ночь, день и вечер. Обстоятельства произошедшего не совпадают, место действия – два случая в доме, третий на Крутой Горке. Действующие лица: две сестрёнки, фонарик и гроза в первом случае, Артурчик, его ремень и дверь во втором, Мишка с Толькой и санки – в третьем. Навернув по комнате ещё с десятков кругов и чуть не расквасив себе нос, запнувшись о табуретку из-за устремлённого в дощатый потолок взгляда, я пришёл к однозначному выводу: единственное, что объединяло все три случая, это я сам и моё неординарное эмоциональное состояние – страх. Я испугался удара молнии, до чёртиков испугался разъярённого отчима и невообразимо перепугался той огромной сосны на склоне холма.

Сформулируем гипотезу: когда я сильно боюсь, происходит необъяснимое, невероятное и неведомое. Теперь требуется экспериментальное подтверждение. А ещё мне периодически начал сниться кошмар: я еду на санках прямо на дерево, от страха закрываю лицо руками, а когда убираю руки, то впереди ещё одно дерево, и свернуть никак не получается. А потом всё повторяется раз за разом: дерево, темнота, дерево и так до бесконечности.

Глава 3.

Над способами хорошенько напугать самого себя я ломал голову весь тот январский день. Задача оказалась не такой уж и простой. Я перебирал варианты один за другим, но ничего не лезло в голову. Попросить Таньку напугать меня, неожиданно крикнув из-за угла? Не работает, ведь я буду знать об этом заранее. Залезть к соседям на участок, чтобы на меня напала собака? Но я опять-таки буду готов к облаиванию и обкусыванию, да и мамка за ещё одни дражные штаны прибьёт, она обещала. А что, если прыгнуть в колодец? Разобьюсь вряд ли, не та высота, но испугаюсь ли я достаточно? Да и выбираться-то потом как, околею за пять минут. Выпросить у кого-нибудь из пацанов санки, да пойти ещё раз скатиться с Крутой Горки, правая прямо в дерево? Вот это хороший вариант, так я точно испугаюсь. От одного воспоминания об охватившем меня ужасе при виде стремительно надвигающегося соснового ствола перехватило дыхание. Но если моя странность не работает, то я разобьюсь о дерево, да и санки чужие сломаю при любом исходе – нехорошо.

Так и не придя в тот день к какому-либо решению, я, помаявшись ещё с час, сел за домашку. Но идея не оставила меня, вынуждая раз за разом возвращаться к обдумыванию способов подтвердить или опровергнуть мои теоретические выкладки.

В первый же учебный день после вынужденного перерыва в посещениях школы я отозвал на перемене своих бандитов под предлогом обсуждения Очень Важного Дела. Морщась от

боли в ногах – новые валенки пришлись не совсем по размеру, и теперь предстояло долго их разношивать, ведь других мне никто не даст – я завёл парней за угол школьного здания, где незамедлительно их и озадачил:

– Пацаны, мне нужно сильно напугаться, но знать заранее, когда именно я испугаюсь, мне нельзя, – не стал тянуть резину я.

– Вить, ты не приболел часом? – вытаращился на меня Мишка.

– Нормально всё со мной, это для дела нужно. Я провожу важный эксперимент, чтобы подтвердить свою первую научную гипотезу, – пришлось подпустить тумана.

– Понятно, опять умных книжек начитался, – припечатал Мишка. – А покуролесить получится?

Покуролесим – это было тайное пацанское слово, которое означало очередную безумную выходку. Наша троица регулярно отмачивала что-нибудь эдакое, давно став притчей во языцех всего села. В последний раз, к примеру, мы утащили ведёрко дёгтя у старика Пахома, который на минуту отвернулся от промазывания своей древней прохудившейся в куче мест лодки. Дождавшись ночи, мы пробежались по селу и измазали дёгтем десяток ворот, стараясь выбирать те дома, в которых жили девки на выданье. Вы спросите, зачем? А дело в том, что накануне Толька подслушал застольный рассказ подвыпившей родственницы, как в её юности одной из молодых соседок по улице кто-то намазал дёгтем ворота. А это значило, что в доме проживает гулящая девка, и, соответственно, позорило всех домочадцев.

Суета, ор и визги с утра пораньше в тот день выдались на загляденье, кое-где даже до мордобоя дело дошло. Кто-то нас всё-таки рассмотрел в темноте, поэтому в итоге сельчане смогли разобраться в случившемся. Влетело тогда крепко, но вспоминали мы об этом переполохе всегда с большим удовольствием.

– Куда же без этого, но сначала включите фантазию, добры молодцы! С меня четыре пирожка с капустой, – мотивировал я бойцов. Парни зашевелили извилинами. Толя прикусил губу, что делал каждый раз, когда о чём-либо крепко задумывался, Мишка же прислонился к стене школы и начал подкидывать и ловить вытащенный из кармана ластик. Я прохаживался перед ними туда-сюда, заложив руки за спину.

– Есть идея! – разродился первым Мишка, – возьмём у моего бати тротилую шашку, метр бикфордова шнура и детонатор. Я знаю, где он свои запасы для рыбалки хранит. Отойдём поглубже в лес, разведём костёр, рядом прикопаем шашку, а ты недалеко заляжешь. Жажнуть оно жажнет, а вот когда точно – неизвестно. Возьми с собой запасные штаны, собственные наверняка обделаешь, – и товарищ ухмыльнулся во все свои двадцать шесть зубов.

– Гениально, Холмс! – обрадовался я такой шикарной идее. – А ты шашку собрать-то сможешь?

– Обижает, меня батя научил летом, когда на завод с ним рыбачить ходили. Гони пирожки! – проглот Михаил требовательно протянул руки.

Лопая выпечку, мы окончательно утвердили план по организации испуга в одном отдельно взятом Витьке, назначив для этой цели ближайшие выходные. Шашки было решено взять три, чтобы незамедлительно повторить эксперимент в случае неудачи.

Время до субботы пролетело быстро. Пришлось поднапрячься, чтобы наверстать пропущенное по школьной программе. Лидия Ивановна, которая вела у нас большинство предметов, мне спуска не давала – слава о моих подвигах давно вышла за пределы той окраины села, где я жил, и классная активно занималась моим перевоспитанием через дополнительную учебную нагрузку. Поэтому вызывала она меня к доске по три раза на дню. В первый же выходной, в темпе вальса раскидав с утра всю гору домашних дел, что навалили родители, я оделся потеп-

лее, набрал из поленницы рюкзак дров, взял газету и спички для растопки, краюху хлеба и термос с чаем и пошёл на своих стареньких лыжах к опушке леса. Само собой, что никому из домашних о грандиозных планах на вторую половину дня я не сказал – кто б меня тогда отпустил?

Мои верные мушкетёры уже поджидали меня. Круглолицый, кареглазый и черноволосый Мишка сидел на поваленном стволе дерева и обнимал свой брезентовый рюкзачок, которым очень гордился, поскольку сшил его сам под приглядом родителей. Высокий для своего возраста и худющий Толька, ёжась от морозца, делал зарядку, размахивая руками, словно ветряная мельница. Голубые глаза и кудрявые волосы красивого пшеничного оттенка привлекали к парню повышенное внимание и являлись предметом гордости его матери. То и дело какая-нибудь из подружек Любви Ковровой непременно заявляла во всеуслышание: «Ну какой же жених растёт, первый парень на селе будет, скоро всех девок перепортит». Каждые несколько месяцев Толька отчаянно затевал драку, как только окрестные пацаны в очередной раз начинали дразнить его «женихом» и «скоропортом».

– Ну наконец-то, чего так долго? – торопыга Мишка соскочил в снег и начал прилаживать рюкзак на спину, одновременно пытаясь нацепить на руки темляки лыжных палок. Инвентарь у нас троих был самодельным – к самой лыже на винтах крепился кусок фанерки с наклеенной поверх резинкой, а между фанеркой и лыжей проходила кожаная петля для валенка. Дёшево и сердито, и можно соорудить и отремонтировать самостоятельно. Старшее поколение ещё с дошкольного возраста приучало нас заботиться об инвентаре: не можешь сам сделать лыжи – седи дома и смотри в окошко.

– Ага, мы тут уже почти околели, – поддакнул Толька, доставая из снега огромную вязанку сухих дров и лопату.

– Да я с самого утра как Золушка впахивал: воды натаскай, овощи в погребе перебери, в сарае подмети и всё такое. Пошли уже, надо до темноты управиться. Миш, самое главное при тебе?

– А то! Три комплекта, Михайло Гончаренко слово держит, – гордо вздёрнул подбородок наш главный подрывник.

Шли долго, отмахали по зимнему лесу часа полтора – надо было забраться поглубже, ведь мы собирались как следует пошуметь. Наконец, уставшие и вспотевшие, мы вывалились на небольшую прогалину, и Толька восторженно завопил:

– Смотрите, какой кедр, давайте прямо под ним бахнем, шишек натрясём!

Лесной гигант и правда внушал: прямой, высокий, густо усыпанный кедровыми шишками. Эта порода деревьев – редкость для наших краёв, но иногда встречается.

Копая посменно, кое-как расчистили от снега место под кострище. Выдолбили немного мёрзлой земли, сделав углубление. Затем Мишка прогнал нас на другой край поляны, а сам аккуратно начал прилаживать к шашке детонатор и бикфордов шнур. Потом прикопал взрывчатку с края ямы и начал выкладывать поленья. Я тем временем советовался с Толькой, где мне лучше разместиться.

– Вон на тот пенёк и садись, там метров десять от костра, наверное, будет. А взрыв вверх уйдёт, я видел, как мужики рыбу глушат – там же столб воды прям в небо бьёт. Шуганёшься как надо, только спиной сядь и голову руками накрой, мало ли что, – авторитетно заявил главный сельский красавчик.

Я с сомнением посмотрел на вышеупомянутый трухлявый пенёк.

– Ладно, я пошёл, рюкзак подержи. – Мишка как раз запалил костёр и призывно махал рукой.

Прошла минута. Где-то неподалёку громко и хрипло закаркала ворона, как будто ругаясь на нас, бестолковых. Парни спрятались метрах в тридцати, но подсматривали из-за стволов деревьев. Я, подобравшись, сидел на неровном пне и ждал взрыва. Огонь позади меня разго-

рался всё сильнее, дрова тихонько потрескивали, неспешно тянулись минуты. В голове крутилось: «Не думай о взрыве, не думай о взрыве». Но как можно не думать о взрыве, если ты сидишь спиной к костру со взрывчаткой и ждёшь, пока бабахнет? Я не нашёл ничего лучше, чем закрыть глаза и начать считать овец. И в тот момент, когда девятое парнокопытное, с довольной улыбкой на морде, растопырив ноги, прыгало через некрашенный деревянный заборчик, я слетел с пня.

Как бы подробнее описать свои ощущения. Это как в футболе, когда нападающий пробивает штрафной по воротам соперника – разбегается как следует и наносит пушечный удар по мячу. Только мячиком был я сам, а гигантским футболистом была взрывная волна. Внезапно я увидел, что истоптанная нашими следами заснеженная поверхность поляны стремительно приближается. Спина выше поясницы, шея, предплечья и голова одновременно и заболели, и онемели, в плечо сзади сильно стукнуло что-то твёрдое. Пролетев пару метров, я зарылся лицом в снег и замер, пытаясь разом собрать и осмыслить все сигналы нервной системы. Болело, саднило, стонало почти всё тело целиком, а в ушах звенело и тоненько пищало. Я поднял голову из снега и попытался рукавом протереть глаза. С неба падал странный дождь: куски земли, камни, ветки, шишки – всё это густо летело сверху вниз. Большую часть снежного покрова с этой стороны поляны сдуло взрывом, и падающие предметы местами подпрыгивали, ударяясь о землю. Правую ногу ниже колена ожгло резкой болью – по ощущениям, туда с неба упал не меньше чем метровый валун.

Кое-как я поднялся на ноги и попытался сфокусировать расплывающуюся перед глазами картинку. Парни, дёрнувшись было ко мне, вдруг резко остановились. Лица их исказились в безмолвном для меня крике, они замахали руками, явно пытаясь о чём-то предупредить. Растерявшись в первое мгновение, я обернулся – в мою сторону падал окутанный снежной пылью, подбитый у самых корней лесной великан. Казалось, он застилал всё небо целиком, и уже явно прошёл те первые медленные метры, когда дерево ещё раздумывает, падать ли ему в одну сторону или качнуться в другую.

Времени бежать уже не было, и я рыбкай прыгнул в сторону трухлявого пня, на котором ждал взрыва последние несколько минут. Боли от падения на землю я не почувствовал – тело до сих пор семафорило о повреждении всего Витьки целиком. Первые ветки коснулись земли, когда я сжался в комок и напряг все мышцы, ожидая невероятной силы удар в спину. Свет в глазах померк.

В себя я пришёл от дикого холода, как будто окунул голову в реку зимой. Нехотя разлепил веки – это Толька, набрав пригоршню снега, размазывал начинающую таять снежную кашу мне по лицу. Я лежал спиной на земле, парни склонились надо мной, стоя на коленях. Мишка плакал, утирая слёзы рукавом своего пальтишка, перешитого из старой отцовской шинели, да и у Тольки подозрительно блестели глаза.

– Не реви, – кое-как выдавил из себя я.

– Живой! – растянул непослушные губы в улыбке Мишка. – Как ты, где болит?

– Дурак, всё болит, помогите лучше сесть, – я затрепыхался, и с помощью парней неловко утвердился на пятой точке. Ощущения в теле были такие, будто меня долго били палками.

– На, только не надевай сразу, у тебя кровь на голове, – Толька протянул мне мою кроличью шапку. Я берёг её, как зеницу ока – это был шикарный подарок от родителей на девятый день рождения.

– Ага, шапка твоя долетела до края поляны, представляешь! А ещё мы тебя еле-еле из-под веток выковыряли, – Мишка уже успокоился и почти что вернулся в своё обычное, как говаривала его родительница, «чрезмерно бодрое состояние духа».

Подняв руку, я ощупал бестолковку и обнаружил на затылке начинающую набухать здоровенную шишку. Пальцы оказались перемазаны кровью, и я отложил драгоценный головной убор в сторону – мамка не простит, если я его уделаю всего через месяц после дарения. Оглянувшись, я увидел рядом следы – парни явно волокли мою бессознательную тушку по снегу. В нескольких метрах начиналось бесконечное зелёное море лежащего на земле лесного исполина, чьи торчащие в разные стороны ветви местами всё ещё были густо усыпаны крупными тёмно-коричневыми шишками.

– Прикиньте, как много шишек мы наберём! Что сможем допереть до села, то всё наше будет! – Мишка уже был готов кинуться на сбор.

– И куда ты их собирать хочешь? У нас всего два рюкзака и твоя котомка, – остудил его пыл рассудительный Толька.

– А давайте мы их все соберём, тут где-нибудь спрячем, а потом вернёмся с мешками!

– А дома увидят нашу добычу и вся конспирация коту под хвост? Ты как объяснишь, откуда у тебя воз кедровых шишек? Добрые белочки поделились? – попытался я вернуть замечтавшегося друга на грешную землю.

– Что-нибудь придумаем, скажем, помогли зимовку охотникам расчистить, или дерево упавшее нашли, – Мишка не унимался. Потоптался рядом, а потом схватил мой рюкзак, вывалил из него всякую оставшуюся после разведения костра мелочёвку и умчался собирать лесные дары. Может, ему было неловко перед нами за слёзы. Толька остался со мной, пытаясь хоть немного привести мою одежду в порядок.

– Дома с тебя шкуру спустят, – вскоре буркнул он.

Я оглядел себя. Нос одного валенка был серьёзно помят, правая штанина пропиталась кровью, а на голени и вовсе красовалась рваная дыра. Фуфайка на левом плече была испорчена – в стороны торчали большие куски материала, в прореху был виден когда-то серый вязаный шерстяной свитер, который сейчас был местами чёрный от набившейся в дыру земли, местами красный от пятен крови.

– Хуже всего со спины. Там твоя фуфайка просто лопнула посередине от шеи до задницы, вата торчит, свитер сильно грязный и штаны рваные, – «обрадовал» меня Толька.

– Да-а, приплыли. Найди мне палки вместо костылей, с ногой совсем беда. Я на лыжах обратно не дойду – стоять не смогу.

Толька отошёл соображать мне подпорки, я же, кряхтя, как старый дед, скривив рот от боли во всём теле, поднялся на ноги и похромал обратно к кедру. Надо было осмотреть место, из которого парни меня достали.

Дорога домой в итоге заняла добрых часа четыре. Мушкетёры, хоть и разгрузили меня по максимуму, таща на себе все мои вещи и лыжи с палками, скорости прибавить мне не могли. Самодельные костыли, которые Толька вырубил своим маленьким туристическим топориком из ветвей того же кедра, позволяли мне еле-еле тащиться по засыпанному снегом лесу. А после середины пути я начал отключаться от холода, голода и усталости. На ходу доставал из кармана мятый кусок хлеба, оставшийся от взятой в лес краюхи, жадно кусал и запивал водой из фляги. Не помогало. Последний километр, уже в темноте, парни тащили меня под руки, спешившись и сложив весь лыжный инвентарь под приметный куст, а я всё норовил потерять сознание.

– Витька, держись, вон уже твоя калитка. Барахло завтра занесём, и, это, удачи тебе там, – подбодрил меня Мишка. Ребята прислонили меня к воротам, хлопнули по целому плечу в знак поддержки и разбежались по домам. Всё правильно сделали. Полкан бы их всё равно на двор без взрослых не пустил – молодой да глупый, но уже в своей собачьей службе соображает. Я кое-как доковылял до двери дома, ввалился в сени и без сил опустился на лавку. Щёлкнул выключатель.

– Витька, что с тобой? – Танька, выскочившая встретить меня, ахнула и прижала тонкие ручки к груди.

– С обрыва скатился неудачно, синяков набил, ерунда. Вот с одеждой совсем беда.

– Сейчас я Наташку позову, – заполошно метнулась Танька вглубь дома.

Прибежала старшая сестра, покрутила меня со всех сторон, осмотрела и выдала вердикт:

– Конец тебе, Витька, всю одёжку уделал, одна шапка целая.

– А она просто сразу с головы слетела. Тань, прикройте дурака, должен буду как земля совхозу, – из последних сил взмолился я.

– Повезло тебе, что родители к Терентьевне на праздник в гости ушли – вернутся поздно.

Но смотри, потребуем с тебя желание за спасение, добрый молодец, – улыбнулась сестра.

– Ещё как потребуем! – поддакнула рядом Наташка. – Должо-о-к за тобой! Долж-о-ок, – гнусаво протянула она, подняв указательный палец к потолку. Мне было уже всё равно, сил оставалось только кивнуть в ответ.

В четыре руки сестрички раздели меня до трусов, дотянули до кухни. Танька тряпкой и водой из рукомойника отмыла меня от грязи и крови, замазала йодом царапины и шишки, напоила горячим чаем с сахаром. Наташа же умчалась застирывать, отскребать и хоть как-то зашивать грязные и порванные вещи. Как добрался до комнаты, я уже и не помню. В ту ночь мне снилось, что я стремительно несусь по лесу, а слева и справа падают прямо на меня огромные деревья. Я уворачиваюсь, пытаюсь разогнаться ещё быстрее, но никак не получается.

Глава 4.

Следующие два дня я отлёживался в кровати, пришлось даже пропустить школу. Артурчик поворчал по этому поводу, но, когда я стянул через голову майку и показал ему полностью сине-фиолетовые спину и плечи, продлил мне больничный ещё на сутки. Побило меня знатно: лёгкая контузия с прилегающей головной болью и тошнотой, синяки на половину тела плюс шишка на затылке. Родителей, на удивление, моё объяснение вполне устроило. Головомойки я, само собой, не избежал, но пороть меня на этот раз не стали. Отчим, было, потянулся за ремнём, но мать так на него глянула, что он сразу вспомнил про какие-то неотложные дела.

Одежду Наташа отстирала и зашила вполне неплохо, на мой взгляд. Матери всё равно не понравилось, и плечо у фуфайки она перешила сама. Забежавший на следующий день Мишка приволок мои вещи и, весь в расстроенных чувствах, поведал, что успел смотаться с мешком к кедру, но опоздал – его уже обирали какие-то взрослые незнакомые мужики, возможно, даже не с нашего села. В Берёзовке проживало аж четыре с лишним тысячи человек – всех упомнить было невозможно.

– Я близко подходить не стал, испугался, из кустов поглядел, да и домой побежал, – оправдывался он.

– Всё правильно сделал, мужики бы тебе по шее надавали и не более того. И потом, что ты им сказал бы? Что шишки динамитом добывали? Что, впрочем, и так понятно, если посмотреть на дырку под деревом. До бати твоего дошло бы и всё, хана котёнку, – я откинулся на подушку и устроился поудобнее, пытаюсь найти наименее болезненную позу.

– Это да, сидел бы потом дома до самого лета, – согласился Мишка, – а тебе как, здорово влетело?

– Сеструхи прикрыли, отмыли да заштопали. Повезло, что родителей дома тогда не было. Но месяц без прогулок мне впаяли «для профилактики идиотизма», – передразнил я Артурчика.

– Ну, ещё легко отделался. Только был уверен, что тебя выдерут на полгода вперёд.

– Обошлось. Ты лучше скажи, чего так жажнуло-то сильно, что кедр упал? – задал я однокласснику назревший после обдумывания вчерашних событий вопрос. – Он же здоровый был, вдвоём не обхватить.

– Ты меня прости, – Мишка потупился и шмыгнул носом. – Я решил, чтобы трижды костёр не палить, и тебя наверняка напугать, сразу все шашки рвануть. А вы не видели, я же вас сам прогнал от дерева, когда взрывчатку снаряжал.

– Вот ты дундук. Я помереть мог! – не сразу нашелся с ответом я.

– Извини, я не думал, что так получится, – совсем пригорюнился однокашник.

– Ладно, прощаю, – я протянул Мишке руку, он осторожно пожал её.

– Вить, а эксперимент твой как, получился? Не зря всё было? – сменил тему главный болтун нашего отряда.

Я задумался, вспоминая вчерашние события. Когда я, шипя сквозь зубы от боли, дохромал до того места, где меня настигло падающее дерево, передо мной предстала любопытнейшая картина. Старый пенёк, под которым я пытался укрыться от рушащегося кедра, исчез. Вместо него я обнаружил только мелкую щепу и древесную пыль. На том же месте, куда я упал ничком, в земле была выдавлена двухметровая круглая вмятина, с вытянутым углублением там, где располагалось моё тело. Глубина этой странной ямы плавно сходилась к краям. Выглядело это так, будто кто-то огромный и сильный поставил отпечаток продолговатой выпуклой печатью на поверхности земли. Уж точно это всё никак не походило на следы, которые должны были остаться от удара деревом по земле или по человеческому телу. Бросилось в глаза то, что могучая ветвь кедра, толщиной с мою ногу, была сломана пополам аккурат над центром вмятины. Мушкетёры не обратили внимания на странно выглядевшее место происшествия, занятые эвакуацией моей бессознательной тушки, но я-то знал, куда смотреть.

– Получился, Миш. Но вопросов после него стало ещё больше, чем было до этого. И теория моя не подтвердилась, надо разрабатывать новую.

– Витька, не расстраивайся, обязательно что-нибудь придумаешь, ты же умный! – Мишка уже перестал грустить и щербато улыбался – два передних зуба он потерял прошлым летом, когда мы со скуки бегали кидаться грязью в коров из совхозного стада. Животные отворачивали морды и сердито мычали на нас, пока Толька особо удачно не залепил молодой тёлке комком жидкой грязи прямо в нос. Мы рванули от неё со всех ног, а Мишка споткнулся и неудачно упал, потеряв при этом пару зубов. Я кинулся отвлекать животину, чуть сам не оказавшись на рогах, а Толька в это время выдернул боевого товарища из-под копыт.

Мы ещё поболтали с Мишкой немного, он выпросил у меня ломоть хлеба, посыпанный сахаром, и убежал к себе делать домашку. А я вытянулся на кровати, еле найдя для ноющего тела удобное положение, и уставился на обструганные и потемневшие от времени доски потолка, глубоко задумавшись. Происшествие на поляне можно было разделить на два эпизода. Первый – это взрыв, который сбросил меня с пня, прилично побил тело и расплосовал одежду. В тот момент я сидел спиной к костру, мысленно отвлёкся и, вроде как, не боялся. Или всё-таки боялся, но не сильно? Смотрел на скачущих овец, закрыв глаза, и загнал чувство страха куда-то на задний план сознания? В любом случае, идея не сработала, и я огрёб по полной.

Второй эпизод – это падение дерева. И вот здесь от странностей было уже не отмахнуться. Пока Толька вытёсывал мне топориком костыли, а Мишка набивал котомку шишками, я внимательно рассмотрел и круглый след, оставшийся неведомо отчего на земле, и сломанную ветку, которую в обычных условиях надо было рубить топором минут двадцать, чтобы рассечь пополам. Эта ветка однозначно должна была размазать меня по земле, а не лопнуть посередине. Да если бы вместо меня на том месте лежала железная наковальня, то и тогда кедровая ветвь скорее спружинила бы от удара, чем сломалась.

Прокручивая в голове раз за разом чётко отпечатавшиеся воспоминания, я представлял мельчайшие детали произошедшего. Вот я вижу испуганные лица товарищей, вот поворачиваюсь назад, замечаю кренящийся в мою сторону кедр, весь окутанный снежной пылью, сбитой с иголок и ветвей взрывом, вот я прыгаю под пенёк и вжимаюсь в землю. От воспоминаний об

охватившем меня при виде падающего дерева ужасе мышцы спины чуть не свело судорогой. Выругавшись себе под нос, я расслабился и закрыл глаза.

Выводы, товарищ начинающий учёный? Странность сработала только тогда, когда я чётко видел и осознавал угрожающую мне опасность. Как и в случаях с санками и заклинившей дверью. Из логического ряда выпадал только эпизод с ударом молнии в дерево неподалёку.

Гипотеза номер один: странность должна сработать, если опасность будет угрожать кому-то другому, дорогому для меня человеку. Как проверять будем, Ломоносов? Рискнёшь посадить под падающее дерево сестричек, Тольку или Мишку? Нет, конечно, слишком высока будет цена ошибки.

Гипотеза номер два: странность произойдёт, если под угрозой будет жизнь или здоровье кого-то незнакомого мне. А хватит ли уровня испытываемого мной страха? И где проходит грань значимости для меня объекта, по которой странность будет определять, сработает она или нет? Вот мой одноклассник Валерка Верещагин, регулярно задирающий меня и постоянно нарывающийся на драку, насколько он мне дорог? Тихая отличница Даша Мартова, беспрекословно дающая всем оболтусам и лентяям списывать математику, шепотная Машка Толоконникова, которая может и обнять, и камнем в тебя кинуть, и всё это на одной перемене, класуха нашего третьего «бэ» Лидия Ивановна – а с ними получится, или они пострадают, или даже погибнут?

Так и не придя ни к какому чёткому выводу, я отложил проверку своих умозаключений на потом. Отлежался несколько дней, вернулся в школу, вечерами корпел над домашними заданиями. Гулять мне снова было запрещено, поэтому я набрал в школьной библиотеке книг и зачитался с головой. Я был на хорошем счету у пожилой библиотекарши и, по совместительству, школьного медика, поскольку с первого класса был постоянным посетителем её тихой обители. Видя моё неугасимое стремление к знаниям и бережное отношение к книгам, Тамара Павловна не только выдавала мне на руки произведений больше, чем положено по правилам, но и регулярно советовала мне те или иные публикации. Иногда приносила из дома для меня что-то особое, чего в библиотеке не было – вот, например, и в эти дни я с головой занырнул в «Занимательную геометрию» Якова Перельмана. Понимал далеко не всё, но было чертовски интересно, а непонятные моменты всегда можно было прояснить позже, у взрослых или в школе.

Не проходило и дня, чтобы я не размышлял над происходящим. Пробовал заставить себя бояться, но это было очень сложно сделать, сидя в своей комнате, где каждый предмет давно тебе понятен и знаком. Я закрывал глаза и пробовал представить себя то отважным полярником, штурмующим ледяные торосы Арктики, то парашютистом, выпрыгивающим из самолёта, то солдатом, кидающимся в штыковую атаку на врагов – мечтать о таком было даже приятно, но никакого результата, увы, не было.

Постепенно рутинная однообразная жизнь поглотила меня полностью. Февраль закончился, потихоньку начиналась весна. Вокруг происходила куча событий: например, в сельский кинотеатр привезли новый интересный фильм «Ко мне, Мухтар», и мы с пацанами четырежды сходили на сеанс, каждый раз после просмотра бурно обсуждая увиденное. Мишка загорелся завести немецкую овчарку и надоедал с этим всей родне. К нам в класс перевелась новая девочка Светка Ледашева, семья которой недавно переехала в нашу Берёзовку из соседнего района. В первый же день Толька, чтобы представиться по всей форме, дёрнул её за косу и был мгновенно отоварен по голове тяжёлым портфелем – стало быть, знакомство состоялось. В соседней Потаповке пропала семиклассница, которая за каким-то лешим попёрлась в марте в лес –

несколько дней сотни добровольцев выходили на поиски, дважды прочесав цепью все окрестные леса, но девчонку так и не нашли.

Я опять подрался с Пашкой Вяловым, кретином-пятиклассником, уже третий раз за учебный год. История наших с ним регулярных драк началась ещё прошлой осенью, когда этот остолоп решил потрясти второклассников на мелочь. На просьбу поделиться деньгами я закатал Пашке в ухо, а он мне в живот. Результатом стала куча мала, порванная рубашка и выволочка у директора. Ну откуда у меня могут быть деньги, если даже сдачу из магазина, когда меня в него посылали, родители забирали до последней копейки?

Ваньке и Петьке, моим младшим братьям, исполнилось четыре года. Артурчик, приходящийся пацанам родным отцом, по такому поводу устроил дома застолье, хоть на работе у него и была горячая пора – отчим был старшим механиком в совхозе и отвечал за готовность техники к полевым работам, срок начала которых был всё ближе. По такому случаю припахали помогать и сестричек, и меня. Прошло всё весело и шумно, в конце мероприятия пара мужиков даже вышла подраться во дворе, что-то не поделив, чем изрядно взбудоражили Полкана. Посаженный на цепь по случаю праздника кобель выдрал из земли своё собачье жильё и радостно прискакал поучаствовать в драке, сбив прыгающей за ним будкой обоих бойцов с ног и изрядно развеселив всех присутствующих.

Заканчивавшая в этом году седьмой класс Наташка, которой в феврале исполнилось четырнадцать, была замечена гуляющей под руку со своим одноклассником какой-то бдительной соседкой. Незамедлительно оповещённая мать вечером отходила сестру кухонным полотенцем и кричала обычное в таких случаях: «Принесёшь в подоле – убью!». Поскольку я уже не раз наблюдал у соседей нечто похожее, то пришёл к выводу, что это такой тайный женский ритуал признания девочки повзрослевшей. Когда спросил о происходящем у зарёванной Наташки, она дала мне подзатыльник и обозвала дураком – значит, я правильно угадал. Второй подзатыльник я получил за вопрос, что именно она не должна принести в подоле.

26 апреля 1965 года, Берёзовка

В конце апреля установилась необычная для этого времени года жара. Учиться в классе, чьи окна выходили на юг, стало невмоготу, поэтому в один из дней я слинял с математики купаться. Мушкетёров в тот день на уроках не было: Только оставили дома помогать с ремонтом, а Мишка умудрился простыть, напившись ледяной воды из колонки, и валялся с температурой. Другие же одноклассники мою идею прогулять урок не поддержали.

Наша речка Бобровка протекала по краю села. Я сделал большой крюк, прошмыгнув огородами и тихими улочками, чтобы не наткнуться на взрослых, которые незамедлительно прицепились бы на предмет того, почему я не в школе. Забравшись поглубже в лес, я вышел к берегу реки и начал искать удобный спуск к воде. Нашёл небольшую песчаную отмель, разделся и сложил школьную форму под раскидистый куст. Воды в реке было много, течение было быстрым, видимо, в верховьях Бобровки недавно прошёл хороший дождь. Потоптавшись на песке, я зашёл в реку по колено и начал обтираться холодной водой. Попривыкнув, погрёб вдоль берега саженками, затем пару раз переплыл реку поперёк. Держался на воде я хорошо, спасибо отчиму, который три года назад убил целый летний месяц на обучение меня плаванию.

Вволю набултыхавшись и замёрзнув, я нырнул последний раз перед тем, как выбраться на берег. Оттолкнулся от дна и почувствовал резкий рывок – правая нога за что-то зацепилась. Глянул вниз и с трудом разглядел в темноте огромный клубок рыбацкой сети, разлётившийся на дне. Забарахтался, пытаюсь левой ногой освободить правую, но только ещё сильнее запутался. Испуганно рванул к поверхности, активно размахивая конечностями, и сеть натяну-

лась, прочно удерживая мою ногу. Обе руки при этом почти до локтя оказались в воздухе, а лицом я не доставал до поверхности воды совсем немного, каких-то несколько сантиметров. Я видел искажённые преломлением света деревья и кусты на берегу, чистое голубое небо над ними, но не мог ничего сделать. Накрыла паника. Я бился в воде, как пойманная рыба, лёгкие уже жгло огнём, а тело требовало сделать вдох, несмотря на отсутствие воздуха вокруг. В рот уже набралась вода, горло от страха свело спазмом, и я понял, что допрыгался – времени нырять и распутывать ногу просто не осталось.

Все мысли разом вылетели у меня из головы. Остались только какие-то первобытные инстинкты, как у животного. Сжавшись в комок, я всем своим существом захотел оказаться там, на песчаном берегу, где горячий песок обжигает кожу, тёплые лучи солнца пронизывают всё вокруг, и деревья еле слышно шумят под порывами лёгкого ветерка. Перед глазами мелькнуло желто-зелёным, и я рухнул на песок с высоты, отбив колени, живот и подбородок. Минуты три я корчился от боли, жадно дыша и отплёвываясь от попавших в рот воды и песка. Не сразу, но до меня дошло, что всё обошлось, что я выжил – невероятным чудом, но выжил. Мозг захлестнуло волной эйфории. Я перевернулся на спину и замер, улыбаясь и млея от счастья быть живым.

Постепенно я успокоился настолько, чтобы начать обдумывать произошедшее. Никаких вариантов – случилась очередная странность, которая снова меня спасла. Но в этот раз у меня было кое-что заготовлено для подобной ситуации: в своих бесконечных попытках воспроизвести случившееся со мной ранее я приучился маленькой частью сознания постоянно прислушиваться к ощущениям организма, представляя это для самого себя как постоянную запись воображаемым карандашом в тетрадный лист бесконечной длины. Не сразу, но я приучился отслеживать, где что болит, или чешется, или ещё как-то чувствуется в теле. И сейчас я быстро считывал эти невидимые строки, пока они не потускнели и не затёрлись новыми воспоминаниями.

Сначала в груди, в районе солнечного сплетения, появился некий тёплый сгусток, который, казалось, грел меня изнутри. Он как будто плохо помещался на своём месте и давил во все стороны, вызывая ощущение тесноты. Сгусток появился сразу после того, как я перепугался, когда пульс кратно подскочил и кровь застучала в ушах.

Затем, когда я сжался в комок и изо всех сил захотел оказаться на берегу, от солнечного сплетения во все стороны по телу прошла волна жара, наподобие взрыва: в руки, ноги, в макушку. И я взаправду перенёсся из воды на берег.

Голову прочно заняла одна мысль, полностью вытеснив все другие – срочно надо попытаться повторить эти действия, закрепить в памяти, пока ещё помню, как это сделать. Я перекатился на живот и встал на четвереньки, глухо заныли отбитые колени. Глубоко задышал, разгоняя кровь по телу и стремясь вспомнить недавно испытанные ощущения. Впился взглядом в место на песке в нескольких метрах впереди себя, невероятно сильно желая оказаться там. Вот оно! В груди появилось маленькое солнце, которое с каждой секундой становилось всё плотнее и горячее, сдавливая всё вокруг. И в тот момент, когда стеснение стало невыносимым и стало казаться, что меня сейчас разорвёт изнутри, каким-то шестым чувством я позволил этому солнышку выплеснуть своё пламя наружу. Мир снова сдвинулся, видимая картина рывком приблизилась ко мне на несколько метров, и я опять зарылся носом в рыхлый песок, грохнувшись с высоты.

Левую руку дико ожгло болью. Я не то заорал, не то завыл, попытался отдёргнуть конечность, но не смог – что-то держало её мёртвой хваткой. Сквозь застилающий мокрые веки песок я судорожно пытался разглядеть, что так режет кисть руки. Дыхание перехватило от боли и страха – сквозь перепонку между большим и указательным пальцем пророс коричневый побег кустарника, на конце которого располагалось несколько маленьких зелёных листочков. Я осторожно попытался приподнять руку от песка и чуть не отключился: боль была невыно-

симая, всё тело мгновенно покрылось испариной, несмотря на то, что я только выбрался из реки, где прилично замёрз.

Осторожно перенеся вес тела на колени, я свободной правой рукой попытался разгрести слой песка под насаженной на отросток куста левой ладонью. Побег уходил вглубь, цепко удерживая меня. Он врос в кожу снизу и выходил из перепонки сверху, по всей видимости, прорастая прямо сквозь плоть. Крови не было видно, просто кожа перепонки между пальцами в какой-то момент переходила в растение. Неудивительно, что нервы в руке сошли с ума, обнаружив в тканях тела инородный предмет. Надо было срочно что-то делать: я откопал ещё немного песка, обнажив несколько сантиметров побега под рукой, зажал зелёный отросток между пальцами правой руки и дёрнул, обрывая. В глазах потемнело, и через пару шагов меня вывернуло на песок остатками завтрака.

В себя я пришёл, уже роясь в школьном портфеле. Левая кисть плохо слушалась, её постоянно сводило от боли, поэтому использовал для поисков здоровую руку. Наконец, удалось нащупать складной перочинный нож – подарок от сестёр на день рождения. Чтобы вытащить лезвие, пришлось использовать зубы, кроша эмаль. Я зажал левую руку между коленями, раздвинул немеющие большой и указательный пальцы, стиснул в трясущейся правой руке нож и резанул перепонку от края к чёртовому побегу, что решил стать со мной одним целым. Потекла кровь. Резанул ещё раз и выдрал инородный предмет из руки. И стало легче: разрывающая меня боль, степень которой сложно передать словами, сменилась на обычные неприятные ощущения от глубокого пореза, пусть и в нежном месте с кучей нервных окончаний. Как будто вынул руку из кастрюли с кипятком и засунул под холодную воду – болит, конечно, ещё сильно, но это уже совсем другой уровень ощущений.

Кое-как отдышался. Струйка крови тем временем дотекла до локтя и капала с него на песок. Добрёл до реки и сунул кисть в воду. Надо было что-то делать, но мыслей не было вообще никаких. От боли я просто отупел. Разрез был небольшой, около сантиметра, но обильно кровил. Бинтов, марли или ваты с собой, естественно, не было. Полностью голый, я сидел на корточках, держа одну руку в воде, а в другой сжимая раскрытый окровавленный перочинный нож. Если сейчас кто-то выйдет на берег, он либо хлопнется в обморок, либо впадёт в панику. В любом случае, вопросов ко мне возникнет целая куча.

Глава 5.

26 апреля 1965 года, Берёзовка

– Где ты так руку распахал, говоришь? – сельский фельдшер набирал что-то в стеклянный шприц, пока молоденькая медсестра выкладывала на металлический поднос иглу, йод, какие-то инструменты и бинт.

– В лесу играли в разбойников, дядь Слав, а я упал неудачно, там бутылка разбитая была, – самозабвенно врал я.

– Это ты дома рассказывать будешь, синяя от ремня, – припечатал меня дядя Слава. – Припёрся расхристанный, весь в песке и с мокрой головой. Порез на руке явно от ножа, не рассказывай мне сказки, я таких ранений насмотрелся за свою жизнь.

Он пощёлкал пальцем по шприцу и поддавил поршень, стравливая воздух, пока не брызнула тонкая струйка лекарства.

– Варенька, душенька, зафиксируйте пациента, – медсестричка двумя руками придавила пострадавшую конечность к металлической поверхности стола. Я только сдавленно пискнул, а фельдшер уже ловко сделал укол рядом с раной.

– Две минуты, и будем зашивать. Значит так, больной Виктор Белов, слушайте, как всё было. Вы изволили сбежать из школы, не отпирайтесь, я знаю расписание уроков. Пошли купаться на реку, что неудивительно в такую жару, отсюда мокрая голова и следы песка в носу и ушах. Закончив водные процедуры, вы игрались с ножом, нанесли себе травму, после чего отрезали низ у белой школьной рубашки, обмотали им повреждённую кисть и притопали сюда. Я ничего не упустил? – пожилой фельдшер, прошедший всю войну, которая навсегда отметила его глубокими шрамами от осколков с одной стороны лица и лёгкой хромотой, казалось, видел меня насквозь.

– Круто, дядь Слава, вы как Шерлок Холмс использовали метод дедукции на мне и раскрыли дело! – я восторженно смотрел на врача.

– Отставить подлизываться, молодой человек! Матери вашей я позвоню сам, как выпрожу вас отсюда. И сдайте холодное оружие, раз не умеете им пользоваться. Верну родительнице, когда она за ним зайдёт, – от строгого взгляда хотелось провалиться сквозь землю. Я достал перочинный ножик из кармана и аккуратно положил на край стола.

– Варенька, пожалуйста, уберите посторонний предмет в шкаф, и приступаем, – вскоре мной занялись всерьёз. Я с любопытством смотрел, как мне промывают и зашивают рану. Вот честно, после той боли на пляже ощущения от изогнутой медицинской иглы, протыкающей мою плоть, были вполне терпимыми. От обезболивающего меня развезло, я во все глаза следил за работой медиков и болтал, не затыкаясь ни на секунду.

– А почему эта иголка сделана полукругом?

– Это результат длительной эволюции медицинской науки, – меланхолично рассказывал дядя Слава, – такой иглой удобно работать, легко контролировать глубину погружения и место выхода острия, и можно без затруднений сшить разрез, выполненный на относительно ровном участке организма, например, на спине.

– А почему кровь уже давно остановилась, хотя рана ещё была раскрыта? – не унимался я.

– Благодаря естественному физиологическому процессу под названием гемостаз, который защищает организм от потери крови и инфекции. Сначала происходит спазм мелких сосудов, что замедляет кровоток в месте раны. Затем тромбоциты, это такие клетки в составе крови, пристают к краям раны и слипаются друг с другом, что формирует «пробку», останавливающую кровотечение. А ещё через краткое время происходит свёртывание крови, или коагуляция, когда белки плазмы образуют сетчатый каркас, который укрепляет пробку из тромбоцитов.

– Интересно, надо найти книжку в библиотеке и почитать подробнее.

– Всё, мы закончили. Крови, смотрю, ты совсем не боишься? Молодец, на врача сможешь выучиться, как вырастешь, – фельдшер похвалил меня за стойкость, угостил леденцом и отправил домой, с наказом зайти через неделю для снятия швов. Варя довела меня до калитки, благо было недалеко, и сдала с рук на руки старшей сестре, которая уже пришла из школы домой.

Вечером, ожидаемо, мне влетело на орехи: за прогуливание уроков, за безвозвратно испорченную рубашку, за разрезанную руку и, отдельно, за перочинный нож. Я признал себя виновным по всем пунктам обвинения, был немилосердно выпорот слегка пьяненьким Артурчиком и отправился на весь вечер в угол. Глядя на маленького паучка, терпеливо обтягивающего паутиной пространство между шкафом и стеной, я размышлял о произошедших событиях, почёсывая саднящую задницу и морщась от боли в забинтованной руке.

Итак, я волшебник, насколько можно судить об этой области знаний из детских книжек со сказками народов мира и сборников мифов и легенд. Наука категорически отрицает магию и волшебство, поскольку не может подтвердить их существование. Во всяком случае,

так пишется в доступных мне книгах, и это всё, что известно мне об этом вопросе. Но как же тогда я? Со мной регулярно происходят непонятные вещи, а сегодня я переместился в пространстве дважды подряд. При этом второй раз я это сделал целенаправленно, чётко осознавая свои действия, пусть результатом и стали травма и поход к врачу.

Естественно, что теперь передо мной в полный рост встал вопрос: «Как быть дальше?» В голове невольно всплыли воспоминания о том, как через несколько дней после происшествия на Крутой Горке я за ужином задал вопрос отчиму, существуют ли на самом деле магия и волшебство и как он относится к этим явлениям. Артурчик весьма грубо и язвительно раскритиковал меня, пройдясь в том числе и по моим умственным способностям. Он сказал, что в советском обществе нет места дуракам, верующим во что-то, кроме науки и плодов прогресса, ведущих человечество к светлому будущему. Мне же следовало незамедлительно выкинуть из головы «дурацкие сказки», за которые он ещё «накрутит хвоста» дедушке с бабушкой. Мать ничего не возразила, а Наташка добавила, что с такой чушью в голове меня никогда не примут в пионеры. Только Танька призналась, что хотела бы наколдовать нам скатерть-самобранку и сапоги-скороходы: мы ели бы одни вкусности и бегали за покупками в райцентр, а то и в саму Москву. Взрослые от души посмеялись, близнецы же хихикали просто за компанию, ещё ничего в силу возраста не понимая.

Получается, рассказывать домашним про мои странности нельзя. В лучшем случае запретят колдовать и всыпят ещё ремня, а в худшем поведут меня по врачам. Докторов я побаивался. У них всегда было либо больно, либо неприятно. До сих пор помню, как стоматолог расковыривал мне воспалившийся зуб – ревел я тогда так, что глаза потом долго были покрасневшие.

И какой толк будет от того, что я научусь перемещаться на несколько метров? Да ещё и с такими последствиями, как прорастающие сквозь тело кусты. Эта способность в перспективе виделась, конечно, интересной, но бесполезной. Немного быстрее ходить в школу или в магазин – ради этого осваивать настолько опасную магию как-то глупо. Я начал прикидывать, где могла бы пригодиться такая способность. Пригрезилась только одна ситуация, в которой я вырос, стал пожарным и смог пробиться в горящее здание к попавшим в огненную ловушку людям. Дальше мысль стопорилась: спастись в своих фантазиях из огня удавалось только мне одному, а вот люди неизбежно погибали.

Паук доплёл свою паутинку и спрятался в темноте за шкафом. Я попробовал выманить его, теребя кончиком пальца одну из нитей паутины, но восьминогий на это не купился. Со скуки я начал пытаться ощутить в груди тот сгусток тепла. Не сразу, но получилось – ведь примерно представлял уже, что надо делать. Как истинный учёный, кем я себя и воображал, решил дать чёткие определения понятиям, которые использую. Так, сгусток стал Ядром, а способность перемещаться – Прыжком. Волны тепла, которые могло испускать из себя Ядро, я назвал Энергией – банально, но лучше ничего не смог придумать.

Ядро тихонько сидело у меня в районе солнечного сплетения, ничего не испускало, только воспринималось как новая часть тела, если тщательно прислушаться к своим ощущениям. Как третья рука, например. Поколебавшись, я мысленно обратился к Ядру и пожелал ему доброго вечера. Оно ожидаемо не отреагировало: было бы странно, если часть твоего тела начала вдруг с тобой разговаривать.

Время тянулось невыносимо медленно. Прибежали разыгравшиеся близнецы, поприставали с глупыми вопросами и умчались во двор гладить Полкана.

Я попытался сконцентрироваться и мысленным усилием заставить Ядро испускать Энергию. Сначала ничего не получалось, но через несколько минут оно дёрнулось, и по груди пробежала еле заметная тёплая волна. Это произошло, когда я добавил к концентрации свежие воспоминания о пережитом сегодня страхе и те неприятные ощущения, которые я испытывал, когда запутался в сети. Гипотеза: Ядро просыпается, когда я боюсь или вспоминаю о том, как боялся и что при этом чувствовал.

Постепенно Ядро начинало вести себя всё более активно. Ещё через полчаса волны Энергии гуляли уже по всей верхней половине тела, что ощущалось непривычно и немного щекотно. Я попробовал навести порядок в этом хаотичном движении и направить Энергию в руку. Получилось: кончики пальцев налились огнём, с каждой секундой мне становилось всё больнее, пальцы, казалось, сейчас разорвёт изнутри. Я перепугался, упёрся рукой в стенку шкафа и пожелал выпустить Энергию наружу. Раздался хруст, и сразу стало легче, а пальцы слегка онемели.

Наклонившись, я попытался в полутьме угла разглядеть, что опять натворил. Лампочка под потолком давала мало света, и я помогал себе, ощупывая стенку шкафа пальцами. От места, куда упиралась моя рука, во все стороны расходились трещины. Самая длинная была больше ладони. Вывод из эксперимента: кроме Прыжка я могу что-то ещё. Нужны дополнительные исследования. В целом я не особо удивился: ведь случаи с разбившимся окном в грозу, упавшим на меня кедром и с заклинившей в доме дверью явно не подпадали под описание принципа действия Прыжка, а значит, это было нечто другое. Да и где вы видели волшебника, который мог колдовать только одно заклинание?

– Ты тут всю ночь собираешься стоять, никак понравилось? А ну, марш в койку, утром в школу. Пойдёшь в серой рубаше, другой нет, – вошедшая в комнату мать выгнала меня из угла. Так и завершился этот бесконечный день.

27 апреля 1965 года, Берёзовка

Утром я проснулся с температурой. Левая рука припухла, а из раны начал понемногу сочиться гной. Мать поворчала, смазала кисть какой-то вонючей мазью, забинтовала и приказала оставаться дома и читать учебники. Близнецы опять гостили у бабушки с дедушкой, сёстры убежали в школу, а родители ушли на работу вообще самые первые. Валяться в кровати я не собирался, как и выполнять наказ матери по сгрызанию гранита науки – впереди была куча дел.

Наскоро запихнув в себя оставленный на кухне завтрак, я позаимствовал с Танькиной половины комнаты настольную лампу и приготовился священнодействовать. Уселся за свой письменный стол и достал из кармана брюк завязанный узелком маленький кусочек ткани, когда-то бывший частью подола школьной белой рубашки. Как учёный, я просто не мог уйти с реки, не забрав с собой результат эксперимента, и полученные в процессе травмы меня не остановили, поэтому от рубашки мной вчера было отрезано две ленты: одна для перевязки, вторая для упаковки образца. В узелке лежал тот самый кусочек побега кустарника, вырезанный мной из собственной ладони. Я приготовил пинцет, линейку, острый кухонный нож и маленькую складную десятикратную лупу. Положив под лампу тетрадную промокашку, вытряхнул на неё то, что гордо обозвал «образцом номер один».

Побег, зелёный с двух концов, был буро-коричневым в своей центральной части на протяжении примерно двух сантиметров. Похоже, что этот необычный цвет был чем-то средним между красным цветом крови и зеленью самого растения. Я аккуратно сделал срезы сначала с одной стороны побега в его зелёной части, затем с другой. Посмотрел на срезы через увеличительное стекло: обычное растение, ничего странного. Я уже раньше неоднократно рассматривал всё подряд через сильную лупу, поэтому знал, что должен увидеть.

На всякий случай сделал продольные срезы отсечённых концов побега и тоже не заметил ничего необычного. Приступил к самому интересному – сделал поперечный срез той части побега, что проросла через мою ладонь. Промокашка под образцом начала приобретать бурый цвет – из среза сочилась соответствующего оттенка жидкость. Я отделил от коричневой части

образца кусочек и рассёк его вдоль напополам. Затем попытался тщательно просушить о промокашку все получившиеся лабораторные образцы и начал внимательно разглядывать результат. Вот тут уже всё пошло не так, как должно было быть: образцы медленно истаивали на промокашке и в пинцете, прямо на глазах превращаясь в однородную бурю массу. Зуб даю, это, скорее всего, была смесь крови, клеточного материала, древесного сока и волокон растения, но вещество перестало держать форму, как будто я своим ножом проткнул оболочку заполненной резиновой грелки, и сейчас вода, выливаясь через дырку, принимала произвольную форму.

В итоге я выкинул всё в мусорку, расстроившись из-за того, что ничего не понял. Но, почесав затылок, завёл себе новую тетрадь, подписав её «Эксперименты лаборатории имени В. Белова», и тщательно перенёс на её страницы все свои действия, выводы и результаты, а кое-что даже зарисовал. Ещё решил зайти на днях в школьную библиотеку и выпросить какую-нибудь книгу, где бы объяснялось строение вещества.

Закончив препарирование растения, я пошёл и осмотрел при дневном свете боковую стенку шкафа, которая вчера пострадала от моих рук. Лакированное дерево немного скрывало повреждения, что давало мне шанс подольше избежать наказания за порчу мебели, а то шкура уже и так не успевала заживать. Со стороны результат выплеска Энергии выглядел как паутина трещин, идущих от небольшой вмятины в дереве.

Забрался на кровать с ногами, сев по-турецки: видел такую позу в какой-то брошюрке по физкультуре. Закрыл глаза и разбудил Ядро, заставляя потоки Энергии бегать туда-сюда. Затем соединил ладони вместе и принялся толкать Энергию по кругу, прогоняя волны сначала по одной руке от плеча до ладони, а затем по второй от ладони до плеча. Немного защищало защитную рану, я испугался и прекратил эксперимент. Размотав повязку, не увидел ничего страшного. Подождав полчаса и попив чаю, я продолжил изучать новые возможности. Погоняв волны Энергии по кругу ещё какое-то время, ощутил сильный голод, хотя ел совсем недавно.

Осмотрел руку: опухоль спала, покраснение практически сошло на нет, только гноя натекло прилично. Не успел я закончить перевязку, как прибежала из школы Танька, и дальше продолжать научную деятельность я уже нормально не мог. Единственное, выделил время и дополнил свои наблюдения в тетради.

Мамка вечером слегка удивилась темпам заживления раны, отчитала за наполовину съеденную за день кастрюлю шей, назвала «лодырем и прогульщиком» и велела завтра зайти к фельдшеру в медпункт. Артурчик неожиданно заступился, сказав: «У парня организм растёт, это вы, девочки, на двух яблоках и пирожке весь день бегать можете, а он мужик, ему мясо нужно». Лёг спать я опять голодным, хотя и плотно поужинал. Прокрался на кухню за куском хлеба и, стоя у окна в темноте, жевал и раздумывал, связаны ли как-то мои сегодняшние занятия с ускоренным заживлением ладони и приступами неутолимого голода. Необходимо проверить.

Я доел горбушку и стряхнул крошки с подоконника, замечая следы. Немного полегчало. Тихо вернулся в комнату и нырнул под одеяло. Сон не шёл, в голове хороводом кружились мысли, планы, страхи и фантазии. Наконец, разгорячённый мозг всё-таки выключился, и, как обычно, это произошло незаметно для меня самого.

Глава 6.

28 апреля 1965 года, Берёзовка

Получив от классухи нагоняй за побег с уроков в понедельник и за полностью пропущенный вторник, я уселся на своё место в заднем ряду парт у окна и начал вникать в новую тему

по русскому языку. Мишка, мой бессменный сосед по парте, наклонился ко мне и шёпотом спросил:

– Что с рукой, брат-мушкетёр?

– Клинок проклятых гвардейцев кардинала, мой верный товарищ! – в тон другу ответил я.

– Белов и Гончаренко, сейчас выставлю за дверь! – сделала нам замечание Лидия Ивановна.

– Простите, миледи, больше не повторится, – понесло меня дальше.

– Белов, дневник на стол!

Получив запись: «Опять играл на уроке в мушкетёров» и двойку по поведению, больше шептаться до звонка я не рискнул. На перемене к нам присоединился Толька и сразу выдал новость:

– Парни, в пятом «а» шухер, они учительницу вроде бы обокрали. Там сейчас директор и завуч, всех трясут!

– Ух ты, побежали смотреть! – сорвавшегося с места Мишку уже было не остановить.

В коридоре сразу стал заметен эпицентр событий – напротив одного из кабинетов собралась целая толпа любопытных, пытающихся подслушать и подсмотреть происходящее в классе. Сильно напрягать слух не приходилось: директор школы, седой и плотно сложенный Василий Фёдорович, фронтовик и орденосец, так громогласно распекал провинившийся класс, что в курсе произошедшего был весь этаж:

– Я не потерплю подобных происшествий в моей школе! Пусть тот, кто это сделал, найдёт в себе мужество признаться в своём проступке! В таком случае обещаю ему смягчение наказания до минимально возможного, иначе вор ответит по всей строгости! Даю вам время до обеда!

Фёдорович выскочил из класса, чуть не зашибив дверью самых любопытных, и, оглядев собравшуюся толпу, гаркнул на весь коридор:

– Марш по кабинетам, недоросли! Конец представления! – мы послушно потянулись к своим классам, на ходу обсуждая произошедшее.

– Кранты воришке, это ж надо было додуматься, училку обокрасть. Узнаю кто – нос расквашу! – тряс кулаком Мишка.

– Что спёрли-то? – поинтересовался я.

– Да вроде говорят, что кошелёк, – отозвался Толька.

Никто из пятого «а» до обеда так и не признался.

После школы я поплёлся к дяде Славе в медпункт. Они с Варей сидели в кабинете и пили чай с баранками, явно не страдая от наплыва пациентов. Увидев меня, фельдшер нахмурился:

– Белов, рука, что ли, воспалилась? Давай посмотрю.

Размотав бинты, дядя Слава хмыкнул и долго рассматривал мою левую кисть со всех сторон. Сначала осторожно, затем смелее понажимал на края раны, после чего подозвал медсестру, возившуюся в углу кабинета с автоклавом для обеззараживания инструментов:

– Варенька, подойдите, пожалуйста, сюда, хотелось бы услышать ваше мнение о темпах выздоровления пациента Белова.

Медсестра, взглянув на руку, тихо ахнула, покрутила кисть, аккуратно понажимала на шов, убедилась, что я не морщусь от боли. Наконец перевела взгляд на врача:

– Владислав Аркадьевич, я бы сказала, что степень заживления раны примерно соответствует сроку в семь суток с момента ушивания. Но я лично ассистировала вам приблизительно

сорок восемь часов назад с этим пациентом. Необычно высокая степень регенерации, видимо, обусловлена молодостью.

– Здесь на молодость столько не спишешь: на данный момент у Белова только должна заканчиваться стадия воспаления, и это в том случае, если не произошло дозаражения. Иначе говоря, место ранения просто обязано быть опухшим, покрасневшим, должен сочиться гной. А тут уже заканчивается стадия пролиферации, или, иными словами, роста новой ткани. Разрез практически полностью затянулся, гной не выделяется.

– Вчера тэк до вечера очень сильно, дядь Слав, – вставил свои пять копеек в беседу я.

– Повезло тебе, Белов, с наследственностью, очень повезло. Молодость, конечно, это замечательно, но не объясняет явление полностью. Варенька, несите инструменты для снятия швов.

Пришлось попотеть всем присутствующим. Я морщился и шипел, так как нитки шва отказывались добровольно покидать мою руку, вцепившись в заросшую плоть намертво. Медицинский персонал добросовестно потел, пытаясь удалить нитки с минимальными повреждениями тканей пациента – на коже выступали небольшие капельки крови. Дядя Слава попутно продолжал читать лекцию Вареньке:

– Таким образом, мы наблюдаем типичный пример пропущенного правильного времени для снятия шва с уже зарубцевавшейся раны. В среднем для небольшого шва на конечности корректное время составляет от семи до десяти суток, но варьируется шире в зависимости от возраста, диеты и других факторов, относящихся к пациенту. Поскольку время упущено, шовный материал начинает вращаться в ткани, и его снятие вызывает определённую боль. Если бы Белов пришёл ещё через несколько дней, то после удаления шовного материала у него могли остаться незаживающие или очень медленно заживающие отверстия, наподобие тех, что остаются при проколе ушных раковин у женщин.

Хорошо, что рана была небольшая и мучения закончились достаточно быстро. Варя дезинфицировала многотрадальную перепонку между пальцами, и я, наконец, был отпущен домой.

Наташка, уже вернувшаяся из школы, пока я гостил у медиков, с ходу озадачила меня поручением от родителей – надо было натаскать из колодца в бочки воды для полива огорода, чтобы та хоть немного нагрелась к вечеру. Заполнив первую огромную деревянную ёмкость, я сел передохнуть во внутреннем дворе возле распахнутой настежь двери дровяника, где в сухости хранились стратегические запасы дров.

Наше подворье сильно отличалось от соседских. К углам задней стены основного дома были пристроены давно заброшенный курятник и дровяник, а к ним, в свою очередь, примыкал сарай для инструментов и всякого прочего. Эти четыре строения образовывали прямоугольник, обрамлявший закрытый внутренний дворик размером шесть на пять, где всегда было тихо, спокойно, и никто не видел, чем ты занимаешься, ни с улицы, ни из дома – на внутренний дворик не выходили окна. Только периодически забредающий сюда Полкан нарушал тишину и уединение этого заповедного места. Рядом с сараем, на противоположной от дома стене дворика была калитка, которая открывалась в наш большой огород. Двое взрослых да пятеро детей – вкалывать на грядках приходилось всем нам, иначе было не прокормиться. Даже колодца у нас было два: второй располагался посреди огорода, и его далеко не всегда хватало летом для полива, особенно если погода долго стояла засушливая.

Дом со всеми постройками, насколько я знал, построил мамин дед ещё до революции. Ему помогала вся родня, тогда ещё многочисленная, поэтому строили с размахом. Время не пощадило род Беловых: Первая мировая война, две революции, Великая Отечественная – и

сейчас нашу фамилию в селе носили только мать да её родители, мои дедушка с бабушкой. Это если не считать меня и близнецов с сёстрами.

Просто сидеть и отдыхать на лавочке мне, конечно же, было скучно. Поэтому я достал из дровяника небольшое полено, поставил его перед собой и принялся глубоко дышать, разгоняя пульс. Цель эксперимента была – повторить то, что произошло вчера со стенкой шкафа. Мы с Ядром уже попривыкли друг к другу, и вскоре оно послушно направило волну Энергии в руку. Я дождался, пока пальцы не начали болеть, приложил их к полену, и то негромко хрустнуло. Присмотревшись, я увидел еле различимую трещину в древесине. Повторив эксперимент ещё четыре раза, я почувствовал, что выдохся: спина покрылась потом, рука дрожала, а Ядро отказывалось работать. На полешке появилось несколько мелких трещин – и всё. Тоже мне, могучее заклинание – ерунда, а не магия.

– Витька, ты чего полено обнимаешь? – Танька, как всегда, подкралась незаметно.

– Соскучился по природе, – буркнул я, смущённый ситуацией.

– Наполняй вторую бочку, юный натуралист, вечер скоро, – пихнула меня в плечо младшенькая из сестёр.

Сидение в кустах опостылело ещё полчаса назад, а пронзительные визги и того раньше. Как же не вовремя девчонки решили сходить искупаться на реку, да ещё и в то самое место, в котором я чуть не утонул на днях. Решив не тратить время зря и заняться хоть чем-то полезным, я засел на пригорке спиной к реке, чтобы не отвлекаться, и, соединив руки, гонял Энергию по телу. Всё шло хорошо, пока мне в ухо не вцепились мокрые холодные пальцы.

– Так вот кто здесь засел! А нам любопытно стало – чья это майка сквозь кусты просвечивает. Белов, тебя не учили, что подглядывать нехорошо? Мы же там почти без одежды, – Ледашева неслышно подкралась со стороны реки и теперь пыталась отодрать от моей головы левый локатор.

Скривившись от боли, я без труда освободился из захвата, воспользовавшись тем, что Светка не вытерла как следует руки после купания.

– Да будто нужны вы мне очень. И без одежды вы ещё большие дуры, чем в ней. Я, вообще-то, спиной к реке сижу, не заметила? – хмуро пробурчал я в ответ, делая вид, что не замечаю, как ко мне подкрадываются однокласски Толоконникова и Мартова.

– Раз так говоришь, значит, точно подглядывал! Девчонки, давайте его в воду кинем! Держи Витьку! – Светка накрепко вцепилась мне в плечо, спасибо, что не зубами.

Убежать я не успел, и через несколько секунд Машка, Дашка и Светка уже тащили моё тощее тельце по направлению к воде. Я дёргался, пытаюсь вырваться, но куда там. А в целом и ладно, день тёплый, а одежда потом высохнет прямо на мне.

– Зинка утонула!!! – донёсся с воды вопль, полный отчаяния. Воспользовавшись тем, что меня перестали волочить по песку, я приподнялся и посмотрел на водную гладь. В реке, не так уж и далеко от нашего берега, размахивала руками незнакомая мне девчонка со светлыми волосами.

– Что случилось? – закричала ей Машка.

– Она нырнула и не выплыла! – незнакомка, судя по голосу, вот-вот должна была разреваться.

Я резко дёрнулся, вырываясь, вскочил на ноги и помчался в воду. Ориентиры примерно совпадали, и я догадывался, что случилось с этой самой Зинкой.

Так и оказалось. Под поверхностью воды в тусклых солнечных лучах было видно, как маленькая и худая, словно щепка, темноволосая девочка отчаянно загребала руками, пытаясь выплыть на поверхность, а чёрная пелена рыболовной сети вцепилась ей в лодыжку. Я подныр-

нул ниже и крепко ухватил Зинку за ступню, тут же получив другой ногой прямо по макушке. Хорошо, что распутать сеть получилось быстро, но воды девчонка всё-таки под конец нахлебалась.

Ревели все. Плакала спасённая, еле откашлявшаяся после того, как я выволок её на берег. Рыдала навзрыд обнимавшая её пухленькая беловласка, которую девчонки называли Тонькой. Даже боевая Машка, закусив губу, размазывала кулаком слёзы, явно стесняясь. Про тихоню Дашу и говорить нечего – она плакала так усердно, как будто за это тоже будут ставить оценку, и нужна была пятёрка. Только Светка держалась, глядя Тоню по голове, но и у неё глазки подозрительно блестели.

– Чего ревете-то? – недоумевал я, глядя на это. – Всё же хорошо вышло.

– Дурак, а если б она утонула? – Ледащева ткнула меня кулачком.

– Ну не утонула же, – я пожал плечами и попытался переключить внимание честной компании:

– Там сеть на дне, надо бы её срезать, пока ещё кто-нибудь не вляпался. Ножика ни у кого нет?

Сработало – слезопад иссяк. Толоконникова сбегала домой за ножом, и я за три нырка срезал, насколько смог, плотно застрявшую в дне сеть. Вытащив добычу на берег, я скомкал её в шар и засунул подальше в густые кусты. Успокоившись, девчонки засобирались по домам, только несостоявшаяся утопленница активно упрашивала всех не болтать, а то ей от родителей влетит. Толку-то, всё равно вся Берёзовка через день будет в курсе, это же девчонки.

Неожиданно поотставшая от галдящей стайки Светка приподнялась на цыпочках и чмокнула меня в щёку.

– Ты чо? – опешил я.

– Ну, так надо. Спасибо тебе за Зинку, – ответила Ледащева, усердно разглядывая траву под ногами.

– В смысле надо, кому?

– В коромысле! – маленький кулачок прилетел в бок, и Светка, сверкая голыми пятками, побежала догонять своих подружек. Косичка её рыжих волос смешно шлёпала по лопаткам, проступающим из-под майки.

– Бешеная белка какая-то, – хмыкнул я, потирая рёбра.

И только подходя к нашей улице, я вспомнил, зачем вообще припёрся к Бобровке. План был осмотреть место своего двойного Прыжка, в надежде накопать что-то важное и интересное. Я махнул рукой – все следы были уже безнадежно затоптаны, и ничего я там не найду.

Спустя пару дней я внезапно осознал, что постоянно нахожу разные предлоги, которые позволяют мне отложить эксперименты с Прыжком на потом. Я просто боялся, покрываясь холодным потом при одном воспоминании о той боли, которую испытал, влетев рукой в маленький побег во время использования этой способности. Поэтому я собрался с духом и... сознательно отложил исследование Прыжка на неопределённый срок, сосредоточившись на работе с Ядром и тренировке Разлома. Да, я решил назвать своё второе умение Разломом – потому что оно ломало всё, к чему прикасались мои пальцы.

Я временно превратился в маленького демона разрушения. Фарфоровая чашка, получившая выплеск Энергии в белоснежный бочок, разлетелась осколками по всей кухне. Помидорный кустик сломался в местах прикосновения моих пальцев, причём изломы ствола растения были хорошо так размочалены. То самое полено я всё-таки заставил треснуть с третьего захода, и оно раскололось сразу на шесть неровных кусков. Не поддавались только жидкости – по воде расходились круги, как от мелкого камушка, брошенного в лужу, но и только. И пальцы ещё

начинали сильно саднить после применения Разлома в жидкостях. В воздухе использование умения вызывало лишь негромкий щелчок, как от сработавшей мышеловки.

Эксперименты продолжились: в книге образовалась вмятина, носовой платок порвался в месте использования способности, кусок хлеба слегка приплющило – меня было уже не останавить, но все результаты тщательно фиксировались в лабораторной тетради. Разные предметы вели себя неодинаково, но ломались или деформировались практически все. Неизменным оставалось только одно – Энергии хватало лишь на пять использований, потом требовался длительный перерыв. Я как будто был колодцем, воды в котором хватало всего на пять вёдер, а затем нужно было ждать несколько часов, пока она снова наберётся.

Ещё мне постоянно хотелось есть. Не так, конечно, как в тот день, когда зарастала рана на руке, но почти постоянное чувство голода ужасно раздражало. Мать уже обратила внимание на мой разыгравшийся аппетит и пообещала особо противное средство от глистов, если я не перестану «жрать как поросёнок».

Получив по шее за разбитую чашку и полкило сахара, умыкнутого и съеденного с хлебом, я пригорюнился. Ну почему учиться волшебству оказалось настолько сложно, что одним из ограничителей является простая еда? И ведь только начало мая на дворе, по садам и огородам села вдоволь не полазаешь, а на наших грядках ещё даже редиска не созрела. Впрочем, зуд первооткрывателя не давал мне прекратить эксперименты, несмотря на голод.

3 мая 1965 года, Берёзовка

В понедельник мы с мушкетёрами засели в пустующем классе на втором этаже и играли в снайперов. Раскрытые настежь окна располагались над центральным входом в здание, поэтому расстреливать покидающих школу после окончания уроков учеников сушёным горохом было одно удовольствие. Рогатка, а то и несколько, имелась у каждого уважающего себя пацана, а их изготовление являлось практически официальной дисциплиной соревнований в мальчуковой табели о рангах.

Первое своё дальнобойное оружие я смастерил в шесть лет. Увы, прослужило оно всего день – рогатулька была очень тонкая и быстро сломалась. Но настрелялся я тогда от души, так что следующее поделие не заставило себя долго ждать. В ход шло всё: кожаные вставки от старой обуви, аптечные жгуты, резинки от белья, камеры от велосипедных колёс и волейбольных мячей. В качестве снарядов использовались камешки, горох, рубленая проволока, шишки, рябина. Самые крутые боеприпасы получались из шарикоподшипников, но их достать удавалось очень редко, и счастливчик мог выменять идеально круглые стальные шарики практически на что угодно.

На пустырях периодически устраивались соревнования на дальность, кучность, точность и пробивную силу самоделок. У некоторых умельцев, к числу коих относился и я, был целый набор рогаток – каждая под свой вид соревнований. А если удавалось найти побольше спичек, то изготавливались «бомбочки» – это когда комочки серы вместе с запалом заматывались в матерчатую изоленту или что-то похожее. При игре в войнушку было самое то стрелнуть таким снарядом – враги разбегались в разные стороны, как тараканы.

Вот и сейчас мы выжидали, пока ученики дойдут по асфальтовой дорожке практически до выхода со школьной территории, после чего стреляли, стараясь попасть горошиной в филейную часть. Жертва вздрагивала, оборачивалась на школьные окна, пытаясь нас разглядеть, но расчёт был безупречен: стреляли мы из глубины кабинета, встав на стул, поэтому увидеть нас в полутёмном классе с ярко освещённой солнечными лучами улицы было сложно. Сразу после

выстрела мы спрыгивали на пол, и, хихикая, слушали ругань в свой адрес. Большая часть окон в здании была открыта из-за тёплой погоды, поэтому того, что нас вычислят, мы не боялись.

Обстрелу подвергались даже старшеклассники, да и девчонки не оставались без внимания. Единственное – видя в прицеле платяца, мы старались не усердствовать с натяжением резинок. Ручеёк учеников, покидавших школу после окончания уроков, постепенно иссякал: вот зигзагами поскакал под нашим обстрелом Сашка Синичкин, вот высокая семиклассница с толстенной косой получила горохом в ляжку и, обернувшись, погрозила в нашу сторону кулаком, после чего быстро ретировалась за забор. Вот какому-то считающему ворон первоклашке прилетело по портфелю, и, пока он хлопал ушами, ещё и под коленку. Мы уже собирались топтать по домам, когда с крыльца школы донеслись тонкие девчоночьи голоса.

– Моя очередь! – Мишка вскочил на стул и встал на изготовку. Я аккуратно выглянул за окно, чтобы убедиться, что не обознался: это покидали учебное заведение наши одноклассницы. Плотно сбитая Толоконникова, безошибочно узнаваемая со спины, что-то увлечённо рассказывала худеньким Ледащевой и Муравьёвой, которые шли слева и справа от неё, внимательно слушая. Белые банты при взгляде сверху напоминали красивых бабочек, расправивших крылья и греющихся на тёплом солнышке.

– О, сейчас новенькую подстрелю, – ухмыльнулся Мишка и натянул жгут, прицеливаясь. Я, недолго думая, подскочил к нему и лупанул по руке, сбивая наводку. Негромко хлопнула резинка, застучала по классу отскочившая от пола горошина.

– Ты чего? – обиженно посмотрел на меня друг.

– А кто сегодня хвастался новой рогаткой так, что половина класса слышала? Думаешь, Толоконникова не догадается, кто это здесь такой меткий засел? Заложит нас со свистом, опять огребём. С тех пор, как Машку командиром моей звёздочки назначили, она ко мне пристала, как банный лист со своей дисциплиной!

– Машка точно сдаст, – подтвердил от крайнего окна Толя.

– Ладно, – насупился Миха, – но я ещё не сошёл с тропы войны! – и потряс в воздухе рогаткой, видимо, представляя, что это индейский топор.

– Валим отсюда, бледнолицые закончились – засмеялся я в ответ.

Глава 7.

6 мая 1965 года, Берёзовка

Родители вышли из ворот, ведущих на школьный двор, примерно через час. Я спрыгнул с валуна и медленно побрёл им навстречу. Зрелище было ещё то: Артурчик подсвечивал улицу здоровенным фонарём и то и дело морщил разбитые губы – кулаки у старшего Синичкина были размером с половинку кирпича. Мать же щеголяла частично оторванным от белой блузки воротником, парой царапин на щеке и прилично растрёпанной причёской.

Смотрелись они вместе, кстати, здорово. Мамка у меня высокая, красивая, стройная, хоть и родила пятерых детей. Чёрные чуть вьющиеся волосы и голубые глаза, длинные ресницы – да она в свои тридцать три до сих пор почти не пользовалась косметикой, только иногда подкрашивала губы, если собиралась в гости. Работала в отделе кадров администрации совхоза, поэтому могла каждый день одеваться не только практично, но и нарядно, не боясь запачкаться. Завистниц её должности и привлекательности было с избытком, но маму держали в администрации не за красивые глаза – она досконально разбиралась в своих обязанностях, зная в лицо и по имени всех работников совхоза, а ведь тех насчитывалось больше тысячи.

Отчиму было тридцать шесть. Он также был высокого роста, стройный и мускулистый – профессия механика постоянно требовала возни с тяжёлыми железками. Тёмные волосы,

стрижка «бокс», мужественное лицо и карие глаза – неудивительно, что мамка с ним сошлась. Свадьбу они сыграли пять лет назад, и близнецов мама родила от Артурчика, а мне с сёстрами он приходился отчимом.

Вообще, матери не везло с личной жизнью. Вышла замуж в восемнадцать за парня из соседнего села, родила через год Наташку, а молодой отец возьми, да и замёрзни по пьяни той же зимой. Кое-как, с помощью родителей, мама выжила в тяжёлое послевоенное время и сберегла дочь. Через три года вышла за другого, родила Таньку, но новоиспечённый муж вскоре сел за пьяную драку, в которой погиб один из участников, да и сгинул в тюрьме. Как появился я и кто был моим отцом, мамка не говорит. Родив по ребёнку от трёх разных мужчин, она стала главным объектом сплетен и пересудов на селе. А ведь я родился ещё и вне брака, и поэтому узнал значение слова «ублюдок» ещё года в три. Спасибо «добрым» людям – доходчиво объяснили.

Такие испытания выковали у матери железный характер и нестигаемую волю. По Берёзовке не утихали пересуды, как она одним днём отбила Артурчика у его тогдашней зазнобы, проведая, что та являлась основным источником небылиц про её личную жизнь: мама заявила прямо на ремонтную базу, разговорилась с привлекательным механиком, сорвав рабочий процесс, и тем же вечером Артур уже гулял с ней под ручку по главной улице села. Отчим был вдовцом, да и вообще не местным: приехал в Берёзовку для налаживания работы совхозной машинно-тракторной станции, да так здесь и остался.

В школе дети меня регулярно дразнили ублюдком и безотцовщиной, да и взрослые в целом нет-нет да и шипели гадости в мой адрес. И если со взрослыми я ничего поделать не мог, кроме как исполнить какую-нибудь пакость позаковыристее исподтишка в ответ, то с каждым школьником, рискнувшим открыть свой поганый рот, я незамедлительно кидался в драку, несмотря на разницу в возрасте и весе. Один раз под раздачу попал даже семиклассник. Мне тогда прилетело существенно сильнее, и я пропустил три дня занятий, но в школе снискал репутацию задиры и неадекват, и многие уже опасались нарываться. Сашка Синичкин сегодня что-то забылся, повторив мне в лицо услышанные дома слова, и справедливо огрёл книжкой в нос.

Отчим молча сунул мне в руки брошенный при побеге из класса школьный портфель, и мы пошли в сторону дома. Через полминуты я не выдержал:

– Круто вы их отдубасили! Я с парты хорошо всё видел, Артур Вове бац в ухо, бац в нос! Мам, ты вообще пантера! Я думал, ты Синичкину загрызёшь там.

– Сама виновата, стервь, она давно напрашивалась, слухи про меня распускала. Но ты всё равно дома получишь, не обессудь. Из-за тебя нас с Артуром вызвали в школу, и чуть до милиции дело не дошло.

– За благое дело не страшно и получить, перетерплю. Но просто слушать, как меня кличут безотцовщиной, а тебя, гм... а про тебя гадости говорят, я не собираюсь. Один раз проглотишь, потом хоть в школу не приходи. А у самого на краю сознания промелькнула любопытная мысль, что свежие рубцы на заднице – прекрасный повод для эксперимента с заживлением ран Энергией.

– Витька хоть и заноза, но правильно говорит, – подал голос Артурчик. – Нельзя спуску давать, заключают. Да, классная руководительница сказала, что с милицией про тебя говорить будет, проблемный ты стал слишком. Так что готовь задницу к ремню, тебе полезно. Меня батя ещё похлеще в детстве драл, и ничего, человеком вырос.

– К ремню мы привычные, – растянул губы в улыбке я, – только сильно высоко не бери, в позапрошлый раз, когда вечером бил, потом бок болел с одной стороны и красным пёрсал на следующий день.

Врал, само собой, но лишнего ремня вкушать не хотелось. Мать недобро зыркнула на отчима, тот сделал вид, что не заметил её взгляда. Навстречу попалась мамина подружка с

соседней улицы, которой сразу же загорелось выяснить, что произошло и почему мы в таком помятом виде по селу ходим. Артурчик махнул рукой, давая понять, что это надолго, и дальше мы побрели вдвоём.

– Неправильно это всё. Я с фонарём, Катя с царапинами и порванной блузкой, а ты целым умудрился выйти. Вот для симметрии и получишь, – шёл и бурчал отчим.

– Ты лучше скажи, как там немцы? Синичкины, то есть.

– О-о, немцы в лучшем виде, – улыбнулся Артурчик, явно вспоминая детали. – Вовка с двумя фонарями ушёл, с разбитым носом, да и одно ухо в два раза больше другого стало. А жена его вообще отоварила на квартал вперёд – страшно твоя мамка дерётся, чуть глаза Зойке не вынула, и вся морда расцарапана. Ваша порода, «Беловская».

– Жизнь приучила, – важно поддакнул я, ввернув стянутую у кого-то из взрослых реплику. Артур сегодня прямо вырос в моих глазах. Вообще, мы с ним друг друга недолюбливали, но взаимно терпели из-за мамки. Я и Артурчиком его называл только про себя, передразнивая мать – она иногда ласково так к нему обращалась. Отчим пришёл в наш дом и наводил свои порядки на правах старшего. Доставалось в основном мне, но иногда и сёстрам прилетало. Я же считал его чужим строгим дядькой, без которого мы и так прекрасно жили. Высказал как-то в свои лет пять или шесть это мамке на кухне и огрёл так, что помню до сих пор. С той поры и помалкиваю на эту тему – взрослые сами разберутся.

Дошли до дома. Из комнаты выглянула Танька и застыла с открытым ртом, увидев разубаюющегося отчима, подсвечивающего себе в полутьме добротным фонарём на половину лица. Я скорчил страшную гримасу, и сестра тихонько прошмыгнула на кухню греть обед.

– Сейчас пороть будешь? – деловито поинтересовался я. Практика давно показала, что проще было вытерпеть порку, чем часами её ожидать.

– Иди уже с глаз моих, великий воин, пока и правда не всыпал, – отозвался отчим, дал мне лёгкого леща и ушёл к себе. Я мысленно поставил Артурчику плюс один балл. Похоже, эксперимент с регенерацией кожи пока откладывается.

Прибежал Ванька, обнял меня за ноги, задрал мордаху вверх:

– Опять махался, Витька?

– Не опять, а снова, – отшутился я и потрепал его по русой макушке.

– Расскажи, ну расскажи, – заканючил брат. Этот вцепится, как клещ, не отвяжешься. Пришлось повествовать благодарным слушателям о великой битве за правду. Во множественном числе – потому что где Ванька, там и Петька. Я разошёлся, в лицах пересказывая всю эпопею от начала до конца. Парни, раскрыв рты, благоговейно внимали:

– А мамка на злую Зойку как прыгнула, прямо на загривок, и давай её на лоскуты рвать, только клочки по закоулочкам полетели! – на лицах близнецов отражались полнейший восторг и восхищение.

Оставив братьев под впечатлением от рассказа о сегодняшних событиях, я дотопал до нашей с Танькой комнаты, где наконец-то смог скинуть с себя надоевшую школьную форму. На уроки я ходить не любил, и если бы не общение с друзьями, то вообще бы сбегал с занятий через день. Знания давались мне легко, и за партой я отчаянно скучал. Учителя, подмечая моё безразличие к учебному процессу, в основном меня недолюбливали, из-за чего иногда страдали получаемые мной оценки. Материал я знал, у доски отвечал уверенно, так что обычно табель за четверть почти сплошняком состоял из одних пятёрок, если не принимать во внимание стабильную двойку за поведение и тройку за прилежание.

Частенько во время занятий я читал взятые в школьной библиотеке книги, что также раздражало учителей. Почему они против, мне было искренне непонятно: сижу тихо, никого

не трогаю, не отвлекаю, узнаю что-нибудь интересное. Можно подумать, было бы лучше, если бы я переговаривался с другими учениками на уроке, отвлекая их. Тем более что нередко я читал что-то относящееся к школьной программе: энциклопедии, учебники за пятый класс и старше, справочники. Что интересного удалось раскопать в библиотеке, то и поглощал.

Хорошо, хоть дома не сильно доставалось за оценки. Маме вообще не было особого дела до наших с сёстрами табелей – она считала, мы сами должны понимать, что без знаний в жизни ничего путного не добиться и хорошей работы не найти. На эту тему она несколько раз с нами серьёзно разговаривала. Единственное – за «неуд» по поведению меня стабильно наказывали, но, поскольку мне и так прилетало ремнём почти каждую неделю за разнообразнейшие выходки, я уже перестал обращать на это внимание. От порки я давно не плакал, при-терпевшись к боли.

Также мне повезло, что я был третьим по старшинству – Наташка и Танька учились на четвёрки и пятёрки, и к ним всегда можно было обратиться, если возникали какие-то вопросы.

После обеда, когда родители ушли обратно на работу, я вместо домашки засел во внутреннем двореке тренировать Ядро. Меня очень интересовало, можно ли его как-то увеличить или заставить работать лучше, ведь сейчас запас Энергии был так мал, что его хватало всего на несколько применений способностей.

Положив рядом тетрадку «Экспериментов лаборатории имени В. Белова» и механический будильник, позаимствованный из спальни родителей, я сбросил весь запас Энергии в свежее полено, сумев сделать в нём пару трещин, подождал ровно час, перечитывая «Робинзона Крузо», затем снова использовал Разлом до упора. Вышло три раза.

Опять сделал перерыв на один час, но теперь отложил книжку и сосредоточенно гонял Энергию по верхней части тела, непрерывно теребя Ядро. А когда взялся за полено, то выдал целых шесть Разломов и сумел отколоть приличный кусок. Получилось! Вывод: работа с Ядром ускоряет восстановление Энергии. Довольный, я записал наблюдения в тетрадь.

Во двор забежала Танька, под села рядом на лавочку:

– Витька, что делаешь? – цапнула тетрадку.

– Дай сюда, это моё. Я же в твой дневник не лезу! – выдрал я свои записи из рук сестрёнки.

Танька смутилась и густо покраснела.

– Дурак! Дневник нельзя брать, это личное!

– Я и не беру, больно надо, девчачьи глупости читать, – пожал я плечами.

– И вообще, откуда ты знаешь?

– Петька с Ванькой нашли и мне притащили – хотели, чтобы я им почитал, они же ещё сами не умеют. А близнецы услышали, как мама с отчимом обсуждали твой дневник, – разулыбался я от уха до уха.

– А ты что? – замерла испуганно Танька.

– Я им сказал, что это личные записи, если хотят, пусть тебя и просят почитать. И велел положить, где взяли.

– А сам смотрел? – сестра взволнованно заглянула мне в глаза.

– Нет, у каждого есть право на свои тайны, – улыбнулся я в ответ. – Да и что там может быть интересного, небось, одни ваши женские глупости. Кто кому нравится и подобная ерунда.

– Витька, ты замечательный братик! – сестра порывисто обняла меня и ускакала в дом. Наверное, собралась искать захоронку получше.

А я, было, начал обдумывать следующий эксперимент, как внезапно замер от пришедшей в голову мысли: в любой момент могут найти и мою тетрадь с описанием экспериментов, а там

ведь с каждым днём всё больше записей. Тренировки подождут. Надо подумать, как можно обезопасить дневник от чужих глаз.

Спустя полчаса, так ничего не придумав, я решил отвлечься. Мне нравилось закрывать глаза и вслушиваться в разнообразные, доносящиеся со всех сторон звуки, коими так богата сельская жизнь. Люди, животные, природа – все безостановочно шумят: вот наша соседка слева хлопнула дверью сарая, попутно обругав попавшую под ноги курицу, вот с другого двора доносится скрип колодезного ворота. Живущая дальше по улице брехливая собака опять облаивает прохожего. Полкан гулко гавкает, мол, притихни, и брехунок сразу же замолкает. Где-то вдалеке перекрикиваются две женщины, слов не различить, но вроде не ругаются. Листья деревьев шумят под порывами ветерка, который приносит с собой отдалённое свиное хрюканье.

Внезапно на грани слышимости раздался тонкий писк. Я повернул голову, пытаюсь определить направление, и вскоре запищали снова. Как будто котёнок. Странно, учитывая, что ни у нас, ни у соседей не было ни кошек, ни котов. Соскочив с лавочки, я начал медленно двигаться в сторону дровяника, и писк слышался отчётливее с каждым шагом. Да ну, не может быть.

Оказалось, может. За большой поленницей, в дальнем углу сарая, где с незапамятных времён высилась груда разнообразного барахла, я нашёл маленький серый комочек. Прямо в пыльной выцветшей фуфайке, небрежно брошенной поверх какого-то сломанного стула, ползал маленький котёнок. Елозил на пузике, ещё не в силах встать на лапки, поворачивал ушастую головку с узкими щёлочками не открывшихся глазок то в одну сторону, то в другую и звал, звал кошку-мамку.

– Ты откуда здесь, бедолага? И почему один? – я присел на корточки и задал котёнку глупый, но так напрашивающийся вопрос. Он повернул слепую мордочку в мою сторону и погрёб прямым ко мне, с трудом преодолевая складки фуфайки. Тоненько и смешно чихнул, надыхавшись пылики, и снова начал отчаянно пищать.

– Будь здоров, – ответил я и задумался, что со всем этим делать. Оставить мелкого тут до завтра? А если кошка за ним не вернётся, то он может и не дожить до утра. Я мало что знал о котятках, у нас их никогда не было, поэтому решил обратиться за помощью.

– Тань, у нас в дровянике котёнок маленький лежит и мяучит, наверное, голодный, – сестру я нашёл в нашей общей комнате, из-под кровати были видны только пятки. Понятно, ищет, где пристроить свой дневничок получше. Как по мне, бестолковая идея – надо не в комнате прятать, а вне стен дома, а то быстро найдут.

Из-под кровати выглянула растрёпанная Танька:

– Ты серьёзно? Пойдём, покажешь!

Через минуту мы вдвоём склонились над фуфайкой. Серый комок пищал, не переставая.

– Что нам делать? Я про котят ничего не знаю, – растерянно посмотрел я на сестрёнку.

– Как что? Надо его согреть и накормить, ну ты чего? – как на идиота посмотрела на меня Танька.

– А если за ним кошка вернётся?

– Тогда вообще замечательно. Но, скорее всего, это кошка-кукушка, – Танька почесала пальцем кончик носа.

– Что ещё за кукушка? Это же птица, – не понял я.

– Кукушка, потому что подкинула нам птенца, то есть котёнка, и сбежала! Всё, иди отсюда, сейчас мы с Наташкой что-нибудь придумаем. Лучше проследи, чтобы родители в сарай не зашли, а то они его сразу выкинут.

Танька сбежала за старшей сестрой, после чего я в четыре руки был выпихнут обратно во двор, чтобы не мешался под ногами и не привлекал лишнего внимания. Серый комок

был напоен тёплым молоком через платок, если я всё правильно понял. Фуфайку обложили чистыми тряпками, с боков приладили пару бутылок с горячей водой. Девчонки устроили посменное дежурство, потому что кормить и греть котёнка надо было часто. Да и менять тряпки на новые. Ну-ну, посмотрю, как быстро родители вычислят этих заговорщиц.

Глава 8.

7 мая 1965 года, Берёзовка

В школе сегодня я был в центре внимания. Слухи успели разлететься по селу: одноклассники видели только первый эпизод пьесы, с попаданием учебника в нос Сашке, который сегодня благоразумно отсутствовал на занятиях, но кто-то из жителей села видел семейство Синичкиных после вчерашнего побоища, а кто-то – моих родителей. Учитывая, что целиком ситуацию знали совсем немногие, сплетни разрослись до небывалых масштабов. Перед первым же уроком, едва я, отчаянно зевая, вошёл в класс, ко мне подлетели мушкетёры короля:

– Витька, это правда, что твой отчим зарезал Вовку-трансформатора вчера? – выпалил нетерпеливый Мишка. Я аж подавился очередным зевком:

– Тебе кошмар, что ли, ночью приснился?

– Да все говорят! А мамка твоя Зойке всё лицо расцарапала и нос откусила! Так правда или врут?

Я начал рассказывать, как было дело. Естественно, через минуту вокруг меня собрался весь класс:

– А Синичкина всё кричит, мол, покажи да покажи, как ты моего сыночка покалечил. Ну я взял, да снова ему в морду зарядил – мне не жалко. И говорю ей: «Хорошо разглядели, или ещё разок Александра вашего отоварить, может, плохо видно было?» – заливался я соловьём.

– Врёшь ведь, Витька, – покачала головой Машка Толоконникова. – Это даже для тебя перебор.

– Малость привираю, конечно, но совсем чуть-чуть, для красоты речи, – раздухарился я.

– Класс, по местам! Звонок уже был! – вошедшая в кабинет Лидия Ивановна разогнала наше сборище. Была она явно не в духе.

– Белов, встань. Ты совсем распустился: затеял драку при пяти взрослых в помещении, сломал Синичкину нос в присутствии его же родителей! Происшествие доведено до директора. Василий Фёдорович будет решать, что с тобой делать. Готовься. Я сегодня же поговорю на твой счёт с Василием Арсентьевичем, нашим участковым, пусть он тобой займётся, раз ты такой неадекватный. Что можешь сказать в своё оправдание?

– Лидия Ивановна, вы сами вчера слышали причину драки. Я поступил правильно, и если Синичкин не извинится, то снова в клюв получит.

– Ну-ну, юморист, доиграешься до спецшколы. И в пионеры тебя вряд ли с таким поведением возьмут, не посмотрят на хорошие оценки. Садись. Класс, начинаем урок, открывайте учебники.

Забегаю вперёд, скажу, что Синичкин отсутствовал две недели, появившись только перед самым концом учебного года, чтобы не пропустить итоговые контрольные. Он промямлил извинения, рассматривая пол под ногами, я тоже что-то выдавил в ответ, мы для вида пожали руки и разошлись. Дома я опасался выяснять, чем же закончились межсемейные разборки, чтобы не нарваться на дополнительную трёпку, но разведка в лице Наташки донесла, что

мужики через пару дней замирились, раздавив пузырь, а вот мамка с Зойкой теперь окончательно на ножах и показательно отворачиваются при виде друг друга.

Были и другие последствия. Некоторые одноклассники перестали со мной общаться. Через Машку и Светку удалось узнать причину такого поведения ребят и девчат. Оказалось, что машина сплетен в лице Зои Синичкиной включилась на полную мощность, поливая меня и мою семью грязью. Вот родители некоторых одноклассников и решили оградить своих детей от дурного влияния моей шайки-лейки и лично от меня. Надолго этого запрета, естественно, не хватило, и вскоре всё стало почти как прежде.

Это был не первый случай обструкции и общественного порицания, применённого к нашей троице. Шалостей разного калибра за нами числилось столько, что не хватит пальцев на руках и ногах, хотя известно широким массам было далеко не всё. К примеру, одной особо вредной Толькиной соседке мы устроили целое представление: затащили на крышу пристройки козу, рога которой густо обмазали гуталином, да намотали на голову платок, утянутый Мишкой у этой же бабки. Хозяйка была глуховата, поэтому всё мероприятие было успешно завершено в кратчайшие сроки посреди ночи. С рассветом вся улица покатывалась, глядя на гордо взирающую сверху вниз животину, оглашающую всю округу задорным меканьем. Никто нас в темноте не видел, а мы не признались в содеянном, запираясь до последнего.

Бывали проделки и посерьёзнее. Однажды наша банда решила устроить в кроне раскидистого дуба штаб, для чего со всей округи были утянуты явно ненужные, по нашему мнению, строительные материалы: листы шифера, доски, колёса, несколько простыней и одеял. К мероприятию подошли серьёзно, поэтому экспроприации подверглись даже целые листы стекла с совхозного склада. Удивительно, но мы смогли их допереть до тайника, не разбив. Накрыли нас по горячим следам ещё до начала активной фазы строительства, поэтому удалось вернуть всё спёртое обратно, практически в неиспорченном виде. Только взрослым пришлось потратить какое-то время на то, чтобы установить владельцев всего этого добра. Ремня мы тогда отхватили как следует, но надолго, естественно, прививки от озорства не хватило.

Уже через две недели мы пробежались через длинный ряд огородов большой стайкой пацанвы, обедая малину, крыжовник да смородину. Не столько съели, сколько наследили на рыхлом грунте, кое-что и потоптали. Вот после этого впервые родители запретили парням, участвовавшим в набеге, с нами водиться.

Нам едва исполнилось по восемь, а большая часть села уже прослышала о шальной троице младшеклассников, и теперь к нашим родителям шли разбираться в первую очередь, даже если виноват был кто-то другой. Мы гордились такой известностью, хоть нам иногда несправедливо прилетало за чужие грехи. Мишка даже настаивал на том, чтобы нарисовать флаг банды с каким-нибудь весёлым девизом и повесить его над одним из наших домов, но идея провалилась на этапе обсуждения – каждый хотел забрать символ непослушания себе. Сделать три флага нам тогда в голову не пришло, а позже к этой идее мы охладели.

Следующие три дня я, отложив всю свою учёную работу, выдумывал шифр для записей. Мы уже не раз играли с мушкетёрами в «разведчиков и гестапо» и пробовали писать тайные послания, подменяя в тексте буквы цифрами или другими буквами. У меня выходило расшифровать записи минут за десять или около того, если длина кодированного текста была достаточно большой. Пацаны же мучились часа по два. Дело в том, что самыми распространёнными буквами в русском языке являются «о», «е», «а», «и», а из согласных – «н». Кроме того, если слова разделены пробелами, то можно быстро вычленить самый частый предлог «в» и личное местоимение «я».

Зачем я вообще взялся за шифровку своих записей об экспериментах? Да потому как пришёл к выводу, что если мамка доберётся до моего дневника, то, конечно, не сдаст в сумасшедший дом, но однозначно затаскает по врачам. А если в тетрадь залезут враги родины или какие-то недоброжелатели? Тот же придурок Вялов, например. Да и со временем в записях может появиться по-настоящему ценная информация. Поэтому я отчаянно скрипел мозгами, пытаюсь придумать что-нибудь позаковыристей. Попутно пробовал научиться разгонять Ядро на автомате, не сосредотачиваясь на этом полностью, но получалось очень плохо: как только отвлекался от Ядра, оно засыпало.

Так родилась идея создать нечто среднее между алфавитом и иероглифами. О китайских иероглифах я недавно вычитал в одной из книг про азиатские страны, взятой в школьной библиотеке, и был очарован этим способом записи информации. Обычно любой значок-иероглиф обозначал одно слово или понятие. В итоге я решил придумать свои значки для каждого сочетания из двух или трёх букв, идущих в тексте подряд, причём эти сочетания не должны были совпадать со слогами русского языка. Например, слово «хлопок» состоит из двух слогов: хлоп-ок. А у меня это три значка, обозначающие буквосочетания: хл-оп-ок. А слово «макароны» – это мак-ар-оны. Также я убрал все пробелы, чтобы затруднить посторонним лицам и вражеским шпионам поиск предлогов и частиц, и разрешил значкам содержать в себе последние буквы одного слова и первые буквы следующего.

Получилась простыня непонятных постороннему человеку символов с расшифровкой их значений на несколько страниц мелким почерком. Новые значки я сразу же допридумывал по мере возникновения в них потребности. Разложил шпаргалку перед собой, аккуратно вырезал из лабораторной тетради ранее исписанные страницы и перенёс информацию из них обратно, шифруя на ходу.

Иллюзий по поводу невозможности распутывания подобного кода я не питал – как мне казалось, профессионал разведки должен разобраться меньше чем за час. Но мне нужно было скрыть записи об экспериментах по волшебству от обычных людей, например, от родителей или сестёр. Я не мог позволить себе попасться, во всяком случае, не в девять лет.

10 мая 1965 года, Берёзовка

Только я притопал из школы домой, размышляя по дороге о дальнейших экспериментах с Ядром, как попал в цепкие лапы старшей сестры. Наташка увела меня во внутренний дворик, подальше от любопытных глаз и ушей, и усадила на лавку. Села рядом, немного помялась и выдала:

– Витька, мне нужна твоя помощь. На тебе с зимы должок, когда всю одежду на пока-тушках подрал, помнишь?

– Конечно, ты меня тогда здорово прикрыла от родителей. Что сделать надо?

– Одной дуре отомстить. Только как именно я пока не сообразила.

Я недоверчиво посмотрел на сестру. Из всего семейства Беловых она была самой спокойной и правильной, привыкнув отвечать перед родителями за порядок в доме и следя, чтобы четверо младших не разнесли всё в щепки.

– Давай подробности, будем думать.

– В общем, я поцапалась... Есть у меня в классе такая Верка Щербакова, и нам с ней один и тот же мальчик немного нравится. – Наташка густо покраснела. – И эта гадина начала в классе про меня гадости рассказывать, да так, чтобы он услышал.

– И что говорила?

– Что одеваюсь я некрасиво, что обувь старая и семья у нас плохая. В общем, достала она меня хуже горькой редьки, поругались мы на перемене при всех.

– Плохо, что уже зацепиться успели, на тебя, в случае чего, первой подумают, – сразу высказался я.

– Знаю, поэтому надо дождаться удобного момента. В эти выходные мама едет по делам в облцентр, заночует у подруги. Я напросилась поехать с ней, по магазинам походить вдвоём.

– В детективах это называется «алиби», когда ты можешь всем доказать, что тебя не было на месте преступления.

Мы немного помолчали.

– Что сделать-то точно надо? Дом ей поджечь или, может, сарай? – не выдержал я.

– Ты что, с ума сошёл? – вскинулась Наташка. – Нельзя же так, это слишком, Вить!

– Ладно, думаем дальше. Скажи, Верка эта с парнем каким уже общалась, гуляла по селу?

– Да, даже с двумя, весной ещё. Сначала с одним, потом с другим, сейчас вот на Валеру моего заглядывается, – сестра даже кулачки свои сжала от негодования. Смотрелось очень мило.

– Ну и отлично. Давай я ей окно из рогатки высажу? Мстящий парень так бы и сделал.

– А не поймают? – засомневалась Наташка. – Если попадётся, нам обоим мало не покажется.

Мысли в голове забегали, как растревоженные мыши по сараю.

– Найди мне мужскую обувь старую, любую, на взрослого дядьку. Только чужую, не Артурчика, и чтобы туго затягивалась сверху шнурками. Я ноги тряпками обмотаю, до дома этой Верки ночью добегу, там «липовую» обувь надену, на слежу как следует, а потом прикопаю или в реку кину.

– Ну и ты выдумщик, Витька, – сестра аж рот приоткрыла от удивления. – Хорошо, кажется, в сарае валялись старые-престарые башмаки.

– Ерунда, а сейчас пошли в сельпо. Есть пятьдесят копеек?

– Найду, а зачем тебе?

– Жрать хочу, сил нет, а мамка ругается, что много ем. Купишь мне батон и сахара полкило, а по дороге дом этой Верки покажешь заодно.

– Ладно, пошли, а кушать ты и правда за троих стал.

– Я расту, мне и надо много есть, – пробурчал я. Эта фигня с постоянным чувством голода уже достала.

Котёнок дрых в импровизированном гнезде, еле слышно посапывая розовым носиком. Танька, которая и затащила меня в дровяник, как только мы с Наташкой вернулись с прогулки, начала тихонько нашёптывать мне на ухо, что она от меня хочет:

– Нужно навалить побольше всего, чтобы совсем отгородить этот угол. Оставь только дырку, чтобы Наташка влезть могла, не больше, а родители не смогли протиснуться. А то Васька громко плачет, услышат со двора.

– Васька? – переспросил я. – Вы чего, без меня его назвали?

– Тебя не было! – начала оправдываться сестра.

– Так вы меня сами выгнали отсюда, – удивился я.

– Ну тебе жалко что ли, пусть Васькой будет, пожалуйста! – Танька аж руки к груди прижала и скорчила максимально просительную гримаску.

– Да пусть будет, не кричи только, – шикнул я на неё. Но было поздно, со стула раздался громкий требовательный писк.

– Ну вот, ты его разбудил! – уже в голос возмутилась сестрёнка. Я аж рот раскрыл от такой наглости. Потом махнул рукой и принялся за дело.

Через полчаса строительные работы были закончены: пока Танька кормила обжору, я перераспределил старую мебель и прочую рухлядь по-другому, стараясь, чтобы с внешней стороны котоубежища изменения были минимально заметны. Потом попросил Таньку спеть котёнку колыбельную, вылез через образовавшийся лаз к двери дровяника и прислушался. Песенку было слышно, но негромко. Я полез обратно.

– Стало лучше, но звук всё равно пробивается. Давай я дров к печкам натаскаю побольше, может, родители тогда и не заглянут сюда в ближайшее время?

– Хорошо, только следи за дровами каждый день тогда! – Танька кивнула, косички её при этом смешно подпрыгнули.

– Ладно, как там Васька? – я вытянул шею, пытаюсь разглядеть, как дела у пушистого колобка. После моей перепланировки стало совсем темно, только через щелястые стены просачивался слабый дневной свет.

– Наелся и спит, – улыбнулась сестрёнка, глядя котёнка одним пальцем, еле касаясь серой шёрстки, – Ему хорошо, ему завтра в школу не топать.

– Кошка за ним не приходила?

– Не-а, я же говорила, это кукушка. Думаю, и не придёт.

– А ничего страшного, что мы все в школу с утра уходим? Нас же половину дня, получается, нет, – задал я ещё со вчера беспокоивший меня вопрос.

– А мы с Наташей будем по очереди прибегать на большой перемене, чтобы Ваську покормить, – Таня серьёзно посмотрела на меня, – Вот что с близнецами делать, мы так и не придумали.

– А с ними что? – не понял я.

– Найдут Ваську, и либо замучат по дурусти, либо родителям сдадут.

– Точно, – я задумался, почесав щёку, – Может, скажем им, что здесь бабайка живёт?

– И они его сразу искать побегут, – скептически поджала губки сестра.

– Эти могут, – протянул я, глядя в тёмный потолок, – Давай тогда тщательно следить за ними. Когда котёнок немного подрастёт, то сам сможет удрать от Петьки с Ванькой. И Наташу надо озадачить, может, что придумает.

А вечером в доме разразилась гроза. Артурчик припёрся выпивши и без настроения, и поцапался с матерью. Мы все тихо сидели по своим комнатам, даже близнецы затаились где-то у старшей сестры. Я не подслушивал, но временами родители начинали кричать, и отдельные реплики пробивались через закрытую дверь:

– Сколько можно водку жрать, уже через день на рогах приползаешь! Половину зарплаты пропил! – вот это мамка разошлась.

...

– Да на меня в коллективе уже косо смотрят из-за сыночка твоего! Вовка расстарался: язык, как у бабы. Вот и пришлось проставиться! – так, это Артурчик на меня бочку покати.

– Он теперь и твой тоже! Ты меня сам под венец потащил, я не просила!

...

– Не прикрывайся ребёнком, ты взрослый мужик!

Что-то разбилось. Громко хлопнула дверь комнаты, по коридору, злобно сопя, протопал отчим. Бурча под нос, обулся и вылетел на улицу. В доме наступила такая тишина, что я отчётливо различал сопение Таньки, сидящей с учебником в руках на своей кровати. На грани слышимости едва доносился тихий плач. Я, нахмурившись, посмотрел на Таньку, тарашившуюся

на меня широко раскрытыми глазами, и мотнул головой, указывая на дверной проём. Сестрёнка кивнула, сползла с кровати на пол и побежала утешать мамку.

Глава 9.

13 мая 1965 года, Берёзовка

И снова за углом школы собрался кружок юных заговорщиков. Шла большая перемена, мы лопали батон на троих и строили великие планы:

– И бабка там живёт, ух, и вредная, надо достать дрожжи да закинуть ей в сортир. Удобрим огород сверхпланово! – захихикал неугомонный Мишка– Она меня в прошлом году поймала в саду под кустом малины, так чуть ухо не оторвала и палкой по спине отходила со всей дури.

– Это ей мы зимой камнями простыню побили? – подключился Толька.

– Ага! Витька, представляешь, бабка простыню сушиться во дворе повесила, та замёрзла на морозе, а мы в неё камнем бац, а она такая хрусь и пополам!

– Бабка, что ли? – особо не слушая, невпопад спросил я.

– Шутить изволите? Простыня пополам! – нарочито обиженно поджал губы этот мелкий хулиган.

– Влетело?

– Не, обошлось. Но дрожжи закину обязательно, будет знать! Помогите достать только. – Мишку было не заткнуть. Слушая его нескончаемую трескотню, я снова вернулся к размышлениям последних дней.

Я долго раздумывал, стоит ли посвящать друзей в свою тайну. С одной стороны, похвастаться, конечно, очень хотелось. Временами аж распирало с кем-нибудь поделиться. С другой стороны, не было уверенности, что парни не растреплют такую интересную новость на всё село, а это могло принести мне кучу проблем. Недавно я прочитал «Человека-невидимку» Герберта Уэллса. Произведение меня очень впечатлило, поскольку я постоянно проводил параллели между собой и главным героем. Молодой учёный по фамилии Гриффин сделал себя невидимым и сразу стал изгоем в обществе. Он так же, как и я, обрёл необычный и уникальный дар. Его боялись, затем преследовали. Он превратился в злобного одиночку, неспособного жить в обществе, голодал и бродяжничал. А в конце произведения Гриффина выследили и забили насмерть, когда он открылся одному знакомому, и тот сдал его властям.

Да и чем я могу сейчас подтвердить свои рассказы друзьям? Ядро находится внутри меня и не двигается с места. Энергии не видно, даже огонь из ноздрей не идёт. Прыжок я до сих пор боюсь использовать, не получается себя заставить. Остаётся только Разлом, но он как-то... не впечатляет что ли.

В разговоре возникла пауза, да и батон кончился. Я потянулся и как бы мимоходом сменил тему:

– Парни, слушайте, я вот недавно осилил «Человека-невидимку», и по итогу прочтения возник такой вопрос: вот если бы мы узнали, что у кого-нибудь из взрослых есть странные способности, и он их скрывает ото всех, как нам в таком случае надо было бы поступить? Рассказать про него всем или промолчать?

– Да рассказать, конечно, ты что, такая обалденная новость, всё село бы на уши встало! – тут же отозвался Мишка.

– А какие у него способности? – более рассудительный Толька решил сначала уточнить детали.

– Ну... Например, невидимость, как в книжке. И ещё, допустим, предметы может двигать силой мысли, – почесал затылок я.

– Однозначно сдать его надо властям, ещё и учёным для опытов тоже – пусть расскажет свои секреты, чтобы все смогли предметы двигать. Только представь, как бы это классно было: вот попросит меня мама огород вскопать, я сижу под деревом в тенёчке, а лопата сама в земле ковыряется, как в сказке. Или на железной дороге шпалы можно укладывать силой мысли, они, знаешь, какие тяжёлые? Или многоэтажку в городе строят, а ты кирпичи и вёдра с раствором не на горбу таскаешь, а мысленно закидываешь наверх, – излагал Толька свои соображения.

– Ага, а ещё стал невидимым и в сельпо все конфеты можно выгрести! Или ты мысленно меня поднял повыше, и я самой спелой вишни нарвал! – Мишка разошёлся, глаза загорелись.

– Балда ты, Михаил. Это же неправильно – конфеты без оплаты таскать. Если все так поступят, то конфеты кончатся, – Толя отвесил другу воспитательный шелбан.

– А на заводе ещё сделают! И вообще, я как не захожу в сельпо, Марьяна-продавщица сладости ест всё время, в дверь скоро не пройдёт уже. Вот никогда не поверю, что она за них платит – у неё получка меньше, чем она за месяц съедает, – парировал Мишка, потирая лоб. Дискуссия явно свернула куда-то не туда.

– Толь, а почему ты так сразу решил? Ну, про учёных? – спросил я.

– Я читал «Человека-амфибию» Александра Беляева. Там главный герой может дышать под водой, очень сильный, видит в темноте и всё такое. И как только про него узнают – один мужик его сразу хочет поймать и показывать за деньги, как редкого зверя в цирке, а другой, учёный, желает его поймать, а затем вскрыть и посмотреть, как тот устроен внутри и почему столько необычного может. И вообще – это ты же у нас всё мечтаешь стать учёным, опыты разные проводишь – сам должен понимать, насколько важен такой человек для науки!

Беляева я ещё не читал, поэтому тут же насел на Тольку, чтобы после уроков он подробно пересказал сюжет произведения. В любом случае, вывод из разговора неутешительный: делиться тем, что я волшебник, нельзя ни с кем, даже с лучшими друзьями.

Ещё вчера я собирался попросить парней помочь с экспериментом по заживлению ран в качестве подопытных, но после этого разговора передумал. Пока получилось ускорить регенерацию только у себя, а было очень любопытно, можно ли использовать эту способность на других. Буду выжидать удобного момента, например, когда кто-то поранится.

16 мая 1965 года, Берёзовка

Готовясь к операции «Тайный Мститель», я успел подремать часик днём, плотно поужинал и припрятал возле забора свёрток с экипировкой. Мама с Наташкой уехали в Челябинск, отчим весь день возился по хозяйству, припахивая и меня заодно, зато умаялся и рано ушёл к себе. Танька уложила близнецов и уже тоже тихо посапывала. Я для надёжности провалялся ещё час в кровати, едва не отрубившись – пришлось периодически больно щипать себя – затем тихо встал и, не обуваясь, прокрался во двор. Свёрток обнаружился в лапах у Полкана. Этот балбес уже успел его слегка пожевать. Я потрепал пса по холке, отобрал у него добычу и тихонько переоделся в заранее подготовленные чёрные треники и серую майку.

Тщательно обмотав ноги тряпками, я засунул в карман верёвку, рогатку и заранее приготовленный круглый камешек, за пазуху спрятал где-то добытые Наташкой жутко старые ботинки, «просящие каши», забрался на высокую будку Полкана, приделанную к забору, и перемахнул на улицу. Постоял минуту, прислушиваясь и привыкая к темноте, и тихо пошёл в нужную сторону, стараясь держаться самых тёмных мест. Дорога была неблизкой. Периодически я пугался внезапных взбrehов собак, которые меня прекрасно слышали и чуяли. Один раз

пришлось на пару минут залечь в траву, пережидая, когда мимо пройдёт группа подвыпивших парней, громко обсуждавших какую-то зазнобушку. Фу, неужели я тоже буду говорить только о девчонках, когда вырасту? Они же глупые и вообще дуры, бе-е-е. Ну, может, кроме Ледащевой.

Добравшись до дома Щербаковых, я в нерешительности замер в густой тени, прямо напротив нужного мне забора. Причина была самой простой – я боялся. Темно, страшно, чужой двор. Сердце забухало в груди. Ядро проснулось и запустило гулять по организму первую волну Энергии. Я шагнул вперёд и снова замер: ноги отказывались идти, безумно захотелось сделаться совсем незаметным, например, превратиться в одно из деревьев и спокойно расти себе дальше из года в год, не тревожась по пустякам. Вот бы остаться на месте и никуда не лезть, но я обещал сестре помочь, и она надеется на меня. Ядро совсем разволновалось. Энергия переклестнула через края моего тела, и через ступни ушла в землю. Я почувствовал, как клочок почвы под ногами стал каким-то знакомым, ощущался, если можно так выразиться, родным, как порог собственного дома. Необычно и требует осмысления.

Немного успокоившись и обрета толику уверенности, я начал выискивать приметное дерево с развилкой, чтобы без приключений залезть в показанный Наташкой двор. Нужное окно располагалось сбоку дома, и для обстрела с улицы было недоступно, даже если залезть на ветку одного из деревьев, в изобилии росших вдоль заборов. Ещё позавчера я нарочно пару раз прошёл мимо, подобрав подходящий вяз. Взлетев по дереву в один присест, я кое-как зашнуровал на ногах ботинки, бывшие раза в полтора длиннее, чем мои ступни. Чуть не навернулся в процессе. Затем прокрался по нависавшей над забором ветке и привязал к ней заранее припасённую верёвку на узел булинь, подмеченный в морской энциклопедии, и аккуратно, на руках, спустился вниз. Сердце застучало, спина взмокла, Ядро часто-часто начало запускать по телу волны Энергии.

Трава во дворе у этой Верки-злодейки почти не росла, поэтому ботинки оставляли на почве чёткие следы. Ну пусть потом погадают, кто здесь был. Отойдя вбок метров на пять, чтобы нужное окно показалось в поле зрения, я тихонько достал из кармана рогатку со снарядом и только начал натягивать резинку для выстрела, как та порвалась. Чёрт, ну почему я не пристрелял оружие днём. Вот же балбесина! Испугавшись, что звук лопнувшей в тишине резинки привлечёт внимание, я решил просто запустить камнем в окно и убежать. Замахнулся посильнее и, желая кинуть как следует, неосознанно использовал Разлом на камушек при броске. Громкий хлопок совпал со звоном разбитого стекла, рука сильно заныла, ноги ослабели, а за домом отчаянно залаяла собака, несясь в мою сторону, причём, судя по тембру лая, она была размером с медведя. А про собаку ни я, ни Наташка даже не подумали. Хреновые из нас диверсанты: при предварительной разведке объекта собачью будку я не увидел.

В два скачка я вернулся под дерево, на ходу сунув в карман штанов рогатку, и одним рывком взлетел по верёвке вверх, но всё равно не успел. Ляжку ожгло, как огнём – по ощущениям, мне выгрызли кусок задницы. Я на голом испуге использовал Прыжок, отчаянно желая перенестись за забор, и без всякого перехода со всей дури гробанулся на дорогу, отбив задницу и локти.

От падения с большой высоты на твёрдую землю из меня вышибло дух, и я рефлекторно свернулся от боли в клубок. Собака заливалась лаем, кидаясь на забор. В доме включился свет. Кое-как встав на четвереньки, я подхватил с земли свои огромные ботинки, слетевшие с ног при падении, и стартанул вдоль по улице, не разбирая дороги и выжимая из себя максимум доступной мне скорости.

Бежал я минут десять, но не в сторону дома, а совсем в другом направлении, к речке. В книжках герои всегда старались увести погоню за собой, запутать преследователей, а затем сбить их со следа. Внезапно накатила дурнота, голова закружилась, пришлось остановиться и несколько минут пересидеть в кустах, пока не полегчало. Добравшись до обрыва реки, я перехватил обувь поудобнее, чтобы закинуть её подальше от берега, как вдруг осёкся и начал

тщательно ощупывать ботинок, а затем и второй. Не поверил своим ощущениям и полез по карманам искать коробок спичек, прихваченный с собой на всякий случай.

Поставив ботинки на землю, нагнулся над ними и запалил спичку. Глаза резануло – я зажмурился и несколько секунд привыкал к свету. Наконец, кое-как смог рассмотреть обувь и не удержался от тихого возгласа. У ботинок отсутствовали носы, примерно сантиметра по три или четыре. Срез был ровный и гладкий, как будто лихой казак рубанул своей остро заточенной саблей прямо мне по ногам. На спину щедро плеснуло мурашками – придись разрез ещё на пару сантиметров ближе в сторону пяток, и я бы искалечился. К чёрту Прыжок! Одно дело вырезать вросший в ладонь побег, а другое – разом лишиться пальцев на обеих ступнях.

Не выходя на прибрежный песок, я зашвырнул с обрыва ботинки как можно дальше и начал пробираться в кромешной темноте к родному двору. Завтра, после хорошего отдыха и сна, стоило тщательно обдумать произошедшее. Никто меня не преследовал, но всё равно дорога заняла больше часа – луны на небе не было, а звёзды не особо помогали видеть путь перед собой. Да и укус разболелся, из-за чего я начал сильно прихрамывать.

Кое-как перелез через забор, обнял выбежавшего меня встретить Полкана, избавился от измочалившихся в пути тряпок на ногах и прокрался к себе в комнату. Танька разметалась по кровати, во сне сбросив одеяло на пол, и не проснулась от моего появления. Я тихо лёг на своё спальное место и моментально отрубился.

Утром отчим дал задание набрать воды для полива огорода, а сам ушёл колоть дрова. Я безбожно хромал на укушенную ногу, совершая моцион от колодца до бочки, и на свежую голову обдумывал ночные приключения.

Наблюдение первое: при использовании Разлома на камушке я, очень на то похоже, ускорил снаряд, передав ему Энергию из руки. Исследование этого феномена сразу стало приоритетным в списке запланированных экспериментов.

Поморщившись от боли, я переложил ведро в другую руку. Пальцы на правой кисти, которой я и задулил ночью камушек, распухли и слегка посинели.

Наблюдение второе: я совершил Прыжок, не видя, куда перемещаюсь. Раз за разом прокручивая в памяти этот эпизод, я всё больше убеждался в том, что моё текущее понимание механизма работы Прыжка в корне неверно. Старая теория гласила, что Прыжок состоит из следующих частей: удержания взгляда на точке перемещения, разгона Ядра с испусканием волны Энергии по всему телу и сильного желания переместиться. А прыгнул из двора на улицу я в тот момент, когда карабкался по верёвке на дерево и мой взгляд был направлен в тёмную крону и проглядывающие сквозь листву звёзды. Да и даже если бы я вглядывался в тот момент в сплошную темноту улицы, то не смог бы сфокусироваться на конкретной точке.

Прибежали радостные близнецы, благоговейно показали мне Самую Огромную В Мире Улитку и унесли знакомить её с Артурчиком.

Наблюдение третье: положение тела относительно земли при Прыжке сохраняется. Переместившись не так давно из воды на пляж, я упал на живот и колени, ведь над дном реки в момент совершения Прыжка я находился примерно в таком положении. Сегодня ночью я перемещался, цепляясь руками за верёвку, подтянув при этом ноги максимально высоко – и отбил пятую точку и локти, грохнувшись на дорогу. И это было важно: если я прав, исключалось приземление вниз головой или на шею при более или менее подготовленном Прыжке.

Наконец, наблюдение четвёртое: я приземлился точно на ту точку, куда за несколько минут до Прыжка плеснул из ног Энергией. Да я и хотел перенестись именно туда – место чувствовалось близким и безопасным, я ведь сам, вроде как, сделал его таким. Требует экспе-

риментальной проверки, просто огромной кучи проверок. Если новая теория верна – я смогу успешно прыгать вслепую.

Закончив работу, я занёс наблюдения и выводы в лабораторный дневник, проклиная самого себя за слишком сложный шифр. Воспользовавшись тем, что Танька с близнецами копались в огороде, выпалывая сорняки, а Артурчик всё ещё стучал топором во дворе, я достал из-под кровати треники и майку, в которых бегал по селу ночью. Вещи были все в грязи, мятые и рваные. Особо выделялась большая дыра там, где меня куснула собака. Кое-как застирав вещи в ведре и развесив сушиться на верёвках во дворе, я занялся осмотром боевого ранения. Такое впечатление, что ляжку жевал крокодил – фиолетово-красный синяк, размером с небольшую тарелку, пугал одним своим видом. Что же там за собака такая. Надо будет потом сходить и посмотреть на это чудовище.

Мысленно потирая руки от внезапно свалившейся возможности провести эксперимент по ускорению заживления ран, я встал на колени, кое-как положил обе ладони на синяк и начал прогонять Энергию из одной руки в другую через пострадавшую ногу. Примерно то же я уже делал, когда удалось заживить себе порезанную кисть.

Было чертовски неудобно, руки еле доставали до тыльной стороны ляжки, но я, скрючившись, выдержал так минут двадцать. Ядро бурлило, Энергия гонялась по кругу, синяк прилично щипало и жгло. Наконец, полностью истощив Ядро, я блаженно вытянулся на кровати. Боль утихла, резко накатил голод, пришлось бежать на кухню и давиться всем, что попадалось под руку. Опухоль на пальцах заметно уменьшилась, что сильно порадовало – надоело калечиться при каждом использовании способностей.

Вернувшись в комнату, я изогнулся и посмотрел на след от укуса. Не смог удержаться от радостного вопля – цвет синяка сменился на жёлто-коричневый, и сам он выглядел так, будто был минимум недельной давности. Довольный как слон, я поскакал на огород упрашивать Таньку заштопать мне порванные собакой штаны – сам я шить умел, но получалось очень коряво, а дырка была большая.

После обеда я вынес Ваську погреться на солнышке, воспользовавшись тем, что дома находились только сёстры и я. Глазки у котёнка всё ещё не открылись, но ползал он активнее. За неделю мелкий прилично прибавил в весе, даже и не думая помирать: всё громче пищал, требуя еды, несколько раз уже выползал за пределы своей фуфайки и даже пробовал прикусить подносимый к мордочке палец.

Под тёплыми солнечными лучами котёнка быстро разморило. Он растёкся пушистой медушкой по моей ноге и затих. Я осторожно гладил его по спинке и размышлял над своими злоключениями. Все мои эксперименты и тренировки – всё вдруг показалось мне какой-то нелепой самодеятельностью, беспорядочными метаниями из стороны в сторону без понимания того, что и как я делаю.

– Я такой же, как ты, – тихонько обратился я к Ваське, – такой же слепой котёнок, понимаешь? Тыкаюсь носом в невидимые и непонятные преграды, ползаю на пузе туда-сюда, а толку практически ноль. И спросить не у кого, и прочесть негде. И что делать дальше – непонятно.

Васька, заслышав мой голос, приподнял мордочку и негромко пискнул. Ушки котёнка шевелились – он пытался внимательно меня слушать.

– Но ты скоро начнёшь видеть окружающий мир, а вот я... Не знаю, получится ли у меня нормально пользоваться своими способностями, или я заброшу колдовать, когда наиграюсь. Удовольствия пока никакого, только себя калечу, – я дотронулся пальцем до пушистого уха. Васька дёрнул им и недовольно запищал.

– Ладно, не кричи. Давай просто посидим вместе и подумаем каждый о своём. Согласен?

Котёнок молчаливо одобрил предложение и снова уткнулся розовым носиком в мою ногу.

Глава 10.

18 мая 1965 года, Берёзовка

Очередной учебный день пролетел незаметно – я витал в облаках, строя грандиозные планы по дальнейшему познанию своих способностей. Лидия Ивановна сегодня придиралась ко мне больше обычного, гоняя к доске почти на каждом уроке и язвительно комментируя всё, что её не устраивало в моих ответах. Даже обычно невозмутимый Толька на перемене посочувствовал мне по этому поводу, я же нисколько не расстраивался – большую часть материала я знал, спасибо хорошей памяти и природной любознательности, благодаря которой я обычно читал все учебники заранее, немного опережая школьную программу. Не ради желания получать высокие оценки, а потому что мне было любопытно, как всё вокруг устроено. Я сам тянулся к любой новой информации.

В конце последнего урока Лидия Ивановна, сидя за столом, продиктовала домашнее задание по математике и закрыла учебник:

– Напоминаю, что завтра первого урока не будет. Все свободны. Белов, останься.

Мишка хлопнул меня по плечу, мол, держись, и свинтил в коридор. Классный руководитель дождалась, пока мы останемся вдвоём, отложила учебник, откинулась на спинку стула и строго посмотрела на меня:

– С тобой сегодня хочет поговорить наш участковый, Василий Арсентьевич. Где находится опорный пункт милиции, знаешь?

– Знаю, – ошарашенно ответил я.

– Он тебя ждёт, иди сейчас же к нему. Сам дойдёшь или тебя отвести? – Лидия Ивановна выжидательно посмотрела на меня.

– Не надо, я сам. Ну, я пошёл тогда?

– Ступай. И учти, я потом выясню, ходил ты в опорный пункт или нет.

18 мая 1965 года, Берёзовка

Старший лейтенант милиции, участковый уполномоченный Василий Арсентьевич Серков замер над чистым листом бумаги, вертя в руках наливную чернильную ручку. Несмотря на то, что в столе у него лежала большая редкость – шариковая, подарок на тридцатилетие от бывшего сокурсника Кольки, а теперь капитана Николая Ивановича, ему больше нравилось писать чернилами. Буквы выходили ровные, гладкие, строй знаков письменности выглядел как солдаты на параде в честь Дня Победы – смотреть было одно удовольствие. А шариковая ручка – очень дорогое баловство, рука к ней непривычна, да и почерк портится. Стоит это новомодное изобретение несколько рублей, стержня хватает всего на неделю, с его-то объёмом писанины, да и тех не достать – вот и пылится дорогой подарок в недрах канцелярского стола. Колька, лучше всех из их набора окончивший Свердловское юридическое училище, смог перевестись в Подмоскowie, откуда была родом его жена, и успешно делал там карьеру. Василий же угодил в участковые уполномоченные Берёзовки, где и прозябал по сию пору, уже целых восемь лет.

Участок ему достался сложный – без малого пять тысяч сельского населения Южного Урала, люди одновременно и суровые, и в лихих делах отчаянные. Скучать не приходилось: пьяные драки, в основном пьяные же смертоубийства, хулиганство, воровство и грабёж. Да

одно только сельпо при нём подламывали уже шесть раз. Другое дело, что подавляющее большинство преступлений раскрывалось по горячим следам, буквально за несколько часов.

Вот взять то же злополучное сельпо, рядом с которым в пору было устраивать постоянную засаду. Трижды это оказывались местные мужики, которым не хватило водки и самогонки, и они шли, будучи в дымину пьяными, добывать горячительное. Вспомнилось, как четверо работников совхоза ночью вынесли пять ящиков «Московской особой», и были найдены в соседнем с селом овраге в окружении наворованного. Василий нашёл их за полчаса просто по той причине, что они пёрли пьяным буром прямо по огородам, оставляя чёткие следы. Да ещё тот силач, который по жадности своей хапнул сразу два ящика, периодически терял по пути бутылки. Дали тогда ребятам по пятёрке, и то только потому, что никто из них ранее не был судим.

Ещё два раза сельпо грабили подростки: сначала совсем дети, высадили окно, пропихнули сквозь прутья решётки самого тощего, набрали полные карманы конфет и убежали, а затем уже девятиклассники и по-крупному: выломали зимой две доски в двери да обчистили как следует. Следующим утром одного из них за ухо привела в отделение мать, сразу смекнувшая, что сами по себе в углу сарая ящики и коробки с товарами не появляются.

Ну и в последний раз злосчастный магазин обнесли залётные из соседней Мартыновки. Впятером унесли много, но жадность их и подвела – на полпути до своей деревни они выдохлись и спрятали половину награбленного в буреломе, где в тот же день на схрон наткнулись бабы, ушедшие в лес за грибами да ягодами. Дальше оставалось только устроить засаду и взять всех с поличным, когда воришки вернутся за добычей.

Позавчера, прекрасным воскресным утром, его выдернули из постели на рассвете. Проклиная свою работу, эту злосчастную Берёзовку в целом и её неугомонных жителей в частности, Василий, наспех накинув рубашку и брюки, выпал из сеней во двор, так толком и не проснувшись. По своей неотложной надобности его посетил главный агроном местного совхоза «Трудовая слава» Фома Щербаков. Василий выругался про себя – такую значительную по местным меркам фигуру просто так не пошлешь – придётся разбираться:

– Доброго утра, Фома Валерьевич, что случилось?

– Ничего оно не доброе, Василий Арсентьевич. Стреляли в окно комнаты, где спала моя дочка, Вероника, – посетитель заметно нервничал, переминаясь с ноги на ногу и размахивая руками.

– Девочка не пострадала? И когда стреляли?

– Нет, слава богу, лежала в кровати, пуля намного выше прошла. Точное время не посмотрел, около двух часов назад всё произошло. Пока разобрались, что случилось, пока Верку успокоил, потом жену с её истерикой перетерпел, да всех детей по комнатам разогнал – уже утро наступило, к тебе пошёл. Не обессудь, что рано так, но дело серьёзное.

– Понимаю, при подобных обстоятельствах надо незамедлительно всё осматривать. На месте преступления ничего не трогали, пулю в руки не брали?

– Порядки знаю, дочь к жене в комнату отправил и наказал там сидеть. Пуля пробила дверцу платяного шкафа и застряла где-то в нём, я даже внутрь не заглядывал. Калибр только, по виду, очень большой – дыра в дверце будь здоров и окно выстебало целиком. Похожее попадание только на войне, от пулемёта мессера видел.

– Ну, вряд ли посреди ночи фрицы спикировали на твой дом, Валерьевич. Сейчас сумку возьму и идём к тебе.

Осмотр места преступления породил такое количество вопросов, что Василий поначалу растерялся. Он молча фиксировал все детали в блокнот, изредка уточняя что-то у хозяина

дома. Судя по всему, злоумышленник был один. Забрался с улицы во двор по дереву, ствол которого удобно раздваивался на небольшой высоте от земли, а затем просто прошагал по нему над забором. К самой толстой ветке, заходящей во двор, была привязана простым узлом верёвка, не достающая до земли около двух метров. Другой кусок, длиной почти в метр, валялся тут же, под деревом, и явно был отрезан ножом. Третий лежал на другой стороне улицы и был длиной почти полтора метра. Похоже, будто все три обрывка раньше составляли одно целое.

Под местом, где свисала верёвка, валялись два небольших предмета, которые при осмотре оказались носами старой мужской кожаной обуви коричневого цвета. Эти странные улики были четыре сантиметра в длину, а срез был идеально гладким – добиться такого было невозможно даже остро наточенным ножом. Топор тоже вряд ли подходил. Кроме французской гильотины в голову ничего упорно не лезло, но это была идея наподобие атаки на дом пикирующего мессершмитта – голая фантастика.

От того места, где к ветви дерева была привязана верёвка, вдоль стены дома тянулась аккуратная цепочка следов мужской обуви в сторону повреждённого окна. Отпечатки были неглубокими – сам Василий оставлял намного более чёткие следы, из чего можно было сделать вывод, что преступник имел очень маленький вес. Размер обуви был сорок второй, а шаги были небольшими – преступник осторожно крался до нужного ему места.

Василий прошёл по цепочке следов параллельным курсом. Вот здесь ночной гость остановился, достал оружие и выстрелил. Судя по расположению преступника относительно окна, траектория пули должна была заходить в комнату под приличным углом. По всей видимости, выстрел испугал собаку, и та погналась за нарушителем. Обратное расстояние до дерева тот преодолел буквально в три больших прыжка, после чего, похоже, залез обратно на ветку и покинул двор тем же путём, которым в него и забрался. Место под деревом было прилично потоптано лапами крупной кавказской овчарки, которую хозяин посадил на цепь позади дома, чтобы не мешала осмотру. Под свисающей верёвкой следы от лап были особенно глубокими – животное подпрыгивало, пытаясь достать преступника.

– Фома Валерьевич, почему собачья будка расположена за домом?

– Так она дурная у меня. Поначалу-то будку я ей поставил под забор, как положено, но Марта лаяла, не переставая, на любого, кто проходил мимо участка, и днём, и ночью. Поэтому и пришлось будку убирать на задний двор, а спускаю я Марту с цепи только на ночь, – отозвался стоявший неподалёку хозяин.

Василий подобрал с земли нос от ботинка, повертел в руках, приложил к одному следу, ко второму – подходило идеально. Заметил в стороне клочок чёрной ткани со рваными краями, поднял, осмотрел, подозвал Фому:

– Не узнаете этот предмет? Не ваше?

– Точно не скажу, но, скорее всего, нет. Двор я в пятницу лично приводил в порядок. Когда убирался, ничего такого не было, – развёл руками главный агроном.

– По всей видимости, собака успела укусить преступника, когда он забирался обратно на дерево.

– Лучше бы Марта его спугнула до того, как он до окна добрался. Дурная собака, говорю же, избавлюсь я от неё. Лаем своим надоела, так ещё и охраняет плохо. А что это у тебя в руках, Василий Арсентьевич, на кусок ботинка похоже?

– Пока не знаю. Пойдём в дом, посмотримся.

В помещении вопросов только прибавилось. Пуля залетела в оконный проём под углом и на приличной высоте и попала в платяной шкаф, располагающийся вдоль боковой стены комнаты. Окно и правда почти полностью осыпалось внутрь, хотя при выстреле из пистолета обычно в стекле образуется маленькая дырочка и несколько трещин. Отверстие от попадания пули в деревянную дверцу шкафа было неестественно большим, около трёх сантиметров в

диаметре, и располагалось на высоте почти полтора метра над уровнем пола. Василий включил фонарик, аккуратно открыл пострадавшую дверцу и осветил внутрь. Выше перекладины, на которой висела женская одежда, в задней стенке шкафа виднелось выходное отверстие от пули. Приблизив фонарик поближе, участковый взгляделся внимательнее и ругнулся себе под нос.

– Что там, Василий Арсентьевич? – встревоженно поинтересовался Фома.

– Двигаем шкаф, берись за тот край, – по тону участкового было понятно, что дальнейшие расспросы сейчас будут неуместны.

Мужчины, кряхтя и ругаясь, кое-как сдвинули шкаф в угол комнаты. Василий снова включил фонарик и направил его на выбоину в стене, приблизив источник света вплотную. Хозяин дома подошёл, всмотрелся и заковыристо матюгнулся.

– И что это такое получается, товарищ участковый? – повернулся он к Василию.

– А это значит, что стреляли непонятно чем и непонятно из чего. И уж точно не из пистолета или ружья.

Из выбоины в стене торчал гладким белым боком плотно засевший в красном кирпиче округлый... камень.

Участковый стоял во дворе дома Щербаковых и рассматривал извлечённую пинцетом из стены «пулю». Василий, конечно, не был геологом, но снаряд, пробивший насквозь окно, шкаф и застрявший в кирпичной стене, очень напоминал обычный речной окатыш почти идеально круглой формы. Замеры показали, что в наибольшей проекции объект достигает двадцати восьми миллиметров. Сколов не было – камень оказался очень прочным. Василий поднёс снаряд к носу и глубоко вдохнул. Стоявший рядом Щербаков вопросительно приподнял брови, глядя на участкового.

– Порохом не пахнет. Я в областной центр на экспертизу этот камень, само собой, отправлю, пусть проверят, но не похоже, чтобы им выстрелили с использованием порохового заряда. А жаль, версия с самопалом была хороша, – задумчиво проговорил участковый, продолжая крутить в пальцах камушек.

– Пошли, Фома Валерьевич, поможешь мне. Но сперва сходи к жене и найди мне шнур или бечёвку подлиннее и кусок пластилина.

Минут через десять мужчины начали проводить следственный эксперимент. Шкаф с помощью грубой силы и пары крепких слов был придвинут на исходное месторасположение, ровнёхонько так же, как он стоял раньше. Конец толстой суровой нитки, вытребованной Щербаковым у супруги, фиксировался в выбоине от снаряда, затрамбованный куском пластилина, одолженным у младшего сына. Марина Владимировна, жена главного агронома, была маленькой, худенькой женщиной субтильного телосложения, до сих пор бледной от ночных переживаний. Она было сунулась следом из любопытства, но глава семейства довольно грубо загнал её обратно в дом.

Василий встал на то место, где заканчивались следы ночного гостя, а Фома Валерьевич, стоя в комнате, командовал, в какую сторону отклонить натянутую нить, чтобы она не касалась краёв отверстий, пробитых в шкафу.

– Ещё левее! Ещё совсем чуть-чуть! Теперь чуть ниже! Всё, вот так!

– Спасибо, Фома Валерьевич! Подойди-ка сюда, пожалуйста.

Щербаков вышел из дома во двор, подошёл к Серкову, который так и замер, не двигаясь, сжимая в руке нить.

– Да, Василий Арсентьевич?

– Теперь мы видим траекторию снаряда. Предположим, что злоумышленник стрелял, приложив, э-э... ну пусть будет ружьё, к плечу. Что можно сказать о росте стрелявшего?

Фома чуть присел, подстраиваясь под нитку, прикидывая. Разогнулся, на автомате пригладил волосы, помолчал немного:

– Чуть какая-то, это или карлик, или подросток, почти ребёнок. Мы точно правильно с тобой намеряли, Василий Арсентьевич?

– Встань на моё место и держи нитку, только чтобы не двигалась. Я схожу в комнату, проверю.

Не прошло и пяти минут, как он вернулся:

– Скорость снаряда была очень большая, масса – как для пули, так просто огромная. Стекло не должно было существенно изменить траекторию. Нитка проходит через оба отверстия в шкафу, не касаясь краёв, и тянется во двор на то место, где преступник остановился для выстрела. Но есть ещё вариант, что стреляли не «в прикладку», уперев в плечо, а «с руки», держа оружие на уровне груди, а то и вовсе «с бедра». Но в пользу малого роста преступника говорит и глубина отпечатков обуви. Сам посмотри, как глубоки наши с тобой следы, по сравнению с его.

Хозяин дома присел на корточки, долго вглядывался, затем аккуратно прошёлся по двору до забора и обратно. Вернувшись, с уважением посмотрел на участкового:

– А я ведь и не заметил, Василий Арсентьевич.

– Нас же учили следственной работе. С осмотром мы в основном закончили, теперь давайте по подозреваемым. Вспоминайте, Фома Валерьевич, кому вы настолько насолили, чтобы не лень было по ночам вам окна бить?

Главный агроном крепко задумался. С большим трудом из него удалось вытянуть три фамилии, и то: последним подозреваемым оказался работник совхоза, у которого Щербаков отбил будущую супругу. Вот только приключилась эта история восемнадцать лет назад. Тем не менее, всех надо было допросить и установить наличие алиби на момент совершения преступления.

– С вами всё понятно, Фома Валерьевич. Но если вспомнить возможный небольшой рост подозреваемого и сложить с тем, что выстрел был произведён в окно спальни вашей дочери, то...

– Я понял, одну минуту, – главный агроном поднялся на крыльцо и заглянул внутрь дома:

– Верка! Верка! Вертихвостка этакая, быстро сюда подошла! Товарищ участковый с тобой разговаривать будет!

За соседним забором замаячила голова любопытного соседа, привлечённого необычным для раннего утра воскресенья зрелищем. Вот и первый кандидат на допрос подтянулся. Чувствуется, день будет долгим.

Глава 11.

18 мая 1965 года, Берёзовка

В дверь кабинета негромко постучали. Серков поднял голову от листа бумаги, на котором за целый час появилась только шапка документа – докладная начальству упорно не желала составляться. Василий был даже рад, что появился повод отвлечься:

– Войдите!

В приоткрывшуюся дверь заглянул младший лейтенант Валентин Покрышкин, свежеепечённый выпускник училища, которого месяц назад прислали в село набираться опыта под крылом старшего товарища. У Василия вновь затеплилась надежда вырваться из опостылевшей Берёзовки, оставив через какое-то время пост участкового уполномоченного населённого пункта младлею. Было бы замечательно в этом году напомнить о себе начальству, раскрыв

какое-нибудь громкое дело, например, о покушении на жизнь главного агронома совхоза. Но в этом расследовании пока было столько вопросов и несостыковок, что он скорее получит по шапке, если предоставит сейчас наверх полный отчёт по делу в его текущем виде.

– Что там, Валентин?

– К вам третьеклассник Виктор Белов, говорит, что его сюда направила классная руководительница Федосеева Лидия Ивановна.

– А, вспомнил, пусть заходит.

В дверь осторожно вошёл мальчик в серой школьной форме, высокий для своего возраста, но очень уж тощий. Сознание Серкова само разложило внешность парня на составляющие, выделило и запомнило основное – годы обучения и практики довели этот навык до автоматизма. Худощавое телосложение, чёрные прямые волосы, короткая, немного неровная стрижка – явно стригли дома, чтобы не тратить лишнего. Правильные черты лица, слегка загорелая, несмотря на весеннее время, кожа без веснушек. Немного выпирающие скулы, прямой нос, ровные брови и редко встречающиеся глаза ярко-зелёного цвета. Особых примет не было. Из-под коротковатой в рукавах школьной формы, которую парень явно перерос, виднелись тонкие запястья. Брюки также были малы Белову, полностью открывая лодыжки. Василий достаточно на своём веку повидал недоедающих, чтобы сразу понять, что парень явно недополучает калорий. Странно, подумалось ему, вроде семья бедовать не должна, отчим – главный механик при совхозе, мать в отделе кадров там же. Правда, детей в семье вроде как пятеро – надо будет уточнить.

Громко хлопнула дверь, и парень слегка вздрогнул. Покрышкину помог притворить её сквозняк в помещении – май выдался жарким, поэтому окно в кабинете уже не первый день было нараспашку.

– Проходи, Виктор, присаживайся, – указал Василий рукой на стул, приставленный боком к его столу. Машинально потянулся за пачкой сигарет, но отдернул руку, всё-таки при ребёнке дымить не стоило.

– Я не против, если вы закурите. Отчим у меня курит, – Виктор спокойно пристроился на стуле, поставив на пол возле ног свой сильно потёртый школьный портфель. Серков машинально отметил, что парень немного нервничает, хоть и отлично это скрывает – выдавали чуть резкие движения. Впрочем, вызов в милицию для третьеклассника – однозначно весомый повод для переживаний.

Участковый откинулся на спинку стула, неторопливо достал папиросу, примял, чиркнул спичкой, затянулся, выпустил дым в сторону. Давнишняя привычка – длинная пауза перед началом разговора давит на собеседника. Некоторые за эти три минуты умудряются дозреть до чистосердечного признания. Так поясняли в училище, да и за годы практики Василий уже не раз убеждался в действенности этого приёма. Парень с любопытством оглядывал небогатое убранство помещения.

Серков проследил, как скользит по комнате его взгляд: железный сейф, на котором пристроились графин с водой и гранёный стакан, типовой плакат «Служим народу!» с улыбающимся чему-то своему милиционером, круглая тарелка радиоточки, вбитый прямо в стену крючок с висящим на нём кителем и фуражкой, небольшой бюст Ленина на подоконнике и портрет первого секретаря Брежнева, простая лампочка под потолком. Отдельного внимания удостоился стол с телефонным аппаратом и небольшой печатной машинкой, письменным прибором, справочником участкового инспектора милиции и кодексами.

Василий дождался, пока пареньёк закончит осмотр кабинета и сосредоточит взгляд на его хозяине, после чего произнёс:

– Ну, давай знакомиться. Зовут меня Василий Арсентьевич Серков, я являюсь участковым уполномоченным Берёзовки.

– Здравствуйте, Василий Арсентьевич, – откликнулся юный посетитель. Не «здрости», а выговорил целиком. – А я Виктор Анатольевич Белов, учусь в школе номер один, в третьем «бэ» классе.

Серков чуть улыбнулся:

– Как думаешь, Виктор, почему я вызвал тебя в участок? – ещё одна маленькая хитрость. Иногда с помощью такого простого вопроса можно получить новую информацию, которую совсем не ожидаешь услышать. Некоторые собеседники теряются и говорят про себя лишнего.

– Так Лидия Ивановна вам про меня наябедничала. Она при всём классе пообещала, что вы мной займётесь. Это было после того, как я с одноклассником подрался на перемене.

– Наслышан, наслышан, – Василий наконец-то понял, что его смущало – парень не боялся. Немного нервничал, да, но никакого страха в нём не чувствовалось, а ведь все подростки, первый раз оказавшиеся в этом кабинете, боялись, поскольку у каждого за душой были какие-то грешки.

– Кем ты хочешь стать, когда вырастешь, Виктор? – вопрос явно застал мальчика врасплох.

– Учёным, Василий Арсентьевич.

– А почему именно учёным?

– Ну, мне нравится узнавать всё новое: как что устроено, почему работает так, а не иначе. И хочу открыть что-нибудь важное.

– А учёным у тебя стать не получится, если судить по поведению. За последние два года на вашу троицу, включая Коврова и Гончаренко, поступали многочисленные жалобы от жителей Берёзовки: хулиганство, кражи, поджог, мелкие пакости просто без счёта. Ты прогуливаешь занятия, сбегаешь с уроков сам, да ещё и подбиваешь на это своих одноклассников. Отвратительно ведёшь себя в школе, конфликтуете со взрослыми и сверстниками. В классном журнале у тебя в графе «поведение» за учебный год стоит «неудовлетворительно». При окончании школы, если ты вдруг до него дотянешь, а не загремишь в колонию для несовершеннолетних, у тебя будет такая характеристика, что ни в одно высшее учебное заведение тебя не примут – это я тебе точно говорю. Да что далеко ходить: будь у тебя двойки и тройки по основным предметам, тебя бы уже могли оставить на второй год, приняв во внимание неудовлетворительное поведение. Хоть учишься хорошо. Что скажешь в своё оправдание?

Парень опустил голову и начал рассматривать некрашенные доски пола, потемневшие от времени и истёртые тысячами ног. Помолчал немного, затем поднял на Василия свои ярко-зелёные глаза:

– Практически всё, что вы перечислили, правда, врать не буду. И в оправдание сказать особо нечего. Почти всё, что мы делали, это мои идеи. Мишка и Толька – хорошие ребята.

– Выгораживаешь приятелей? – усмехнулся Серков.

– Мы всегда друг за друга, как мушкетёры короля. Один за всех и все за одного. Читали Дюма?

– Читал, конечно, но ты давай, не отвлекайся. В чём причина твоего отвратительного и антиобщественного поведения?

Длинная пауза. Виктор глубоко задумался, нахмурив тонкие брови и глядя в угол кабинета.

– Наверное, нам просто скучно. Заняться особо нечем, я большую часть школьной библиотеки перечитал, учебники свои все тоже. Родители ничего не выписывают, только «Правду», а она неинтересная. Вот и шатаемся весь день по селу. Другие пацаны нас даже в футбол играть не берут, говорят, что мы мелкие и только мешаться под ногами будем.

Василия удивил довольно взвешенный и спокойный ответ парнишки, скорее подходящий взрослому. Не ревёт, не размазывает соплю по щекам, как это делают в подобной ситуации его сверстники. Значит, и разговаривать с ним надо с позиции логики.

– А с поджогом как получилось?

– Утянули из дома папиросу, спрятались за тем старым сараем, да пробовали курить, как старшаки. Один из нас закашлялся, нечаянно выронил окурок, и сразу сухая трава занялась. Да так быстро, что не успели затоптать. Это прошлым летом в самую жару было. Мой отчим и отец Тольки помогли деду Пахому новый сарай поставить, доски купили. Влетело нам тогда так, что вспоминать страшно.

– И как, курить понравилось?

– Не-а, голова сильно заболела, а Тольку вообще стошнило. Больше не пробовали.

– А с отчимом у тебя как? – участковый что-то пометил в блокноте. Парень чуть скривился, видно было, что эта тема ему не очень нравится.

– Нормально, уживаемся. Лупит сильно, но только за дело. Мама его любит.

– Ты чего худой такой, с едой нормально у вас?

– Да, просто есть последнее время всегда хочется. Отчим говорит, что я расту.

Ещё одна запись в блокноте.

– Вещи с бельевой верёвки у Тамары Проскуриной с Летней улицы вы украли?

– Нет, это не мы.

– А кто украл, знаешь?

– Не-а, – помотал головой Виктор.

– А к Щербаковым кто в ночь на воскресенье залез? – парень как-то весь подобрался.

– А кто это?

– Щербаков – главный агроном совхоза. И ночью выбили окно в спальне его дочери, да повредили шкаф. И с этой самой дочкой твоя старшая сестра на днях крепко поругалась, насколько мне известно.

– А, это точно не Наташка, у неё алиби, она с мамкой на выходные в Челябинск ездила.

– Ты откуда слово «алиби»-то знаешь? – удивился Серков.

– Читаю много, – улыбнулся Виктор.

– Понятно. Ничего добавить по этому поводу не хочешь? – решил надавить участковый.

– Не, не знаю я, кто это, – наработанные годами чутьё подсказывало, что, скорее всего, врёт, паршивец. Но упёрся, сам не расколется.

– Если что узнаешь – приходи.

Дальше разговор пошёл ни шатко, ни валко. Безрезультатно опросив пацана по текущим делам отделения и персоналиям возможных подозреваемых, Василий приступил к заключительной части беседы:

– Слушай внимательно. Чтобы стать учёным, необходимо получить профильное образование в высшем учебном заведении. В свою очередь, для поступления в вуз нужны не только пятёрки в табеле, но и хорошие характеристики из школы и комсомола. Путь в комсомол лежит через пионерию, где надо зарекомендовать себя с лучшей стороны. Однако с таким поведением, как у тебя, в отряд попасть практически невозможно. И времени на исправление ситуации у тебя осталось мало – в пионеры сейчас принимают почти всех в четвёртом классе. Осознал?

– Осознал, – погрузнел Белов.

– Есть и другой путь. За все твои выходы, по совокупности, я уже должен поставить тебя на учёт в детско-подростковой группе отдела милиции за многочисленные правонарушения и асоциальное поведение. Затем на тебя сформируют дело и отправят его в комиссию по делам несовершеннолетних, поставят на внутришкольный учёт как трудного подростка, могут отправить на обязательные общественные работы. И если ты не исправишься, то пойдёшь на психолого-педагогическую экспертизу и после неё отправишься в спецшколу-интернат закрытого типа. А это, считай, что уже тюрьма для малолетних преступников. Ну а дальше воспитательная колония, и всё – судимость, ограничения при поступлении в вуз, при устройстве на

работу – будешь дворником или разнорабочим, а не учёным. Но я дам тебе один шанс исправиться. Всего один, слышишь, Белов?

– Да, – тихо ответил Виктор.

– Но при серьёзном правонарушении у меня не будет другого выхода, кроме как запустить весь этот процесс. Это моя работа – помогать советскому обществу воспитывать трудных подростков. И наказывать тех, кто не желает исправляться. Подумай хорошенько над всем, что я сказал. Захочешь поговорить – всегда можешь зайти ко мне. И если узнаешь о чём-либо из того, что я у тебя спрашивал – тоже приходи, помощь советской милиции тебе зачтётся, уж поверь мне. Или если узнаешь о каком-то преступлении. Вопросы, пожелания, предложения?

– Не одолжите Уголовный кодекс?

– Зачем он тебе? – не смог скрыть своего изумления Серков.

– Ну все пугают постоянно, говорят, что стану уголовником. Нельзя то, нельзя это. А почему и что именно нельзя и какое будет наказание – не объясняют толком, и в школе на уроках мы это не изучаем. И самому прочесть негде, в школьной библиотеке его нет, я уже спрашивал зимой. А у вас вон на столе лежит, – парень кивнул на стопку кодексов, в которой на самом верху оказался не так давно принятый УК РСФСР тысяча девятьсот шестидесятого года.

– На три дня могу дать, устройт? – после паузы ответил участковый.

– Да, я успею прочесть, спасибо большое!

Выйдя из опорного пункта милиции, я медленно побрёл по улице, волоча потяжелевший на вес кодекса школьный портфель. Состояние собранности, в которое я себя загнал перед встречей с участковым, рассеялось, и на меня накатило чувство внутренней опустошённости и апатии. Как же много, оказывается, знает обо мне и о наших с парнями проделках Василий Арсентьевич: что у меня отчим, а не отец, про сгоревший сарай и всё прочее. Поперебирая в голове мысли, я пришёл к довольно простому выводу: работа участкового и заключается в том, чтобы знать как можно больше обо всех жителях села. Да и Лидия Ивановна явно рассказала Серкову всё, что у неё накопилось на мой счёт: про прогулы, драки и годовую оценку поведения. А история с битвой семейств Беловых и Синичкиных прямо в школьном классе вообще стала на какое-то время главной сельской сплетней.

Отдельно волновали вопросы по поводу моего ночного визита к дому Щербаковых. Неужели я где-то так сильно прокололся в своей вылазке? Нет, вряд ли. Будь участковый хоть немного уверен в моей причастности, он бы уже поговорил с родителями, да и диалог со мной вёл бы совсем по-другому. Но как он умудрился узнать, что Наташка с этой Веркой поцапались? Всё-таки милиция – это вам не хухры-мухры, как любит повторять дедушка.

Разговор с участковым заставил меня здорово приуныть. Такое будущее, как обрисовал мне Василий Арсентьевич, меня пугало: комиссия, спецшкола, колония. Взрослые пацаны в этой спецшколе наверняка окажутся пострашнее самых отъявленных местных хулиганов – ведь те, кого туда законопатили, своё по улицам городов и сёл уже отгуляли.

Я скосил глаза на значок октябрёнка, прицепленный к школьному пиджаку слева, напротив сердца. Годами я носил его просто потому, что этот значок мне выдали в первом классе на линейке, как и всем моим одноклассникам. При этом взрослые говорили много красивых и умных слов, а мы, семилетки с ветром в голове и шилом в тайном месте, просто получили по значку и забыли о нём уже к вечеру, снова погружившись в свои детские дела. Поэтому общество регулярно брало нас за коллективную шкуру и макало носом в мир, где есть не только права, но и обязанности. Нас привлекали к разнообразным октябрятским делам: мы помогали одиноким старикам, собирали макулатуру и металлолом, подтягивали отстающих

в учёбе одноклассников, поддерживали чистоту и порядок в школе, участвовали в трудовых десантах – да много чего. Классы поделили на звенья по пять человек и назначили командиров, которые следили за успеваемостью и поведением остальных членов своей группы и служили координаторами наших активностей. Машке вот сильно не повезло иметь в своей пятёрке такого хулигана и вольнодумца, как я.

Но все мероприятия для школьников начальных классов были всего лишь подготовкой к следующему этапу. Скоро я закончу третий год обучения, а уже осенью начнётся приём в пионеры. И надо за лето решить, буду ли я дальше одиночкой, на которого снисходительно будут смотреть одноклассники, уже надевшие пионерский галстук и гордящиеся оказанным им доверием, или начну играть по правилам и стремиться стать частью коллектива. В голове нарисовалась картина того, как весь класс в пионерских галстуках тычет в меня пальцем, крича при этом: «Он недостойн!» От ещё несуществующей обиды в носу засвербело, а в глазах предательски начала скапливаться влага.

Встряхнувшись, я пошагал бодрее. Надоело киснуть. Внезапно вспомнилось ошарашенное выражение лица участкового, когда я попросил у него почитать Уголовный кодекс. Я расплылся в улыбке от уха до уха, затем рассмеялся в голос. Из кустов рядом с дорогой испуганно порскнул вдоль забора чей-то всклокоченный котиче, и я засмеялся ещё громче. К чёрту пока что эту пионерию, ведь до четвёртого класса ещё целое длинное жаркое лето!

Глава 12.

18 мая 1965 года, Берёзовка

Радостные визги и пiski с нашего двора были слышны издалека. На душе потеплело – братья носились непредсказуемыми зигзагами, играя в догонялки, а за ними краем глаза присматривала сидевшая на скамеечке и что-то читающая Танька.

– А где Наташка? – кинув портфель на лавку, поинтересовался у сестрёнки я.

– На кухне, обед готовит, – оторвавшись от произведения, ответила Танька. Читала она, кстати, «Дети капитана Гранта» Жюль Верна.

– Нравится книжка? – сам я уже многократно перечитывал роман, каждый раз представляя себя путешествующим вместе с героями по всей тридцать седьмой параллели южной широты.

– Ага, очень интересно, даже за уроки пока не бралась, – для аккуратистки Таньки, привыкшей делать домашку сразу после школы, это было что-то из ряда вон.

Я кивнул и потопал на летнюю кухню. Там возле печки хлопотала Наташка. Широко прадед хозяйство закладывал, на семью побольше нашей. До сих пор некоторые, как я слышал из обрывков разговоров родителей, шипят по углам, почему у Беловых не отобрали подворье в первые годы после революции. Слово-то какое – подворье. Перед глазами сразу встают картины боярских усадеб да монастырей из романа Алексея Толстого «Пётр Первый».

– Привет! – плюхнулся я на табуретку.

– А, пришёл наконец. Что-то ты задержался сегодня, – повернулась ко мне старшая сестра. – Сейчас обедать будем.

– А я в милиции был, – радостно выпалил я. Наташка выронила из рук полотенце, недовольно зашипела на саму себя, подняла и отряхнула.

– Что опять натворил?

– Про-фи-лак-ти-чес-кая беседа. Пугали колонией, короче говоря.

– Ну, тебе полезно, совсем распоясался, – погрозила пальцем Наташка, неплохо копируя мать.

– Про ночную вылазку к Щербаковым отдельно спрашивали, – ещё шире улыбнулся я. Наташка резко побледнела.

– Они что... узнали?

– Не-а, участковый меня вообще про всё подряд спрашивал, что на селе случилось за год и про это тоже.

– Гад мелкий, я чуть в обморок не упала! – следующие две минуты я, веселясь, метался по кухне и уворачивался от шлепков влажным полотенцем. Ванька с Петькой, услышав со двора нашу беготню, радостно присоединились к догонялкам. Наташка, поостыв, выставила их наружу и прикрыла дверь:

– Он точно на тебя не подумал?

– Вряд ли. Просто спросил, знаю ли я что-нибудь об этом. А Верка как себя ведёт?

– Тихая сидит второй день, как мышь под веником. Зыркает, конечно, исподлобья, но мы же в ссоре. Главное, что языком трепать перестала и на Валерку zenки свои не пялит.

– Шалость удалась, и должок списан? – уточнил я.

– Само собой. А утром в воскресенье, по слухам, у Щербаковых такая суета была, что папка Веркин аж в пять утра приволок участкового, и они долго там ходили по двору и что-то искали.

– Ну и пусть ищут кого-то с большими-пребольшими ногами.

Наташка порывисто обняла меня, затем дала шелбан и отправила переодеваться.

Участковый уполномоченный Берёзовки меланхолично курил у открытого окна, стряхивая пепел наружу. Настроение было отвратительным – даже тёплый солнечный день и безоблачное небо за окном не радовали Василия. Мечты раскрыть громкое, по меркам села, дело о покушении на жизнь главного агронома и выделиться в глазах начальства растаяли, как сигаретный дым. Допрос соседей Щербакова ничего не дал – все спали, и даже на лай бестолковой Марты не проснулись – привыкли. Беседа с двумя предыдущими ухажёрами Щербаковой-младшей также зацепок не дала. С первым из них, высоким и плечистым для своих лет одноклассником, та рассталась ещё зимой. Со вторым загуляла под ручку практически сразу после разрыва с предыдущим. Парни даже успели разбить друг другу морды, как это принято в природе у молодых самцов. Ростом второй был пониже почти на голову, да и размер обуви практически подходил – сорок первый против сорок четвёртого у дылды-одноклассника, вот только весил ухажёр ещё больше предыдущего, будучи раза в полтора раза шире.

– Акселераты! – из уст Василия термин прозвучал ругательством. – На комбикорме вас, что ли, выращивают нынче?

Участковый перегнулся через окно, сплюнул, утёр рукавом рот. Проблема с этими двумя подозреваемыми была в том, что весили они примерно как сам Серков – следовательно, оставить следы на месте преступления не могли. Участковый даже сверился с методическими пособиями, валяющимися без дела годами в нижнем ящике стола – злоумышленник, исходя из глубины следов обуви, должен был весить около тридцати килограммов. И сорок второй размер обуви, ага. И траектория снаряда говорила, что рост преступника, предположительно, меньше полутора метров. Выходило, что во двор к агроному влез злой карлик-силач с огромными ногами.

Серков выкинул окурочек в окно, сплюнул ещё раз и вернулся на своё рабочее место, побарабанил пальцами по столу.

– Валентин! – крикнул он громко. За дверью забухали тяжёлые шаги.

– Да, Василий Арсентьевич? – Покрышкин заглянул в кабинет.

– Возьми, внутри улики из дома Щербакова. Отправь сегодня же в Челябинск, в лабораторию, Стефанович ждёт, – участковый указал рукой на обёрнутую в плотную бумагу коробку, лежащую на краю стола. Сверху было размашисто написано: «Улики с места происшествия по адресу ул. Суворова, д.12, изъяты 16.05.1965 г. Изъял участковый уполномоченный по с. Берёзовка ст. лейтенант Серков. Направляется в КЛ УВД г. Челябинска для экспертизы».

– Хорошо, займусь, – Покрышкин подхватил коробку со стола и скрылся за дверью.

Эксперт-криминалист Стефанович из челябинской криминалистической лаборатории очень заинтересовался, когда Василий в телефонном разговоре обрисовал ему необычную ситуацию по делу Щербаковых. Опытный пятидесятилетний трасолог за длительное время службы повидал всякое и собирал как истории о применении необычных видов стрелкового оружия, так и сами образцы. Подавляющая часть коллекции представляла собой разнообразнейшие огнестрельные самопалы, зачастую собранные «на коленке» в каком-нибудь сарае с помощью напильника, куска металлической трубки, гвоздей и верёвки. Неудивительно, что Стефанович немедленно попросил прислать ему тот самый камушек, который Серков позавчера выковырял из кирпичной стены дома главного агронома, а Василий вложил в отправление ещё и два куска ботинок, найденные на месте происшествия. Пусть эксперт глянет, хуже не будет.

Ближе к вечеру я, забив на домашку, удрал со двора. Все мысли занимало желание попробовать повторить бросок камушка, который так хорошо удался в ночной вылазке во двор к Верке-разлучнице. Он был явно намного сильнее любого, который смог бы сделать пацан моего возраста – посиневшие пальцы не дадут соврать. Да и участковый в беседе проговорился, что в доме Щербаковых повреждён шкаф. Это явно было чересчур для броска камня размером в пятикопеечную монету.

Вчера я потратил много времени, собирая подходящие, на мой взгляд, камни. Утянул из шкафа свои старые варежки, чтобы не так сильно доставалось пальцам, и придумал себе мишень в виде плетёной корзины не пойми из-под чего, валявшейся с незапамятных времён у нас в сарайке для инструментов.

Забравшись поглубже в лес, я нашёл прогалину, оставшуюся со стародавней вырубки. Пристроил корзину на пеньке, коих здесь было в изобилии. Отошёл метров на десять, натянул две варежки на одну руку и замер, глубоко дыша и усилием воли разгоняя Ядро. После чего несильно, опасаясь снова повредить руку, размахнулся и швырнул камень в корзину, плеснув в ладонь Энергией. Еле слышно хлопнуло, терпимо отдало в пальцы. Снаряд улетел куда-то сильно выше цели – глухо стукнуло в одно из деревьев дальше в лесу.

Отлично, удалось воспроизвести новую способность с первого раза! Попрыгал на месте от радости. Повторил бросок, затратив чуть больше Энергии – попал в пень, на котором стояла корзина, и срикошетивший камушек едва не отлетел в меня, просвистев над головой. Сделал пару шагов назад и продолжил пуляние.

Вскоре выяснились сразу две вещи: корзину мой снаряд пробивает насквозь, и Энергии пока хватает только на шесть несильных бросков, каждый из которых намного слабее того ночного. Очень негусто. Я уселся на пенёк и начал гонять Энергию по телу. Дырявая плетёная цель так и осталась валяться под ногами. Солнце постепенно клонилось к закату, где-то над головой истошно закаркала ворона. Мысли плавно перетекали одна в другую, заставляя меня отрешиться от окружающего мира.

Подведём итоги. Получается регулировать силу броска, больше или меньше напрягаясь перед оным и расходуя разное количество Энергии – это плюс. Точность пуляний такая низкая, что скорее отсутствует: в корзину я попал случайно – это минус. Энергии хватает на пяток

бросков – это тоже минус. Скорость полёта снаряда превосходит минимум в десять раз ту, что я могу выдать без использования способностей – это плюс. Итого два плюса на два минуса.

– Эй, парень, ты чего тут сидишь, скоро уже солнце сядет! – я вздрогнул и обернулся. На поляну из кустов выбрался один из друзей отчима, который вместе с ним и работал в мастерских, и частенько употреблял горячительное. Котомка на плече, дуло ружья торчит из-за спины – и кого он там в мае добывать-то ходил?

– Здравствуйте, дядя Стас! Голова заболела от уроков, прогуляться решил, сейчас немного отдохну да ужинать пойду.

– Ну ладно, сиди, батя привет передавай, – мужик кивнул мне и вскоре скрылся с другой стороны поляны.

– Не лес, а проходной двор, – буркнул я себе под нос, устраиваясь поудобнее и продолжая теревить Ядро.

После второй серии бросков у меня закончились камни, и солнце действительно начало закатываться за горизонт. Потратив всю накопленную Энергию за четыре бесполезные попытки попасть в корзину, снова водружённую на пень, я здорово разлохматил верхнюю из двух варежек, зато придумал, как назову свою новую способность. Недавно я брал в библиотеке учебник по физике для старших классов. Не всё, как всегда, понял, но усвоил оттуда новый термин – Импульс. Вот так и назову. Я явление открыл, значит, мне и выбирать название, как настоящему учёному! Прокравшись огородами на задний двор, закинул корзину обратно в сараюшку и потопал ужинать. Аппетит от занятий с Энергией разыгрался такой, что в желудке началась резь – я сейчас и варёную подошву от сапога, наверное, слопал бы.

19 мая 1965 года, Берёзовка

– Белов, ты ходил к участковому? – зашедшая в кабинет Лидия Ивановна сразу после общего приветствия решила поунижать меня перед классом. Все тут же принялись на меня пялиться.

– Да, хороший дядька, мне понравился! Я у него Уголовный кодекс взял почитать, интересно очень, – я и правда вчера после ужина засел за взятую у Василия Арсентьевича книгу, ведь обещал вернуть её через три дня.

– Изучай, тебе точно пригодится, – ехидно заулыбалась классуха.

Поймал на себе изумлённый взгляд Мишки. Чувствую, на перемене из меня вытянут все подробности посещения опорного пункта.

– А ты чего? – не унимался Мишка. Мы стояли за углом школы. Большая перемена позволяла покинуть здание и подышать свежим воздухом.

– Я ему и говорю, не знаю, мол, ничего, Василий Арсентьевич, кто там какое бельё стянул, – поняв, что никуда от расспросов не деться, я сам выволок Тольку с Мишкой на улицу.

– А он чего?

– О-о, а вот и наш главный хулиган и негодяй, Виктор Белов! – неспешно протянули за спиной.

Я обернулся – так и есть, Пашка Вялов с друзьями – тот ещё типчик. Самая большая заноза в заднице среди пятиклассников.

– Октябрятский привет тебе, Вялый, от третьеклашек! Как дела? – Пашка скривился. За постоянные и разнообразные выходки в пионеры его так до сих пор и не приняли.

– Пока не родила, гы-гы, – трое подпевал Пашки заухмылялись. – Тебе, в натуре, в пионеры тоже не светит: уже в ментовку, по слухам, прописался.

– Как родит, ты скажи, отпразднуем, – опять он попался на тупую шутку. – Как не стыдно кошелёк у своей же учительницы было воровать, а?

– Может, тебе нос разбить, Белый? – набычился Вялов.

– Свали в туман, Пашка, – слева от меня встал отлепившийся от стены Толька. Мишка молча подтянулся справа.

– Дерзкие больно стали, мелочь? – явно рисуясь, противники выстроились в рядок перед нами.

– Слушай, а не ты бабское бельё с верёвок повадился таскать? А то участковый всё про это выспрашивал, кажись, на тебя намекал, – подначил я Вялова. Раз уж драки не избежать, то надо хотя бы завладеть инициативой.

– Хана тебе! – Пашка кинулся на меня, как молодой бычок. Я сделал шаг назад, и его размашистый удар не дотянулся до моего носа, а вот мушкетёры не сплоховали – в Пашку влетело сразу с двух сторон, в ухо и в живот. Схема отработанная, уже выручала в массовых драках. Я подскочил и зарядил согнувшегося бычку коленом в лицо. Пашка отвалился на спину и скрючился, растеряв весь боевой задор.

– Теперь всё по-честному, три на три! – я шагнул вперёд, сжимая кулаки. Противники растерялись и не спешили нападать. Я глубоко задышал, готовясь к драке. Ядро проснулось и затрепыхалось в груди.

– Что у вас тут происходит? – Ну всё, опять залетели. Это Леонид Васильевич, школьный учитель математики, вынырнул из-за угла здания. – Все семеро прямо сейчас к директору шагом марш! И Вялова подберите с земли, простудится.

– Витька, а ну-ка подошёл сюда! – я глубоко вздохнул. В голосе Артурчика, зовущего меня со двора, отчётливо чувствовались надвигающиеся неприятности.

– Что? – доплёлся я до порога и выглянул наружу.

– Я тебе штокну сейчас по заднице! Ты какого хрена вчера в лесу вечером делал? – понятно, опять «под мухой» припёрся.

– Гулял, голова от учебников заболела.

– Тебе девять лет, а ты в пяти километрах от села один шарахаешься? А если медведь?

– Убегу.

– Дурак, медведь вдвое быстрее тебя бегаёт! А корзину зачем испортил? И зачем она тебе вообще понадобилась в середине мая?

– Случайно, а корзину под грибы брал.

Из летней кухни выглянула мать, очевидно, слышавшая наш диалог:

– Какие грибы в такое время, что ты мелешь, Витька? Вы о чём вообще?

Отчим развернулся к маме:

– Представляешь, Кать, прихожу я сегодня на работу, а мне Стас и говорит – наткнулся, мол, вчера вечером в лесу на твоего оболтуса, почти в часе ходьбы от дома, сидит на пне, не шевелится, у ног дырявая корзина валяется, а на руке варежка зимняя, вы бы его врачу показали, что ли?

– Вить, ты чего придумал опять? – мать удивлённо уставилась на меня. – Девку с Потаповки вон, до сих пор найти не могут, а ты, никому не сказав, в лес учесал. Пока по жопе не получишь, голова не включается?

– Да гулял я! – решил стоять на своей версии до конца. Надо сменить тему. – Мам, а тебя завтра к директору вызывают, на нас пятиклашки напрыгнули, мы с парнями подрались немного.

– Иди сюда, сейчас за всё сразу начислю, чтобы по первое июня хватило, – отчим расстегнул ремень и начал вытягивать его из штанов. Я терпеливо дождался, пока средство укрощения малолетних оболтусов целиком переключает в руку, и кинулся на задний двор – там калитка на огород должна быть ещё открыта.

– Куда, паразит, стой, хуже будет! – донеслось из-за спины. Затем раздался звук падения тела. Я обернулся – Артурчик не смог нормально бежать за мной в сползающих штанах и сейчас, ругаясь, пытался подняться с земли.

– Ты когда пьяный, дерёшься сильно, давай попозже выпорешь! – крикнул я ему издали и продолжил тактическое отступление. Надо спрятаться где-нибудь на пару часов.

Я сидел в кустах за грядками и предавался унынию. В последнее время мне совсем понравилось ходить в школу – Лидия Ивановна надоела своими постоянными придирками хуже острого камушка в ботинке. У неё на мне как свет клином сошёлся. К другим ученикам такого странного отношения не было. После сегодняшнего посещения кабинета директора «неудовлетворительно» по поведению в годовом табеле напротив моей фамилии было торжественно исправлено классухой на «очень неудовлетворительно», то есть на «единицу». Действие сопровождалось обязательными язвительными комментариями на мой счёт.

Ну да, я опять подрался. Но деваться было некуда, дашь слабинку – и заклюют, как отчим иногда говорит. Первый раз я подрался уже и не упомяну, в каком возрасте, наверное, как только научился стоять на ногах. Чаще проигрывал, само собой, но никогда не сдавался, и, в конце концов, большинство задир от меня отстали, зная, что словами со мной не разойтись и за оскорбление обязательно последует удар в нос или в пузо. В школе, например, сейчас меня доставал только неугомонный Вялов, а раньше задир было минимум десяток.

Артурчик тоже надоел со своим вечным рукоприкладством. Весь последний месяц он приходил домой пьяный почти каждый день и уже несколько раз ругался с мамкой. Слышал краем уха, что его даже лишили премии, когда поймали нетрезвым на рабочем месте.

Я вздохнул, сожалея о том, что не успел захватить из дома Уголовный кодекс, и принялся тренировать Разлом, откалывая прикосновением пальцев куски от подобранной тут же сухой ветки. Вскоре снова неудержимо захотелось жрать. Зато, когда по темноте прокрался домой, отчим уже завалился спать – расчёт оказался верен. Обрадовавшись тому, что сегодня удалось избежать ремня, я отправился в набег на кухню.

Глава 13.

20 мая 1965 года, Берёзовка

Сегодня меня припахали забирать близнецов после школы. В садик два моих младших брата не ходили, поэтому в будние дни с самого утра кто-то из домашних отводил их к бабушке с бабушкой, а после школы либо Наташка, либо Танька забирала сорванцов домой, заодно немного помогая старикам по хозяйству.

Моя бабушка, Марфа Петровна, последние годы часто хворала, больная спина не давала ей много ходить, отчего ей трудно было справляться с домашней работой. А ведь, в отличие от нас, старики держали дойную корову, чтобы снабжать нас полезным для детей молоком,

и три десятка кур. В нашем хозяйстве животных, кстати, не было совсем, что для Берёзовки было большой редкостью – у мамки была странная особенность: она почему-то не переносила животных и была категорически против завести даже курицу. Бабы на селе завидовали, что она не утруждается хозяйством, и шушукались ещё пуше, в пересудах называя её «барыней». Любви к нашему семейству в глазах общественности это, естественно, не добавляло.

Зайдя во двор, я аккуратно прикрыл за собой калитку – вездесущие курицы за две секунды могли сбежать на улицу, умаешься их потом ловить. Участок у дедушки с бабушкой был не такой большой, как у нас: дом, сарай, хлев с птичником да огород на пять соток, но маеты с хозяйством им хватало за глаза – сказывался возраст.

Бабушка выглянула во двор, всплеснула руками:

– Витька, ты заболел, али шо? Чего такой худющий стал, одна кожа да кости?

– Отчим сказал, я расти быстро начал, – уже привычно соврал я.

– Рано что-то, небось, как отец твой, высокий будешь. Пошли в дом, соберём на стол, поешь как следует.

Помог бабке, тяжело уже ей одной поворачиваться в кухонном углу. Пока ждали близнецов и деда, я осторожно спросил, пристроившись на лавке у окна:

– Бабушка, а каким был мой отец, как мать с ним вообще сошлась? Она никогда не говорит об отце, только сердится, когда спрашиваю.

– Отож понятно, что сердится. Он же ей голову вскружил, да сбёг разом, даже месяц с ней не погулял, – примостилась на соседнюю лавку бабушка.

– Расскажи, пожалуйста, а то всё, что я об отце знаю, – что его Толей звали, ведь у меня отчество Анатольевич в документах.

– Ох-ох. Катьке не говори только, обещаешь?

– Обещаю, ба.

– Ну смотри. Весной пятьдесят пятого дело было. Дед ещё работал, здоровье позволяло. Мы все тогда ещё в старом доме жили – ну, где ты сейчас обретаешься: я с дедом, да Катька с дочками. Наташке четыре вроде было, а Танька совсем кроха, только годик исполнился. И вот собралась Катька с подружками в клуб на танцы, совсем её тоска заела дома сидеть. Не хотела я её пускать, да куда там. Она всегда своевольная была. Возвращается вечером, глаза горят, щёки красные. Говорит, объявился на танцах парень – прям красавец писанный, весь из себя городской, да одет богато. Пинжак новый, туфли лаковые, волосы уложены. Все девки рты пораскрывали, а Толька – тот сразу к ней, и давай хвост распускать. Парни наши сельские его было на двор повели, перья попортить, а он, вроде как, пятерых раскидал, да снова на танцы.

– А откуда отец в Берёзовку приехал?

– Да кто же его знает, небось, в командировку какую от начальства городского. Мне Катька про него сильно не болтала. В общем, загуляла она с ним. Толька при деньгах был, дом пустующий снял у кого-то из совхозных, там и поселился. И вроде мы уж с дедом обрадовались, попробуй дважды замужнюю в третий раз-то пристроить, как Катька однажды прибежала вся в слезах, ревмя ревет. Я к ней, а она и говорит, что попросался с ней этот беспутный. Спасибо только за любовь и сказал. Дед кинулся было, как мужик с мужиком, с ним поговорить, даже топор, на всякий, прихватил, а только не было твоего отца в избе уже – в ночь прямо и сбёг. А через неделю почтальон перевод принёс: денег, стало быть, этот кобель прислал. Врать не буду, много. И потом ещё присылал. Да только кобель и есть. Вот и мамка твоя про него даже слышать не хочет, до сих пор не простила.

– А фотографии его у тебя случайно не осталось? – я аж придвинулся поближе, боясь что-либо упустить.

– Да какой там. Помню только, что волосы и глаза как у тебя, вообще похож ты на него сильно. Вот если б до свадьбы дошло, уж была бы фотография, а так откуда, – бабушка склонила голову, погрузившись в свои воспоминания.

Бухнула дверь, послышались звонкие мальчишеские голоса. Затем хриплый, степенный голос деда, увещевавшего расшалившихся близнецов. Я улыбнулся. Подбежал Ванька, полез обниматься:

– Витька, а мы с дедкой на речку ходили, трёх лещей поймали! – я потрепал брата по макушке. Мимо степенно протиснулся на лавку Петька. Хоть и близнецы, а какие разные характеры: Ванька намного подвижнее, веселее и ласковее, а Петька поспокойнее, посдержаннее. Интересно, как так получается, если они всё время вместе.

– Сейчас ещё по лещу поймаете, куда за стол с грязными руками? Марш умываться! – дед наконец-то дохромал до меня, протянул свою лапищу. – Здорово, внучок! Помоги братьям с рукомойником, не достают пока до него.

Дед, Мирон Матвевич Белов, был высок и широк в плечах. На старых фотографиях – очень красив в молодости. Сразу становилось понятно, в кого мамка уродилась. Судьба его здорово потрепала – прошёл всю войну артиллеристом, воевал с августа сорок первого, а закончил в Польше. Четырежды был ранен, с той поры сильно хромал на левую ногу – повредило сустав осколком. А под Варшавой был контужен, попал в плен, затем в концлагерь, хоть и ненадолго совсем. После освобождения из плена Красной Армией оказался арестован и отправлен в лагерь далеко в Сибири, где посреди бескрайней тайги работал на золотом прииске. Провёл он там полтора года, затем был отпущен домой, но затаил тихую, лютую обиду на власть, которая, не особо разбираясь, «законопатила его на каторгу», как он сам это называл.

В сорок седьмом году дед вернулся в Берёзовку, где его дождалась бабушка Марфа, а вот из четверых детей осталась в живых только Катя – моя мама. Пока дед Мирон был в плену, на войне погиб его старший сын, а две дочери, сёстры моей матери, умерли от болезней, когда дед сидел в Сибири. В прошлом году, когда все уже разошлись после застолья и мы остались с ним вдвоём, изрядно выпивший дед, роняя скупые слёзы на скатерть, рассказывал мне, как винит себя, что не смог быть с роднёй в трудную минуту. Как ненавидит власть, что оторвала его от семьи и тем самым убила его дочерей. Как не смог простить односельчан, которые не помогли его жене, когда та нуждалась. И такое страшное горе в тот день я увидел в обычно сильном и спокойном дедушке Мироне, что навсегда запомнил этот разговор.

– Что ж ты, Витька, безобразничаешь? Мамка на тебя жалуется, – дед дождался, пока мы останемся вдвоём. Обед уже прошёл, я помог убрать со стола и теперь мыл посуду. Сейчас бабушка повела близнецов в птичник, показывать им недавно появившихся цыплят.

– Не знаю, деда, оно как-то само получается, не со зла, – пожал я плечами.

– Вижу, что нет в тебе зла, одна дурость, но она пройдёт, как подрастёшь. Все озоруют по малолетству, но меру всё равно знай, – дед пристукнул ладонью по столу.

– Постараюсь. Отчим достаёт последнее время, пьёт каждый день, ремень скоро об меня сотрёт, – попробовал я перевести разговор на другую тему.

– Терпи. Об меня в своё время и стулья ломали, и грабли, бывало. Не доходит через голову – дойдёт через задницу, так люди говорят.

– Хорошо, деда. Я что спросить хотел – мамка о моём настоящем отце не желает ничего рассказывать, может, от тебя хоть что-то узнаю?

– Правильно делает, об этой сволочи меня и не спрашивай даже. Если я его когда увижу – все рёбра переломаяю, – дед разозлился, под конец почти сорвавшись на крик.

– Ладно, не буду, – я вытер полотенцем последнюю тарелку и поставил её на полку возле печки.

Дед помолчал.

– У мента, поговаривают, был? – наконец спросил он, успокоившись.

– Был, классуха меня к нему силком отправила. Заклевала она меня совсем в этом году, – устроился я поудобнее на лавке напротив деда, облокотился на стол.

– Стервью Лидка была, стервью и осталась. Мстит до сих пор. У сучьего племени память долгая, – задумавшись о чём-то своём, буркнул дед.

– Мстит? Мне? Я ей не делал ничего, – здорово удивился я, услышав такое о своем классном руководителе.

– Мамке твоей мстит. Катька же у Лидки Сергея отбила, отца Танькиного. Там уже и родители успели сговориться, лай тогда на всё село поднялся. Мы с Лидкиным отцом и кулаки друг о друга почесать успели, и выпить на замирение.

– Вот это да, – раскрыл рот я. – И что мне теперь делать?

– Что делать, что делать... Муравью флаг приделать! Через месяц у тебя младшая школа заканчивается, а в четвёртом классе другую училку дадут, дотерпишь. Что мент-то от тебя хотел? – дед сдвинул брови. Представителей власти он недолюбливал особо.

– Пугал. Что пойду по наклонной дорожке, попаду в спецшколу, потом в колонию. Спрашивал обо всём в селе, обо всех, – ох, чую, сейчас дед Мирон совсем рассердится. Но врать не хотелось.

– В стукачи тебя, стало быть, вербует, прям с малолетства. Вот красноперые пошли, никакого понятия. Ты же молчал?

– Угу. С чего вдруг мне перед ним душу открывать.

– Молодец, – дед перегнулся через стол, хлопнул меня по плечу так, что аж перекосило слегка. – Так и держи себя. За своё – сам отвечай, а за чужое – пусть с чужих и спрашивают. Пошли на двор, с дровами поможешь, совсем сегодня нога разнылась, будь она неладна.

Ведя близнецов домой, я задумался об услышанном от бабушки Марфы. Нечасто, но накачивали на меня фантазии о другой жизни, где у меня есть настоящий, родной отец, а не отчим. Не спорю, от Артурчика бывает польза – как мамка замуж за него вышла, мы жить получше стали. Но всё-таки отчим мне чужой, и я ещё помню время, когда его с нами не было.

В моих грёзах отец приезжал, обнимал меня, говорил, какой я уже большой вырос, выгонял из дома Артурчика и оставался жить с нами. Правда, что было бы дальше, я нормально придумать не мог. Сложно мечтать о подробностях, когда речь идёт об абсолютно незнакомом тебе человеке и ты даже не знаешь, как он выглядит. Поэтому в фантазиях отец всегда представлялся в виде безликой расплывчатой фигуры, как будто сотканной из тумана. Да, вряд ли он даже знает о моём существовании – насколько я понял, отец бросил мать и не возвращался.

Глупые мечты, но иногда затягивало в них, особенно когда мне было грустно.

– Витька, ты чего молчишь? – задёргал меня за руку шедший рядом мелкий.

– Что, Вань?

– Я про цыплят говорю! Давай одного домой возьмём, баба Марфа разрешила? – скорчил просящую рожицу младший брат.

– Двоих, я тоже хочу! – возмутился держащий меня за другую руку Петька.

– Так мамка против будет, выкинет их, – расстроил я братьев.

– А мы их спрячем, домик им сделаем, она и не найдёт, – Ванька не отставал.

– А они пищать будут, родители услышат! – я улыбнулся, глядя на сосредоточенные просящие мордашки.

– А мы им клювики замотаем, они пищать и не смогут!

Так, дурачась, наша весёлая ватажка и доползла до дома. Глупые мысли бесследно растворились по дороге, перестав мучать меня.

21 мая 1965 года, Берёзовка

В приоткрытую дверь негромко постучали, затем в кабинет просунулась растрёпанная голова Белова. Покрышкин умотал на дальнюю сторону села допрашивать свидетелей по очередному делу о пропавшей курице, поэтому Серков корпел над бумагами в одиночестве.

– Проходи, Виктор, присаживайся, – участковый откинулся на спинку стула и указал рукой напротив.

Парень поздоровался, прошёл в кабинет, уселся и аккуратно положил на письменный стол одолженный на время Уголовный кодекс. Уверенно себя чувствует во второй раз, ни страха, ни смущения, автоматически отметил старлей.

– И как, понравилось? – с лёгкой усмешкой кивнул участковый на книгу.

– Да, Василий Арсентьевич, внимательно прочитал, узнал много нового и сделал выводы, – кивнул ему Виктор.

– Какие же, если не секрет?

– Например, что возраст уголовной ответственности в СССР наступает с шестнадцати лет, а по некоторым статьям – с четырнадцати. И меня ещё четыре с лишним года нельзя посадить в тюрьму или отправить в колонию для несовершеннолетних. Понял разницу между кражей, разбоем и грабежом, а то раньше считал, что это одно и то же. Или вот такой момент: за одинаковое преступление можно получить разное наказание. Допустим, я кого-то побил – тогда меня должны осудить в зависимости от того, насколько сильно пострадал избитый мной человек.

– Ты не против, если я закурю? – Серкову нужно было время, чтобы обдумать ситуацию. Начало разговора ему категорически не понравилось.

– Да, конечно.

Василий, не торопясь, проделал обычный ритуал курильщика, медленно затянулся и долгое время молчал, задумчиво глядя на тлеющий кончик сигареты. Парень напротив тоже не спешил разбавить густую тишину кабинета, оперев взгляд в угол и погружившись в себя.

– Знаешь, Виктор, твои наблюдения прозвучали так, будто бы ты уже готов бежать и совершать преступления, зная, что ещё несколько лет будешь неподсуден. А я, выходит, сам дал тебе в руки разрешение на это всё. Так получается?

– Нет, я совсем про другое. В целом, из книги я понял, что за любое преступление меня потом накажут, и если в первый раз не так строго, то за последующие похожие нарушения закона – намного сильнее. И про возраст уголовной ответственности тоже всё не так. Вы же в прошлый раз мне подробно объяснили, что есть комиссия по делам несовершеннолетних, спецшколы и так далее.

– Рад, что ты запомнил, – участковый выпустил в сторону от стола струю дыма. – А то мне показалось, будто ты решил: управы на тебя ещё долго не найдётся. Кстати, а что за драка была позавчера в школе?

– Как обычно, Вялов с пятого класса со своими друзьями пришёл поиздеваться, – спокойно пожал плечами мальчик. – Мы за этот год который раз уже дерёмся. Позавчера он первым подошёл, первым замахнулся, первым и на землю упал.

– Понятно, – затушил окуроч в пепельнице участковый.

– Вы просили сообщить вам, если я узнаю что-то интересное? – неожиданно заулыбался парень.

– Да, конечно. И что ты узнал? – с любопытством подался вперёд Василий.

– Вчера случайно выяснил, почему наша классуха, Лидия Ивановна, придирается ко мне без конца. Оказывается, моя мамка у неё много лет назад жениха увела, представляете?

– Думаешь, это важно? – скептически поднял бровь участковый.

– Очень важно! Ведь я же у вас тут из-за её жалобы оказался, – совсем развеселился Витька.

Серков вздохнул, потёр ладонью уставшие от бесконечной писанины глаза.

– Больше ничего мне сказать не хочешь?

– Не, кроме этого ничего не узнал, – парень помотал головой.

– А по делу Щербакова?

– Это тот агроном, которому на выходных окно выбили? Нет, не слышал об этом ничего.

И опять у Василия сработала чуйка: врёт Белов, точно врёт.

23 мая 1965 года, Берёзовка

В этот пасмурный воскресный день я скакал по внутреннему дворику, отгалкиваясь от земли двумя ногами сразу и высоко подпрыгивая, так как радость требовала выхода. Впервые тренировки дали какой-то прогресс – я дважды за утро смог применить Разлом семь раз подряд, заметно излохматив свежее полено. Значит, способности можно развивать. Тогда, вполне вероятно, от них когда-нибудь даже появится толк. А то достижения в виде разбитого окна и дырявой корзины как-то не впечатляют.

Сбегав на кухню за очередным куском хлеба и стараясь не попасться родителям на глаза, я вернулся во дворик и, лопая горбушку всухомятку, записал шифром результаты сегодняшних экспериментов. Потом напился из колодца и забрался с ногами на лавку – как всегда, после моментальной траты накопленной Энергии на способность наступило время плотной работы с Ядром. Настроив процесс выжимания Энергии из своего внутреннего аккумулятора, я уплыл мыслями куда-то вдаль, вспоминая позавчерашний поход к участковому. Василий Арсентьевич второй раз спрашивал про Щербакова. По всей видимости, я умудрился где-то накосячить в этом своём приключении. Детально перебирая воспоминания о ночной вылазке, начиная с момента обматывания собственных ступней тряпками, я вскоре наткнулся на что-то очень необычное. То место на улице, куда я перенёсся из двора агронома, спасаясь от страшной собаки... я его чувствовал!

Вспоминая в подробностях тот пыльный и твёрдый кусок дороги, который чуть не вышиб из меня дух, я прямо сейчас, сидя с закрытыми глазами, точно осознавал, в каком направлении и на каком расстоянии он от меня находится. Бросив мурыжить Ядро, я вскочил на ноги и рванул к огороду – меня накрыл исследовательский раж. Нет, Прыгать я не собирался. Мне до сих пор иногда снились кошмары, где я на берегу реки не могу выдернуть ладонь, застрявшую в траве, и испытываю при этом невероятную боль. Просто хотелось проверить, не подводит ли меня моя богатая фантазия, действительно ли я чувствую что-то необычное.

Пробежав несколько минут вдоль задов огородов, выходящих к опушке леса, я забился в кусты, закрыл глаза и попытался успокоиться и повторить то состояние мыслей и чувств, в котором пребывал, сидя на лавке во дворе. Получилось! Сосредоточившись на месте ночного Прыжка, снова физически ощутил его расположение. В этот раз направление немного сместилось, но ведь и я убежал далеко от дома. Расстояние стало чуть меньше, поскольку я перебрался немного ближе к улице, где проживал главный агроном со своим семейством.

Повторив замеры ещё три раза, постоянно меняя диспозицию, я получил экспериментальное подтверждение: ту точку улицы Суворова я теперь чувствую откуда угодно – достаточно закрыть глаза и сосредоточиться. Нахмурившись, я брёл домой. Сегодня загадок стало на одну больше – почему я чувствую это место и только его? Другие участки села и его окрестностей я уже пробовал представлять, но никаких посторонних ощущений при этом не возникало.

Глава 14.

25 мая 1965 года, Берёзовка

Скучный школьный вторник медленно полз к своему финалу. На большой перемене Мишка чуть ли не силком затащил нас с Толькой за угол и выдал прямо в лоб:

– Сегодня идём отмечать мой день рождения, парни! Я вишнёвую наливку у матери упёр!

– Ты выпить, что ли, предлагаешь? – уточнил осторожный Толька.

– Да! Мне десять исполняется, круглая дата, юбилей, а юбилеи всегда отмечают! – Мишка приоткрыл портфель и показал горлышко бутылки, замотанной в какую-то тряпицу.

– Надо что-то на закуску придумать, – почесал я затылок. – А то скопытимся быстро. Куда пойдём-то, это же спрятаться как следует надо?

– Да в лес за Крутую Горку подальше свалим. А насчёт закуски – когда пойдём домой переодеться после школы, пусть каждый что-нибудь притащит с собой, вот и закусь! – Мишка, похоже, всё продумал заранее.

– Парни, хорош, час уже топаем. Нормальная полянка, – Толя демонстративно поставил рюкзак на землю. Мы с Мишкой молчаливо подтвердили согласие, примостив свою поклажу рядом.

Развели костёр. Я напихал под него картошки, чтобы запекалась. Это единственное, что мне удалось незаметно стащить из дома. Мишка принёс варёных яиц, а запасливый Толька порадовал нас хлебом и большим куском сала в промасленной бумаге.

– Живём! – потёр руки Мишка.

– Нарезай, – пихнул я Тольку в бок. После того как фельдшер дядя Слава отобрал у меня мой первый в жизни личный ножик, я так и не смог обзавестись новым. Оставалось ждать десятого дня рождения: вдруг удастся намекнуть сёстрам, чтобы они подарили мне ещё один.

Разлили по разнокалиберным кружкам вишнёвку. Я встал и максимально торжественно поздравил Михаила Ивановича с его первым в жизни юбилеем, передразнивая взрослых. Присутствовал пару раз за столом на праздниках, насмотрелся. Поржали, чокнулись, я отпил из кружки и закашлялся – дыхание перехватило. Рядом со мной, выпучив глаза, как рак, нарисованный в иллюстрированной детской книжке, хватал ртом воздух Толька. Один Мишка всадил содержимое залпом, скривившись, как будто кусок хозяйственного мыла проглотил, и спешно зажёвывал выпитое бутербродом с салом.

– Вы чё, правда первый раз пьёте, что ли? – именинник недоумённо посмотрел на нас. – Дыхание задержите и закусывайте быстрее.

– Слышь, бывалый, в твоей бормотухе градусов-то сколько? – покосился на него Толя.

– Понятия не имею, но вроде вишнёвая всегда слабенькая, я слышал.

Мы с Толькой кое-как допили остаток, заели, а юбиляр уже снова наливал.

– Между первой и второй – перерывчик небольшой! – глаза у Мишки заблестели. Он всунул кружку нам в руки и пафосно потребовал:

– Товарищ Ковров, тостуйте, будьте любезны! – и захихикал.

Толя не менее напыщенно, чем я, задвинул практически полноценный тост – тоже, небось, где-то подслушал. К концу его речи мне шархнуло в голову, лес вокруг немного закружился, а во рту пересохло. Чокнулись, выпили. В этот раз я закашлялся уже после того, как проглотил всё содержимое кружки.

– Мих, честно, вишня вишней, а гадость невероятная – язык заплетался, а товарищи начали съезжать из поля зрения куда-то вбок. Я с заметным усилием сфокусировал взгляд на парнях, но удержать его удалось всего на секунду, и они тотчас снова поплыли вправо и вверх.

– Да ладно, сейчас картошка допечётся, перебьём вкус. Добиваем бутылку? Тут немного осталось.

– Не, я пас, – Толька осоловел и залип, глядя в огонь костра.

– Мне тоже хватит, башка кружится так, что даже сидеть сложно, – махнул я рукой.

– Слабаки! – прокомментировал именинник и, рисуясь, отхлебнул половину оставшейся наливки прямо из горлышка. Закашлялся, утёрся рукавом, откусил прямо от шмата сала.

Толя спёкса первым. Кое-как подскочил, прошёл пару метров в сторону от костра, и его вывернуло. Потом ещё раз. Поглядев на него и услышав весь сопутствующий набор звуков, я тоже почувствовал тошноту, но смог кое-как сдержаться. Мишка вскочил на ноги, но через шаг упал. Потом, не рискнув больше подниматься, пополз на четвереньках куда-то в сторону, под раскидистую ель, опустившую свои широкие зелёные лапы почти до земли, и скрылся из виду. Послышались звуки тошноты, полоскало его ещё похлеще, чем Тольку. Последний уже закончил прочищать организм, свернулся клубком там же, в густой траве, и затих.

Я начал глубоко дышать, стараясь удержать внутри себя содержимое желудка. По привычке после нескольких глубоких вдохов отозвалось Ядро, и я сосредоточил внимание на нём. Немного полегчало.

– Па-рни, – Мишка, громко икая, выполз из-под еловой ветви. – Там но-га.

– Какая нога, Мих? – попытался я сфокусировать взгляд на крутящемся перед глазами однокласснике.

– В чуньке, – выдавил из себя именинник, плюхнулся пузом на землю и затих.

Я перевалился на четвереньки и пополз по следам первопроходца. Долго стирать колени в подъёлочной полутьме не пришлось – буквально через пару метров из-под слоя опавшей рыжей хвои и впрямь торчала почерневшая человеческая нога, обутая в грязную войлочную чуню с тёмного цвета подошвой. Ощутимо пахивало тухлятиной. В глаза бросилась жёлтая вышивка ромбиками, украшавшая голенище и носок обуви. Буквально в шаге от ноги, на хвое, валялась вторая чуня, уже без страшного содержимого. В один миг пришло осознание, что я вижу ногу, очевидно, принадлежащую человеческому трупу, и вдыхаю запах его разлагающейся плоти. Сознание пропустило пару кадров. В себя я пришёл уже на полянке возле Мишки, сжимая в руках чуню и с ужасом глядя на друга.

Мой лучший друг раз за разом конвульсивно содрогался и дрожал, глаза его закатились, а губы посинели и отчётливо выделялись на бледном лице. Я потряс его за плечо, раз, другой, громко позвал по имени, больно ущипнул за ухо – он совсем не реагировал. Толя, так и лежавший в траве неподалёку от нас, вообще не шевелился. Ужас сковал меня, и я Прыгнул.

Как всегда, при использовании способностей не обошлось без травм – я потерял равновесие, здорово приложился коленями о землю, перекатился набок и зашипел от боли. Признаться, в первое мгновение я растерялся. Сложно воспринять тот факт, что ещё секунду назад ты стоял посреди густого леса, а сейчас распластался на обочине одной из главных улиц села, прямо под чьим-то забором, на земляном холмике, покрытом травой.

Впрочем, в данный момент моё сознание было полностью поглощено одной мыслью – парни умирают. Мишка ошибся и вместо наливки принёс из дома какой-то яд. Я подскочил и побежал со всей возможной скоростью в сторону фельдшерского пункта, а до него отсюда было минут десять пешком. Улица виляла перед глазами, кровь громко стучала в ушах – казалось, я сейчас оглохну. Мне всё время мерещилось, что я опаздываю, что уже опоздал и

парни померли. Стиснув зубы до боли, я добавлял и добавлял скорости. Затуманенное алкоголем сознание плохо воспринимало действительность, но даже в таком состоянии какой-то ещё работающий участок мозга удивлённо пискнул, что скорость бега явно для меня чрезмерная. Картинка плыла, деревья и кусты хаотично скакали перед глазами. Вот и нужное крыльцо, и... я не смог остановиться. По инерции меня пронесло дальше по улице, до середины соседнего участка. Там я запнулся и покатился кубарем, обдирая локти, колени, предплечья и лицо о твёрдую землю. Вскочил, игнорируя боль, и кинулся обратно.

Владислав Аркадьевич Тармашев, он же для большей части села «доктор» или даже «дядя Слава», аккуратно поставил опустевшую кружку на письменный стол. Умершая три года назад супруга когда-то давно ездила погостить к своим родственникам в Тулу, откуда и привезла это самодельное керамическое великолепие, пузатое и немного кривое на один бок, густо расписанное травинками и цветочками. И теперь каждый раз, когда фельдшер пил чай, он с теплотой вспоминал свою Настеньку, но при этом постоянно опасался разбить неосторожным движением глиняное чудо, которое было ему очень дорого.

– Нет, Василий Арсентьевич, никто ко мне не обращался по поводу укуса крупной собаки. Злоумышленник ваш, должно быть, дома отсиживается, или травма была не такая уж и серьёзная.

Участковый Берёзовки сидел за столом напротив и задумчиво догрызал баранку. Они у Тармашева в медпункте всегда были свежайшие. И откуда только появлялись с завидной регулярностью – не иначе, кто-то здесь в селе пёк специально для фельдшера. Дело Щербакова опять не клеилось. Сегодня утром у Василия состоялся длинный телефонный разговор с криминалистической лабораторией УВД Челябинска. Стефанович первые пять минут не давал ему и слова вставить, зачитав основное из отчётов с итогами проделанных экспертиз:

– Опущу шапку и канцеляризмы. Предмет исследования (улика № 1): один твёрдый круглый объект, далее именуемый «снаряд», извлечённый из кирпичной стены дома по ул. Суворова... Форма – близкая к сферической, частично окатанная. Цвет – светло-серый, с вкраплениями. Размер в наибольшем диаметре 28 мм, масса – 52 грамма. Поверхность – гладкая, без следов коррозии, с единичными мелкими царапинами и вкраплениями посторонних веществ. Методы исследования: микроскопия, эмиссионный спектральный анализ, химические тесты.

– На поверхности снаряда обнаружены микроскопические осколки прозрачного хрупкого материала, содержащего кремнезём и оксиды натрия и кальция, по химическому составу идентичного оконному стеклу. Также выявлены вкрапления светло-коричневого вещества, содержащего целлюлозу и лигнин. Микроструктура соответствует хвойной древесине сосны. Некоторые частицы обуглены, что является признаком высокоскоростного трения. В микротрещинах обнаружены белёсые налёты, содержащие известь и мел. Состав соответствует стандартному материалу побелки. Расположение следов указывает на контакт после прохождения внутреннего пространства помещения. И последнее – вдавленные частицы красновато-коричневого цвета, содержащие оксид железа, глину и кварц, соответствуют материалу красного кирпича. Частицы вдавлены глубоко, часть запеклась – признак высокого давления при остановке снаряда.

– Вывод: исследуемый предмет не является огнестрельным снарядом. На поверхности обнаружены микроскопические следы материалов от оконного стекла, деревянной доски, внутренней побелки помещения и красного кирпича стены. Отсутствуют следы пороха, копоти, свинца и меди, что исключает версию о применении огнестрельного оружия. Кинетическая энергия, необходимая для совершения подобного выстрела, значительна и предполагает использование метательного устройства (рогатки большого размера, пневматического уско-

рителя, катапульты). Рекомендуется провести дополнительный осмотр прилегающей территории на предмет обнаружения остатков метательного устройства (резиновые жгуты, деревянные основы конструкции, следы установки). Доклад окончен!

Серков помолчал несколько секунд:

– Константин Илларионович, давай начистоту. Не первый год знакомы. У меня тут село в заднице географии Южного Урала. Римские когорты речку Бобровку не форсируют, если с самогонкой не перебирать. Какие, нахрен, катапульты?

– Всё понимаю, Василий Арсентьевич, только против химии с физикой не попрёшь. И на более ранние следы использования этого снаряда, до его применения в доме Щербаковых, ситуацию не спишешь. Ищи, из чего стреляли, и будь другом, отзвонись мне, если что прояснится. Я всю голову сломал уже.

– А по второй улике что удалось узнать?

В телефонной трубке слышалось шуршание листов бумаги:

– Та-ак. Улика № 2: два фрагмента носовой части мужского ботинка коричневого цвета. Методы исследования: микроскопия, макрофотография повреждений, химический анализ следов на срезах, сравнительный анализ геометрии срезов.

– Характеристика фрагментов: из натуральной кожи, коричневого цвета, с признаками сильного износа. Форма: полукруглая, соответствует носовой части мужских ботинок 42-го размера, длина среза – 45 миллиметров, глубина среза – 40 миллиметров. Подошва – кожаная, толщиной 8 миллиметров. Срезы идеально гладкие, без зазубрин, заусенцев или следов сколов. Поверхность срезов зеркально ровная, кожа и подошва перерезаны одним движением, без размочаливания волокон. Микроскопическое исследование не выявило следов термического воздействия. Не обнаружено следов металла, что исключает контакт с ножом, топором, другим холодным оружием, а также с лезвием или гильотиной станка.

– Исследование загрязнений на фрагментах обуви, если опустить детали, показало вот что: следы песчано-глинистой пыли, характерные для вашей местности, и следы органических масел, идентичных техническим смазкам. Доклад окончен.

– А выводы где, Илларионыч? – осторожно спросил участковый.

В трубке вздохнули, затем эксперт продолжил:

– Выводы: повреждение ботинок нанесено неизвестным способом, исключающим применение холодного оружия или известного технического устройства. Предположительно применялся станок неизвестного типа с технологией высокоскоростного реза, обеспечивающей сверхвысокую режущую способность. Применялось лезвие из сверхтвёрдого материала, не оставившего следов на срезах. Рекомендуется провести дополнительный осмотр прилегающей территории на предмет обнаружения остатков механизмов и установить, не наблюдался ли вблизи места происшествия необычный шум.

– Илларионыч...

– Василий, первый раз за свою почти четвертьвековую службу в лаборатории у меня возникло столько вопросов по, казалось бы, элементарному анализу улики. Военные объекты вокруг Берёзовки имеются?

– Ни разу не слышал. Впрочем, это совсем не исключает их наличие.

– Вот тебе сразу ещё вариант: ищи кустика-изобретателя. Если найдёшь этого Кулибина – со всем почтением, за шкуру и к нам, со всеми игрушками. Или я сам на место приеду, вызовешь через Управление. А сейчас извиняй, работы навалили, не продохнуть.

Стефанович повесил трубку, не дожидаясь ответа собеседника, но участковый не обиделся. Каждый раз, когда его заносило к экспертам, он видел объёмы работы этих ключевых специалистов Управления, горы бумаг и картонных папок на письменных столах и характерные следы недосыпа на самих экспертах, свидетельствующие о недостатке времени на приведение себя в относительно нормальный вид.

Сейчас же Серков просто отдыхал в гостях у фельдшера, наслаждаясь чаепитием и неторопливой беседой. За годы работы в одном населённом пункте он наладил с Тармашевым хорошие отношения, которые давно вышли за профессиональные рамки. Фоном в голове крутилась мысль: стоило ли отправлять в Челябинск найденные вокруг места преступления у дома Щербаковых куски верёвки? Раз уж Илларионыч настаивает на версии метательного орудия. Надо же, катапульти за Уралом. Сюрреализм какой-то...

– Василий Арсентьевич, я извиняюсь, у тебя на кителе сзади пятно птичьего помёта.

– Вот тварь! Прости, Аркадьевич, меня эта ворона достала уже, третий раз за месяц форму поганит. Понятия не имею, когда и чем ей так насолил, но, такое впечатление, что она на меня просто охотится. Ладно, спасибо за угощение, пора и работу работать.

Серков допил последний глоток чая, взял под мышку свою любимую кожаную папку с бумагами, которую использовал в качестве планшетки, привстал, собираясь было проститься с фельдшером. Входная дверь распахнулась и хлопнула о стену так, что с потолка сыпануло хлопьями побелки. Испуганно вскрикнула медсестричка, перебиравшая что-то в шкафу с инструментами. На пороге возник грязный, взъерошенный мальчишка, сразу кинувшийся к столу Тармашева:

– Дядя Слава, там Мишка с Толькой в лесу умирают!

Только по голосу участковый опознал Виктора Белова, хотя совсем недавно дважды имел с ним беседу – слишком отличался образ третьеклассника в чистой школьной форме от того, что влетело в медпункт.

Буквально за секунду опытный фельдшер из расслабленного состояния человека, только что спокойно пившего чай с баранками, перешёл в напряжённо-рабочий режим медика, готового незамедлительно оказать первую помощь пострадавшему. Серков внутренне восхитился скоростью преобразования пожилого врача. Одним движением Владислав Аркадьевич встал, сделал два шага, выйдя из-за стола, развернул мальчика к свету поудобнее и начал осматривать.

– Белов, быстро, сжато и чётко доложи о ситуации! – командным голосом произнёс Тармашев, взял одной рукой Витьку за подбородок, а второй аккуратно прощупал ушибы и ссадины на голове пациента.

– Мы втроём забрались за Крутую Горку, отмечали десять лет Мишки Гончаренко – он, я и Ковров. Пили наливку, меньше полной кружки каждый, но парням быстро стало плохо. Через некоторое время оба упали и не двигаются, я потряс – не реагируют. Мишка дёргается на земле, у него лицо белое и губы синие. Дядя Слава, помогите им, пожалуйста, они отравились! – частя, как пулемёт, выпалил Витька.

– Дыхни, – скомандовал фельдшер и наклонился. Белов послушно выдохнул ему в лицо.

– Ого, первач на вишне. Идиоты. Василий, давай со мной, я обоих не унесу. Варя, подай мне шприц-двойку и ампулу с кордиамином. Василий, держи термос.

– Белов, а что у тебя в руках? – внезапно спросил участковый. Витька недоумённо посмотрел вниз. Он по-прежнему цепко сжимал пальцами перепачканную чуню с жёлтой вышивкой ромбиками. И как только не выронил по дороге, со всеми этими падениями.

– А, дядь Вась, Мишка под ёлкой труп нашёл, это его обувка, трупа, то есть.

– Привиделось тебе спяну, побежали уже! Варенька, готовьтесь к приёму детей! – Тармашев выхватил у Вари шприц и ампулу, сунул в карман халата и направился к двери.

– Дай сюда, – Серков забрал у Витьки чуню, присмотрелся, потом аккуратно положил на стул, вместе со своей папкой для бумаг и сказал медсестре уже на ходу: – Обувь не трогать, никого не подпускать, это улика, рассчитываю на тебя, – и выбежал за дверь вслед за мальчишкой.

Прохожие на улицах оборачивались им вслед, кое-кто пытался спросить, в чём дело. На два шага впереди бежал, прилично виляя из стороны в сторону, Витька, за ним, трусцой, фельдшер в белом халате и участковый в милицейской форме и с термосом в руках.

– Труп там, скорее всего, и правда есть, – проговорил на бегу Серков, поравнявшись с Тармашевым, – обувка приметная, проходила по ориентировке. Девчонка, что в Потаповке по весне пропала.

– ... мать, – только и ругнулся сквозь зубы Владислав Аркадьевич. Продолжать диалог ему не хватало дыхания.

На полпути к Крутой Горке Витьку таки стошнило – он еле успел опереться о ближайшую сосну. «Только бы довёл до места, – подумал участковый, – мы без него детей сами не найдём». Но Белов только утёрся рукавом и припустил ещё быстрее.

Через четверть часа бега Василий дал себе зарок вернуться к заброшенным в позапрошлом году утренним тренировкам. Давно перестало хватать дыхания, рубашка под кителем промокла от пота, ноги болели, в боку колело. Несколько раз он оборачивался назад – высокий сухощавый фельдшер всё больше отставал, начиная ощутимо прихрамывать, но ещё держался в пределах видимости.

На нужную поляну я выскочил внезапно. К этому моменту головокружение почти прошло, но упасть лицом вниз хотелось с каждой минутой всё сильнее. Вслед за мной из леса вывалился багровый и потный участковый, ещё через полминуты – дядя Слава.

Толя лежал в той же позе, свернувшись в высокой траве, губы и щека его были в собственной блевотине. Когда Серков потряс его за плечо, он даже приоткрыл один глаз. Мишка перестал дёргаться, но выглядел бледнее, чем когда я улетел с поляны. Фельдшер быстро осмотрел его, вколол что-то из шприца, отломав головку стеклянной ампулы. Я плюхнулся на землю, пытаюсь отдышаться.

– Василий, отпаивай Коврова, вижу, он в сознании, – сказал дядя Слава, оттянув у Мишки веко и смотря на реакцию зрачка, – повезло, что наш юбиляр отключился лёжа на животе.

Участковый аккуратно усадил Тольку на землю и начал осторожно вливать в него что-то из колпачка термоса. Вскоре именинника стошнило.

– Продолжай его поить отваром, пусть желудок чистится, – проговорил фельдшер, не прекращая возиться с Мишкой.

Через несколько минут Толька уже мог сидеть без посторонней помощи, а наш самый опытный алкоголик начал подавать признаки жизни. Серков отдал термос с остатками питья Тармашеву, а сам подошёл ко мне:

– Где вы тело-то нашли?

– Вон, под большой ёлкой, почти у самого ствола. Но туда ползти надо, – показал я на дерево. Серков матюкнулся себе под нос и, кряхтя, полез в еловые ветви. Через минуту выполз с другой стороны дерева, в процессе немного помяв и испачкав форму, и направился к нам. Дядя Слава поднял на него глаза:

– Ну что?

– В наличии, – мрачно ответил участковый, – прикопана, сильная степень разложения. Понятно, почему зимой не нашли – кто-то хорошо постарался, чтобы спрятать тело, если бы не эти юные пьянчуги, то и не отыскали бы никогда. Надо в Управление звонить, пусть экспертов присылают.

– Эх! А я до последнего надеялся, что девка просто из дома сбежала. У Гончаренко сильная алкогольная интоксикация, необходимо быстрее доставить его в село, ко мне. Придётся тащить нам с тобой по очереди – далеко.

– Надо – потащим. Белов, на тебе доволочь до фельдшерского пункта Коврова, потом, никуда не заходя, сразу идёшь ко мне на допрос, и только попробуй не прийти. Родителей ваших я сам оповещу. Пошли, Аркадьевич.

Участковый подхватил на руки Мишку, который до сих пор не пришёл толком в себя, и они с фельдшером быстрым шагом направились в обратный путь. Я кое-как поднял с земли Тольку, закинул его руку себе на плечи, приобнял, и мы медленно побрели вслед за взрослыми, поминутно спотыкаясь. О вещах, оставленных нашей троицей на поляне, никто даже и не вспомнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.